

Илья
Чернецов

18+

| **ХАОС**

Илья Чернецов

Хаос

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Корректор Юрий Кудряшов

Редактор Илья Чернецов

Дизайнер обложки Илья Чернецов

© Илья Чернецов, 2023

© Илья Чернецов, дизайн обложки, 2023

Реальная история о парне, который так сильно ненавидел мир, что решил уйти из него самостоятельно. В итоге нашёл настолько мощный смысл жить, что весь абсурд, все несовершенства мира превратились в ничего не значащую ерунду.

ISBN 978-5-4496-8018-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

[Хаос](#)

[1 марта](#)

[7 марта](#)

[10 марта](#)

[13 марта](#)

[19 марта](#)

[25 марта](#)

[3 апреля](#)

[7 апреля](#)

[14 апреля](#)

[17 апреля](#)

[22 апреля](#)

[23 апреля](#)

[27 апреля](#)

[28 апреля](#)

[5 мая](#)

[10 мая](#)

[12 мая](#)

[13 мая](#)

[20 мая](#)

[3 июня](#)

[14 июня](#)

[16 июня](#)

[7 июля](#)

[19 июля](#)

[22 июля](#)

[1 августа](#)
[15 августа](#)
[18 августа](#)
[20 августа](#)
[21 августа](#)
[22 августа](#)
[25 августа](#)
[28 августа](#)
[2 сентября](#)
[3 сентября](#)
[4 сентября](#)
[5 сентября](#)
[8 сентября](#)
[19 сентября](#)
[1 октября](#)
[12 октября](#)
[18 октября](#)
[22 октября](#)
[29 октября](#)
[2 ноября](#)
[3 ноября](#)
[12 ноября](#)
[16 ноября](#)
[17 ноября](#)
[19 ноября](#)
[3 декабря](#)
[4 декабря](#)
[15 декабря](#)
[17 декабря](#)
[21 декабря](#)

[12 января](#)

[24 января](#)

[1 февраля](#)

[23 февраля](#)

[24 февраля](#)

[25 февраля](#)

[26 февраля](#)

[27 февраля](#)

[28 февраля](#)

[1 марта](#)

1 марта

Я всегда спешу и всегда опаздываю.

Я всегда встаю раньше, чтобы всё успеть. Но никогда не успеваю вовремя.

Очень важно быть пунктуальным, важно приходить вовремя. Важно прийти в то время, в которое я сказал, что приду.

Но я всегда и везде опаздываю.

Я встаю раньше, собираюсь раньше, я постоянно держу в голове, что должен успеть. И опаздываю.

Сегодня я появился на работе вовремя. Сегодня я успел. Score!

Привет, моя ёбаная работа. Работа, делающая меня никем, обезличивающая меня и мою сущность. Привет, работа, обесценивающая мой опыт, нивелирующая моё мировоззрение, уравнивающая меня с толпой баранов, бездумно бредущих по маршруту «из ниоткуда в никуда, а потом мы умираем».

В баре бардак.

Я бармен. Я работаю в баре. Наливаю бухло, слушаю чужие истории, натираю стаканы, попиваю сам. Помимо этого, я бармен в модном баре. Поэтому к стандартным барным обязанностям добавляется ещё и необходимость сосуществовать с людьми, неистово устраивающими своё положение. С официантами и официантками, клещащими богатых клиентов, с менеджерами, делающими то же самое или ищущими новую работу у клиентов, которые могут её им дать. Я постоянно нахожусь в эпицентре боевых действий за место под солнцем людей, уважения к которым не то что не испытываю, а и не могу испытывать.

В баре бардак.

Ликёры и газировки, липким слоем покрывшие стойку. Десятки отпечатков пальцев на стаканах. Наплывы на гейзерах бутылок. Пустые бутылки кругом. Бумажки, этикетки, крышки, костеры, кофейные зёрна. Кругом. Загаженные барные ножи и открывашки. Ноги липнут к полу. Носик кофемашины для молока, покрытый толстым слоем молочной накипи.

Я ненавижу бардак на работе.

Хотя вообще, это было ожидаемо. Практически всегда, когда я прихожу на работу, в баре бардак. Люди, с которыми я работаю, чрезвычайно небрежны по отношению ко всему, что не принадлежит лично им. Чтобы они изменились, им нужно перепрошить мозги. Вшить в них извилину, которая будет отвечать за ответственность по отношению к окружающему.

Тем не менее я удивлён бардаком. Я просто удивлён. Без причин. Это просто факт.

Сегодня я пришёл на работу вовремя, а она всё такая же ебаная, как и была. И её ежедневный бардак — вот он.

Внимание, вопрос:

Что меняет факт моего прибытия сюда вовремя сегодня?

Я отмачиваю и начисто вытираю стойку. Я отмываю, а после вытираю стойку так, что теперь любой человек, садясь за неё, просто положит на её поверхность локти, а когда он уберёт локти со стойки, ему не придётся стирать пиджак. Который, наверное, стоит в несколько моих зарплат.

Это массивная стойка из первоклассного дуба. Она пропитана тысячами историй и натёрта локтями огромного количества людей. Она знакома с тоннами точек зрения и галлонами жизненного опыта всех тех, кто сидел за ней. Эти проплешины на лаке есть не что иное, как сама жизнь, собранная из множества уникальных видений мира тех самых людей, которые в мою смену не прилипли к стойке

пиджаками. Или куртками. Или рубашками. Футболками с длинными рукавами. Платьями.

Я отмываю спид-рэк и длинную полку под стойкой. Я несу на мойку и сильной струёй горячей воды вымываю до скрипа резиновые коврики для стопок. Насаживаю на кол чеки. Если у вещи есть своё место — она должна находиться именно на нём. Место чекам — на стальном колышке с деревянной оснасткой.

Я собираю соки по банкам, сливая из нескольких открытых в одну. Персиковый — к персиковому, и так далее. Я выгребаю из ниши стойки весь мусор, протираю полки с бутылками, мою сами бутылки и вытираю насухо. Я зову казашку-уборщицу и прошу как следует вымыть пол. И пока она моет, я смотрю за тем, чтобы она делала это именно как следует. Мне насрать, что её зарплата меньше моей квартплаты. Она устроилась сюда мыть пол — пусть моет как следует. Меньше попиздит по телефону в курилке. Сэкономит на межгороде с Казахстаном и купит себе лишний бич-пакет.

Я сливаю начавший каменеть кофе из поддона кофемашины, мою и натираю её до блеска. Я мою горячей водой холдеры. Я разбираю их и мою щёткой. Я мою их до состояния, когда внутреннее дно под стальным фильтром сияет. Я мою его до видимости меня в отражении. И вытираю насухо. Я делаю именно так. Я всегда мою холдеры именно так. Каждый день. Я натираю кофемашину до состояния сухого блеска. На ней нет капель воды, тем более кофе. Она сухая, чистая и блестящая. Она та самая кофемашина, из которой я лично очень хочу попить кофе. Из такой кофемашины я сварю себе эспрессо с равномерной бежевой кремой, и отпивая его, я буду чувствовать нечто незыблемое. Я буду ощущать твёрдость самой земли и жизни, которая на ней происходит. И я хочу, чтобы каждый, кому я варю кофе, имел возможность почувствовать именно это.

Моя работа, несомненно, дерьмо. Но она не делает дерьмом меня.

И конечно, носик для молока.

Когда ты приходишь в бар, это первое, куда стоит смотреть. Носик для вспенивания молока есть отражение отношения бармена к тебе. То, как бармен относится к носику кофемашины, есть то, как он относится ко всему, кроме себя. Ни за что на свете я не сяду за стойку к бармену, за спиной которого кофемашина, чей носик покрыт молочной накипью.

Чтобы сделать молочную пену для капучино или латте, нужно опустить этот самый носик в холодное молоко и включить пар. Пар вспенит молоко, и ты нальёшь пену в капучино. Если не протереть носик, на нём останется молоко. Оно никуда не денется, не испарится, оно будет сохнуть. Ровно до следующего капучино, когда к уже присохшему слою добавится следующий. И в каждый новый капучино будет добавляться засохшее молоко от всех предыдущих. Это всё равно что не помыть посуду за кем-то, положить в неё еду и дать следующему человеку.

В мою смену носик для молока блестит независимо от того, сколько капучино я делаю. После каждого молока я протираю носик, направляю в решётку и даю пар, чтобы очистить поры.

Я принёс с мойки чистую посуду и расставил по полкам. Осталось получить со склада товар и натереть стаканы. Составляю список товара, иду на склад.

Склад находится пол-этажом ниже бара, в цоколе. С самим складом всё в порядке, с цоколем тоже. Но с лестницей в цоколь тотальный трэш. Она очень узкая, наверное в полметра, может чуть

больше. У неё очень высокие ступеньки. Даже несмотря на мои два метра роста, они высокие. Помимо того что высокие, они ещё и все разной формы. И все смотрят кромкой вниз.

Как в каком-нибудь мультике про парижское кафе, в котором сидит Амели Пулен, обёрнутая клетчатым пледом, и разбивает своей сраной ложкой сахарную корочку на чёрт знает чём в кофейной чашке, глядя пустым взглядом в пустоту и понятно только ей одной чему улыбаясь. В той самой чашке, которую принесла с мойки Золушка, преодолев эту уходящую в бесконечность лестницу, ступеньку за ступенькой, в здоровенных деревянных ботах, надетых на тощие, как спички, ноги.

Короче, нелепая мультяшная лестница.

Когда несёшь бухло по ней, приходится смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Причём бухло несёшь в широкой пластиковой таре, из-за которой ничего не видно. Плюс берёшь побольше, чтобы не ходить дважды. Ну или трижды. Над лестницей нависают балки, трубы вентиляции и ещё какая-то железная хуйня. То есть помимо того что смотришь под ноги, нужно следить и за тем, чтобы не удариться головой. Задачу усложняют уборщицы, после которых ступени становятся скользкими. Этим ступеням много лет, за годы их существования они были залиты всем, чем только можно, из барной карты. А в барной карте хуева гора жидкостей, которые, пропитав ступеньки, отлично размокают от влажной тряпки и потрясаяще скользят.

Я специально ношу на работе кроссы с резиновыми присосками, чтобы не упасть с этой лестницы.

Кроме того что лестница сама по себе опасная, по ней туда-сюда носятся официанты. Нет, они не ходят. Они только носятся. Они ходят в курилку. Они ходят, куря, в курилке, разговаривая по телефону

с людьми, которых увидят после работы, но несмотря на это они тратят в сумме на разговоры по телефону часа по три в день каждый.

Им дешевле купить рации, чем платить за сотовый: они общаются с одним и тем же человеком. Часами. Это либо девушка, либо парень, либо мама.

Официанты ходят есть в столовую. Они ходят принимать заказы. Ходят на кассу. Ходят на кухню и в бар уточнять заказы, если, например, клиенту нужно мясо с кровью, а не *medium rare*.

Официанты в ресторане ходят везде. И только относить заказ они бегают. Просто потому что это единственное, что они не готовы делать нормально. Это их работа. Относить заказ — основная функция официантов. И именно эта функция для них наиболее незначительна.

Ты поднимаешься по лестнице, у тебя в руках здоровенный поднос с бутылками. Они все стеклянные. То есть если уронить бутылку на пол, она однозначно разобьётся. Ты смотришь под ноги, чтобы наступить правильно, и следишь за тем, чтобы не уебаться головой обо всякую срань над лестницей. И это безумное животное несётся. И несясь, оно ждёт, что ты уступишь ему дорогу. Почему?

Потому что у него заказ! Ему нужно отнести заказ!

Друг! Брат! Да конечно! Что же ты молчишь? Что ты не скажешь мне: «Съебись, чорт», чтобы я понял, насколько это важно, и стремглав покинул лестницу, освобождая её для тебя? Для тебя, пиздевшего по телефону в курилке в то время, когда твоё фрикасе из грудки остывало и заветривалось на кухне. И остыло настолько, что поварам нужно разогреть его в микроволновке. Для тебя. Для тебя, который: «Быстрее! У меня гость ждёт!» Для которого повар, который готовил с душой из любви к готовке, который старался красиво украсить, который одновременно жарил мясо и тушил соус, чтобы подать блюдо одинаково горячим, ставит заказ

в микроволновку. Повар ненавидит микроволновку. Но у него нет выбора. Ему платят за горячую еду.

И конечно, всё меркнет рядом с желанием официанта побыстрее скинуть клиентам заказ и съебаться в курилку продолжить трёп.

Вот он несётся! Глаза его налиты огнём, сердце выпрыгивает из груди, из ноздрей пышет пар. Его клиент засыпает в ожидании своего стейка, высасывая через соломинку растопленный лёд, оставшийся от коктейля. У девушки официанта ПМС, и ему пришлось даже пожертвовать концовкой душераздирающей истории о том, насколько он далёк от понимания её. Она только хотела сказать: «Ты-нормальный-вообще-нет?» Но даже эту сакраментальную фразу он не успел выслушать — помешал менеджер своим скучным:

— Ты не заебался тут курить? Ну-ка, въебал в зал!

И ему нужно как можно скорее метнуться на кухню, к клиенту с заказом, и срочно вернуться в курилку — дослушивать монолог подруги о том, как он плох в отношениях. Ведь что может быть важнее ежедневной многочасовой трепли с мандой, которой тотально нечем заняться?

И тут я.

Естественно, мне насрать на официанта. Но его метание по лестнице сильно усложняет мою задачу, которая и без того сложная. Поэтому ходить на склад — самое неприятное в моей работе.

Зато теперь, когда я приготовил всё для работы, можно включать бармен-mode. Четыре часа у меня ушло на то, чтобы превратить выгребную яму в бар, готовый к любым пассажиропотокам. Каждый день у меня уходит на это по четыре часа. К этому моменту, как правило, начинается обед, и у меня полная посадка.

Когда я только начинал работать барменом, не успевал выпить свой утренний эспрессо. Просто потому что думал так: сначала

приберусь, потом эспresso. Я прибирался, начинался обед, после обеда — стандартный рабочий день, потом вечер. Вечером — то же самое, что и в обед, только больше, и бухло вместо кофе. Так я на первых порах вообще не успевал получить удовольствие для себя.

Сейчас всё иначе. Сейчас я не жду, когда ситуация даст мне возможность для эспresso. Сейчас я ставлю работу на паузу и пью свой эспresso. После уборки я пью парочку JD или JB Black на ход руки. В обед припиваю «Сингапур слинг», вечер и ночь — в основном виски-кола, водка-Ред-Булл и граппа. Ну а утро после ночи — это мой родной JD, который я закусываю яблоком и иногда полирую ледяным мятным ликёром в чистом виде. Параллельно я работаю.

7 марта

Когда-то, когда я только приехал в Москву и мне нужна была работа, я пошёл на курсы барменов. Я никогда не планировал работать барменом, я ничего не знал об этой профессии и знать не стремился.

Я сидел со своим армейским другом Димой у него на кухне в Отрадном, где я жил первое время по приезде в Москву. Мы пили пиво. Я открыл толстую газету про работу, которую купил в тот же день, и увидел рекламу курсов барменов. На рекламе были красивая картинка и надпись про деньги. Мне просто понравилась картинка. Через две недели я уже работал барменом в мужском клубе «Распутин». С курсов меня отправили туда на практику, за неделю практики мне там понравилось. И я как бармен им тоже понравился.

Люблю момент, когда я впервые очутился в баре «Распутина». Это было утро, бар был пуст, зал был пуст, не считая пьяных богатых мужиков, спящих за столиками со шлюхами. Длинная дубовая стойка, за ней — полки с бухлом. И Лёха. В чёрной рубашке и чёрных брюках. То было отличное утро, отличный бар и бармен — в моём представлении о том, кто такой бармен.

Мне очень повезло, что моё знакомство с баром началось с Лёхи.

Бармен — это не циркач, кидающий бутылки, жонглирующий всякой хуйнёй и улыбающийся, как дурачок. Бармен не собирает монетки, как дрессированная обезьяна.

Бармен — это парень, отлично шарящий в алкоголе, знающий всё о бухле и дружбе с ним, о любви к нему, о его силе и слабости. Бармен умеет разговаривать, умеет слушать, умеет наливать, и лучше всего бармен умеет быть человеком. Кем бы ты ни был

и что бы с тобой ни произошло, бармен — тот самый человек, к которому ты всегда можешь прийти. Ты просто садишься за стойку и открываешь душу. Конечно, если с другой стороны стойки — бармен. Человек бара. Барный человек.

Лёха оказался правильным барменом. Он отлично держался, уважал себя, уважал людей, которых стоит уважать. Он знал об алкоголе всё. И он был аккуратным.

В Лёхином баре было всегда чисто. Его стаканы всегда были натёрты. Его Samus всегда был в достойной этого коньяка бутылке, глядя на которую ты понимал: это отличный коньяк. А любое бухло можно выставить в таком свете, что захочется плюнуть в лицо его создателю. Даже Richard Hennessy. Просто заляпай бутылку всякой мерзостью, поставь в горку грязных салфеток — и вот тебе, противно даже коснуться.

Не думаю, что почтение к бару привил мне Лёха. Оно было изначально. Просто оно было и в Лёхе, который первым показал мне, что такое бар. Лёха показал мне правильную картину, которая отозвалась эхом в моей картине мира.

Позже я узнал, что бармены бывают разные. Бывают гандоны, которые приходят в бар, чтобы сорвать бабла с клиентов, нажраться и съебаться. Бывают тормоза, бывают барные задроты, лентяи и трудоголики.

Барные трудоголики — это вообще отдельная тема. Это люди, одержимые задачей обслужить максимум клиентов. Люди, выбравшие себе барное рабство. Мыть бар, обслуживать клиентов, смешивать коктейли. Они всё делают механически. Спешат. Можно делать быстро, можно спешить. Барные трудоголики спешат. Они ничего не понимают в алкоголе. Не знают его, не чувствуют. Они просто берут ром, добавляют сауэр-микс, содовую — и всё. Им всё равно, Bacardi там или Havana Club, сауэр из лимона или лайма.

С тростниковым или обычным белым сахаром. Они просто берут у кладовщика то, что он даёт, и смешивают по технологической карте. Для них главное — скорость. Количество.

Алкоголь — сильный стимулятор, не терпящий пренебрежения или невнимательности. Хреново смешанный коктейль из неправильных компонентов, не в тему поданный напиток в чистом виде может легко притупить чувство прекрасного. Возьми Martini Extra Dry, добавь бурбона и томатного сока, выпей в качестве первого коктейля — и ты будешь думать, что бухло — это чтобы нажираться. А добавь в тот же бурбон немного содовой и сауэр-микс, выпей в компании — и откроешь много нового позитивного в мире.

Мой первый в жизни сухой мартини мне смешали так, что несколько лет после этого любые крепкие коктейли были закрытой для меня темой. И только через какое-то время я сам же и открыл их для себя как нечто, что быстро приводит в приподнятое состояние духа, не занимая много места.

Когда я узнал, что не все бармены такие, как Лёха, я стал ценить тот факт, что именно он показал мне бар. И я нисколько не жалею, что работаю в баре так, как работаю. Что довольно мало таких барменов, как я. Барменов, относящихся к бару, как к своему. Как к части себя. Чувствующих себя в баре хозяином, не владея им формально. Барменов, добровольно несущих ответственность за свой бар. Думаю, это единственный нормальный способ работы в баре. Да и в любом другом месте, наверное.

Бармены, с которыми я работаю — среди них нет тех, кто разделяет мою точку зрения. Они все считают, что я со странностями. Что я педант.

— Илюх, не парь меня, — говорят они мне, когда я напоминаю, что нужно протирать паровой носик после каждого молока.

Но если тебя что-то парит — это исключительно твоя проблема, твоя реакция, твой выбор.

Ты устроился на работу. Ты взял на себя обязанности. Выполняй.

Ок. У тебя богатый внутренний мир. У тебя каждый день происходят важные события. Ты не хочешь, тебе лень, никто не заметит. Выполняй. Ты устроился на работу? Да. Выполняй. Делай как следует.

Что ты думаешь, какие вещи тебя парят, что у тебя произошло — не имеет значения. Ты подписался. Выполняй.

Выполняй, пидор. Выполняй. Выполняй. Подписался? Выполняй.

Я в курсе, что есть толерастия. Подписался? Выполняй.

10 марта

В ресторанном бизнесе есть определённый mind-код.

Мохито в специальном стакане — не важно, какого качества сам мохито. Обязательно костер — не важно, чистый или залитый сиропом. Бабам — Petit Chablis, уважаемым мужикам — Martell, простым парням — «Лонг-Айленд» с недолитым алкоголем, заменённым на дешёвую водку. Не важно, зачем пришёл человек, чего он ждёт от бара — если он просит предложить ему что-то, предлагай то, что соответствует статусу. И обязательно называй гостем.

Посетители моего бара — клиенты. Не гости. Я не приглашаю этих людей ко мне. Они мне не гости. Они мои клиенты, люди, платящие деньги за выпивку.

Сверни свой mind-код в трубочку и сунь себе в очко.

Гость — это тот, кого ты зовёшь к себе домой. Если двери твоего дома открыты для всех, кто способен заплатить, ты блядь. Шлюха. Шалава.

Иногда я слышу фразу: «Клиенты — у проституток».

У проституток — проституция. У проституток ебля за деньги. И похуй, как она называет тех, кто ебёт её за деньги. И похуй, как ты называешь тех, кто ебёт тебя за деньги. Если тебя ебут за деньги, ты шлюха, как ни назови.

Там, где я работаю, принято лебезить перед богатыми и понтоваться перед бедными. Несмотря на то, что эта модель совершенно не оправдана:

Миниатюра «Простой парень»:

Как-то раз в мой бар зашёл простой парень, с походным рюкзаком, в грязноватых джинсах и мятой футболке. Сел за столик. К нему подошла одна наша стандартная официантка. Обильно обдала его презрением, принимая заказ, небрежно сообщила мне о капучино для него. Я сделал свой самый обычный капучино. А каждый мой капучино одинаково прекрасен, у меня нет ни особенных, ни обычных. Официантка отнесла капучино с лицом, преисполненным вселенской важности, поскольку одета в форменную одежду модного ресторана, работает в нём, а этот парень — совсем обыкновенный и в потёртой простой одежде. Парень подошёл к бару за сигаретами. У него в лице было что-то непривычное. Мне стало интересно, где он путешествует, что ищет. Я спросил, где он ездит и зачем. Ничего особенного. Просто стало интересно — что делает его лицо таким. Парень разговорился и рассказал мне о своём путешествии. А потом оставил такие чаевые, которые эта официантка, возможно, никогда не получала в жизни. Я не сделал ничего выдающегося, просто отнёсся к нему так, как при первом контакте отношусь ко всем — с презумпцией доброжелательности. А он оказался с лишними бабками, некоторое количество которых так же доброжелательно подогнал мне.

Это не то чтобы что-то доказывает. Это просто факт. Что кто угодно может быть кем угодно. И что человеческое отношение — это всегда главное. И плевать на ритуалы. Ты хоть хуй ему залезь сосать под стол, но если тебе насрать на человека, он почувствует, что тебе на него насрать.

Внешнее обилие никогда не окупит внутреннюю пустоту.

С другой стороны, если бы тот парень не оставил мне чая, если бы ему вообще нечем было заплатить за капучино — это

ничего бы для меня не изменило. Он был по-настоящему мне интересен.

Большинство людей, с которыми я работаю в ресторане, считают иначе. И их не то что не переделать, а и переделывать не хочется. Это их выбор.

Их выбор — понтоваться перед бедными, лебезить перед богатыми и соблюдать остальной протокол, делающий их профессиональными официантами и барменами.

Да, они называют это «профессионализм». Стоя рядом с носиком для взбивания молока, покрытым молочной накипью, с гордо поднятой головой.

13 марта

Помимо mind-кода, в ресторанном деле есть определённые «зоны дозволенности». И каждая «социальная» группа видит эти зоны по-своему. Однако границы каждой зоны неизменны.

В рамках определённых границ определённые люди могут совершать определённые действия. За границами — нет.

В частности: я свободно могу налить себе за стойкой что угодно — соки, газировки, кофе, бухло. И пить. При ком угодно. Но наливать алкоголь я могу только при равных и тех, кто ниже. При менеджере не могу. Но пить могу при ком угодно что угодно. И хотя я налил в колу виски не на глазах у менеджера, я спокойно пью виски-колу в его присутствии. И менеджер знает, что это виски-кола. Но ничего не говорит, потому что виски в колу я долил не у него на глазах.

Каждый в заведении знает, что бармен пьёт. Каждый, кто смотрит на бармена, пьющего что-то из стакана, понимает: в стакане бухло. Потому что непьющий бармен — это патология. Даже самый большой трезвенник из всех барменов, которых я знал или знаю, употребляет. Не бухло — так траву. Чаще бармен употребляет всё: и бухло, и траву, и спиды и прочие таблетки.

Недавно по этому поводу произошла корка: бармен, с которым я работал ночью — а ночью барменов двое, так как поток большой — так вот, тот бармен употребляет бутират. Бутик, как он его называет. Я никогда этого не пробовал, так что долго не понимал, о каком бутике речь. Я думал, что это бутер. С колбасой там, с сыром, типа того. Короче, этот тип фигачит бутират.

Мы в ночь. В ресторане жара, людей валом.

На столе стоит бутылка минералки, у меня закончилось бухло. Я наливаю ром в стакан, доливаю минералки из этой бутылки, чутка сауэра. И пью залпом. С того момента всё и накрылось. Это был бутик моего напарника. И я втрепал где-то 0,1. А «где-то 0,1» — это очень до хрена. Я не мог ни двух слов связать, ни руками что-то сделать. А мой напарник в тот момент ходил в сортир.

Возвращается и спрашивает:

— А где бутик?

Я говорю:

— Какой бутик? — И ищу глазами бутерброд.

Он видит в мусорке ту бутылку и спрашивает:

— Ты выпил его, что ли?

Я говорю:

— Лёха! — Его тоже зовут Лёха, но это не тот Лёха. — Как можно выпить бутер? Он же не пьётся, он же хавается.

Лёха рассказал мне, что такое бутират, достал из мусорки бутылку и давай вылизывать горлышко.

А меня расплющило до утра так, что я думал, умру.

Но несмотря на всю запредельность моего трипа, никто даже не подумал осудить меня за это. Менеджер только спросил один раз:

— Работать можешь?

И всё. Потому что выпил в баре — и в баре же испытывал приходы.

С другой стороны, если я выйду со своим стаканом за пределы бара, меня уволят. Сразу же. Зато если в стакан с текилой я добавлю сока при менеджере, размешаю и стану пить — он ничего не скажет.

Но что меняется? Что меняется от того, что он не видит, как я наливаю алкоголь? Я всё равно пью на работе и работаю выпивший, а иногда и пьяный.

Как будто то, кто ты есть, ничего не меняет. А значение имеет только то, насколько ты соответствуешь ожидаемой от тебя ролевой модели.

Официантам можно есть у бара и у мойки. Нельзя на кухне.

Бармену можно на кухне, но не у бара.

Я наливаю поварам, и они могут пить у бара. Но не могут на кухне. Хотя, конечно, они пьют на кухне, ведь я ем у бара. Но не при менеджере.

Каким-то тайным органом каждый определяет свои границы свободы и, не выходя за пределы очерченного собой же квадрата дозволенности, спокойно выполняет разрешённые действия и даёт тебе возможность заниматься тем же.

Ничего не меняется, но самосознание безмятежно. Нарушь ограничительную линию — и можешь сойти за нахала, наглеца, бесстыдника, глупого человека. Не нарушаешь чужой линии — отлично!

Причём большинство тех, с кем я работаю, понимают эти правила. Считают их нормой. Им не нужно ничего объяснять. Я же до всего этого дошёл эмпирическим путём. Я не знал этого заранее, пока мне не объяснили. А они всё знали без объяснений. Как так?

19 марта

Отличные люди — владельцы ресторана, в котором я работаю. Они просто сидят за своим постоянным столом, пьют кофе и разговаривают.

Чем же они хороши?

Чем таким они хороши по сравнению с любыми другими владельцами любых других ресторанов? А их много, замечу. И ресторанов, и их владельцев.

Тем и хороши: сидят за своим постоянным столом, пьют кофе, разговаривают. И больше ничего.

Они не лезут по залу в поисках изъёнов, делая нервным менеджера. Они не ищут изъёны в официантах, делая их нервными. Они не проводят проверки на кухне, нервируя поваров. Они не делают ничего, что могло бы испортить настроение и наэлектризовать сотрудников ресторана. А главное — они ни слова не говорят мне.

Они не просят провести инвентаризацию бара. Не заглядывают в мои холодильники, не проверяют чеки. Они даже не просят делать им латте до тех пор, пока пенка не станет того самого белого цвета, которого не существует в природе, потому что именно они придумали этот белый цвет, чтобы я наливал им одно латте за другим. Которые они, конечно же, выльют в раковину, ведь:

— Кто тебя учил делать такую пенку?!

Владельцы этого ресторана — турок и его русская жена, которые попеременно паркуют у входа или свой жёлтый Lamborghini, или чёрный Hummer — эти люди не трогают меня просто так. И этим они отличны от всех остальных.

За всю свою барную деятельность я ни разу не встречал настолько уравновешенных владельцев ресторана. Более того, я даже привык к закидонам владельцев, учредителей, управляющих, не касающихся лично меня. Настолько невозможно встретить главное лицо в ресторане без закидонов, что я привык к этому факту. И оставил себе только одно: не трогать лично меня. Просто не трогать меня как личность.

Здесь, в этом ресторане, я встретил исключение из общего правила: психически здоровых владельцев бизнеса.

Казалось бы: зачем искать изъяны там, где всё работает хорошо?

Я имею в виду лично себя. Ведь я понятия не имею, что там с менеджерством или официантством. Я ведь не менеджер и не официант и не планирую ни того, ни другого.

Изъянов в моей лично работе нет: я по умолчанию доброжелателен к коллегам. Мои клиенты всегда довольны. Любой мой коктейль или кофе прекрасен. Мой бар всегда чист, любой напиток из барной карты всегда в наличии. Моя посуда всегда натёрта.

Бар в мою смену работает как часы.

Фамильярность с клиентами? Это не ко мне.

Ругань с официантами? Не ко мне, нет.

Даже когда новая официантка проболтала в курилке свой эспresso, он остыл и его нельзя нести клиенту, я сделаю новый. Я не стану прогонять на неё за ветер в голове, ждать, пока она приведёт менеджера, препираться с ним на тему: «Я не собираюсь делать кофе за свой счёт. Её косяк — пусть платит». Я не стану ждать заветную фразу менеджера: «Слушай, сделай, пожалуйста, ей другой эспresso, а этот запиши на мой счёт. По-братски». Не стану ждать эту самую фразу, лелеющую эго бармена, уверяющую его в том, что он не низший сорт, ведь с ним считаются. Эту фразу, которую менеджер

обязательно скажет. Во-первых, потому что сам бывший официант. А во-вторых, потому что не хочет спорить обо всякой ерунде типа остывшего эспresso, который новая официантка забыла закономерно, потому что она новая официантка. Мне не требуются ни эта фраза, ни этот спор с менеджером «на равных». Я вообще не считаю себя низшим сортом потому что я бармен. Я просто сделаю ей свежий эспresso. И если она нормальная девочка, то она улыбнётся мне. И мне это будет приятно. Потому что когда девочки улыбаются, это вообще приятно.

Я тот самый хороший бармен, которому достаточно вовремя платить зарплату и не мешать работать.

Зачем искать изъяны в моей работе?

Разумеется, они есть. Однако это изъяны, видные при сравнении моей работы с работой эталонного бармена в эталонном баре. Того самого бармена и бара, которых до сих пор не существует. Потому что до сих пор никто не создал и не выставил в Международном бюро мер и весов ни эталонного бармена, ни эталонного бара.

Я пью на работе.

Да. Постоянно. И профессионально. Ни один клиент ещё не знает, как пахнет мой перегар и что такое мои красные уши и щёки. Ещё никто на моей работе не видел меня пьяным. Хотя я пьян постоянно. Профессионально.

Я левачу.

Десять процентов. Это верхняя планка. Мой левак никогда не поднимается выше десяти процентов.

А теперь покажите мне бармена, который не пьёт на работе и не левачит.

Покажите мне этого парня, я ткну в него пальцем и скажу:

— Он бармен меньше недели. Он. Не. Бармен.

Потому что именно так оно и будет.

В мире нет ни одного непьющего бармена, не делающего левых денег.

Профессионализм? Бармен работает в баре, работа бармена профессионально связана с алкоголем и деньгами.

Чаевые?

Покажите хоть один бар, в котором чаевые пропорциональны затрачиваемым усилиям.

Сравни меня с любым барменом — и ты увидишь: я отличный бармен.

Поработай месяц в любом баре — и ты увидишь, что каждый владелец ресторана периодически ищет изъяны в работе даже самых хороших своих работников.

Владельцы этого ресторана — хорошие люди. Они просто сидят за своим постоянным столом, пьют кофе и разговаривают. Всегда. В то время как перед рестораном припаркован либо их жёлтый Lamborghini, либо чёрный Hummer.

25 марта

Сегодня я пришёл на работу не вовремя.

Я не опоздал, не пришёл раньше. Я пришёл не вовремя. Это трогает меня потому, что я заранее не знал и не мог знать, во сколько это — «не вовремя».

Как обычно, к девяти утра прихожу в дневную смену. Отработал два дня в ночь, потом два дня не работал, а сегодня пришёл к девяти утра, в день. Мой график — это два дня в день к девяти, два выходных, два дня в ночь к девяти вечера, два выходных и снова два дня в день. По кругу. По этому графику я работаю уже полгода. Иногда, когда с барменом что-то произошло, внезапно мне звонит менеджер и говорит, что с текущим барменом что-то случилось и нужно «выручить».

Потрясающее вообще понятие — «выручить» работодателя, который клал на тебя с прибором. Весь этот ресторан — мне никто, чтобы кого-то там выручать. Хозяин ресторана ездит попеременно на жёлтом Lamborghini или чёрном Hummer, управляющая — на Infiniti, я — на метро. И я должен бросить свой выходной и прийти «выручать» за стандартный прайс.

В переводе на русский это: «Бросай всё, пиздуй сюда, раб». Потому что если ты отказываешься «выручить», когда тебя просит об этом менеджер — скоро тебя уволят. Не важно, насколько ты хорош — если ты не «выручаешь», ты не тот работник, который нужен.

Если мой друг просит помочь, я почти всегда готов бросить практически любое дело и выручить. Хорошему человеку приятно сделать приятно. Моим друзьям, некоторым родственникам,

случайно встреченным хорошим людям. Выручить или помочь, то есть отдать пользу просто так — это личный выбор, это от души. Хорошие люди в моей жизни ценны для меня, и если у меня есть возможность, я сделаю для них что-то хорошее. Потому что хочу, чтобы у них всё было ништяк. А вот на то, что случится с теми, на кого мне насрать, мне совершенно безразлично. Я не хочу тратить себя на кого попало.

В случае с рестораном, в котором я работаю, я выручаю только Артёма. Он хороший человек, хоть и выёбывался, когда я только устроился. И единственный нормальный менеджер.

А все остальные — просто толпа уёбков, которых я благополучно забуду в первую же секунду после увольнения. Тем не менее, пока я с ними работаю, я должен жертвовать в их пользу своим личным временем. Потому что так принято.

Возвращаясь к опозданию: ни сегодня, ни вчера мне никто не звонил.

Вместо этого управляющая просто поменяла график, ввиду чего я сегодня пришёл не вовремя.

Я не только не знал, но и не мог знать, когда это «вовремя» сегодня. Не стану же я каждый час звонить на работу и спрашивать: «А Свете, случайно, не вздумалось поменять график?»

Причём до сих пор нет конкретики: то ли я должен был выйти вчера, то ли сегодня на два часа раньше. Графиков несколько, все разные, и все актуальные. А я должен просто испытать чувство вины и дать понять управляющей, что я его испытываю. Такова цель.

При этом никому нет дела до того, что я вообще вышел сегодня на работу. То есть я пришёл как обычно, узнал, что не вовремя, но всё ок.

— Илюх, если ты останешься работать, я тогда домой, — говорит Лёха-бутиратчик.

Ок.

Можно было вообще не приходить.

И что тогда?

Можно ведь и вообще не ходить на работу. Никто же не заставляет на неё устраиваться.

Работа — это такое место, где ты должен делать то, что тебе не нравится, подчиняться тем, кто тебе не нравится, и вообще, в принципе — подчиняться. Как бы тебе это ни было неприятно.

Но без работы, а значит — без заработка, придётся не есть и жить на улице.

Я ограничен со всех сторон: работа забирает моё время и гордость. Отсутствие работы забирает средства к выживанию. Грабить и убивать — забирает либо свободу, либо жизнь.

Я привязан к своему телу, и ни один выходной в мире этого не изменит.

Я не знаю другого способа стабильно зарабатывать, кроме как работать на работе за зарплату.

Так что, конечно, я буду терпеть. Потому что, отработав два дня по двенадцать часов, я получаю двое суток на себя лично. Своё личное время я трачу на писательство. Ну да, ещё я бухаю с такими же никому не нужными парнями, как я. Люблю это дерьмо. Например, с Серёжей Зайцевым.

Правда — я не могу жить без бухалова с потерянными личностями. После пьянки, конечно, кажется, что день был прожит зря и что больше не пойду, потому что достал Зайцев. Но правда — я не могу жить без них. Примерно раз в пару месяцев мне срочно нужен такой же потерянный чел, как я, чтобы нажраться в страшную степень и демонстрировать деградацию на глазах изумлённой публики в парке. Обожаю это делать. Публика обязательна.

А потом я снова непризнанный писатель. Сажу в своей комнате и пишу романы, рассказы, эссе. Я постоянно что-то пишу.

И чтобы моя литературная свобода оставалась со мной, я терплю управляющую, бестолковый график, официанток и официантов, бутики, дебильную лестницу. И повара в камуфляжных штанах и гриндерсах. Какой нормальный человек будет работать в камуфляже и гриндерсах?

Ничего не поделать. Условия моего существования предполагают постоянное взаимодействие с неприятными мне людьми и событиями.

С людьми и событиями, лишёнными для меня всякого смысла. Какого чёрта я здесь делаю?

Я в курсе, что 99,9% людей живут так, считают, что иного способа нет, и уже привыкли.

Для меня же рабочее рабство — нечто настолько противоестественное, что вообще не рассматривается как модель жизни. Я просто не знаю, что делать дальше, но это незнание далеко не вечно, не навсегда, не до смерти, ускоренной размером пенсии.

И в мою голову совершенно не укладывается — как огромное количество людей не понимает, в какой жопе находится, ведя существование по модели: работа, подобие дома, килечный от слова «килька» курорт «всё включено» как подобие отдыха, кредитная «Лада Гранта», пенсия как напоминание о том, что деньги в принципе существуют, смерть в кругу таких же психопатов.

Мир, на 99,9% наполненный такими людьми, мне в корне чужд. Инороден.

3 апреля

Артём спросил меня сегодня:

— Почему ты уволился со своей предыдущей работы?

Он спросил это буднично, не как на собеседовании. У него в работе возникла пауза, он хочет занять время чем-то и просто спрашивает, чтобы завязать просто разговор.

Просто...

А для меня это дерьмо было не просто. У меня нет простого рассказа о бросании предыдущей работы. Есть тот, который есть.

Рассказать ему как есть? Он хороший человек, базару ноль. Но он, один хуй, менеджер. Несмотря на всю свою чисто человеческую хорошенькость, Артём воспримет мой рассказ как рассказ работника руководителю.

Кроме того, он просто убивает время, ему насрать на реальную историю моего ухода с предыдущей работы, насрать на истинные причины. Он просто убивает время. Однако это не мешает ему увидеть в моей истории кое-что, что его насторожит.

Я не могу рассказать ему этого:

Я работал в ресторане с одиннадцати утра до одиннадцати вечера, два через два. Дорога домой с работы занимала полтора часа. Плюс душ, завтрак-ужин. И поспать. Мало времени поспать между сменами. А это уже ублюдочно. Быть никем, жить никем, всем на тебя насрать, и даже поспать ты толком не можешь.

Очередной рабочий день подходил к концу. Я прибрал бар, приготовил его к закрытию. Оставалось минут двадцать до конца.

Подходит менеджер, этот лысый хуй, считающий свою лысину невероятно модной, особенно в совокупности со строгим костюмом,

пидорским платком в нагрудном кармане и пидорской же манерностью:

— Мы остаёмся. Звонил Вартан. Он едет кушать.

Всегда ненавидел это слово. «Кушать». Но не знал почему. А так как все говорят так, то в первой версии «Вакуума» — «Жестяной карусели» — пару раз его использовал в прямой речи персонажей, считая, что так надо. Мой первый редактор — Маргарита Рюрикова, знаток русского языка и разносторонне развитая личность — облекла мою ненависть в форму:

— В русском языке нет слова «кушать». Оно лакейское. Некрасиво писателю его использовать.

Насквозь подхалимское, рождённое в низах и активно используемое ими. Это слово прислуги, созданное в качестве изящной обёртки для простого действия — процесса поглощения пищи людьми, имеющими власть. Прислуга не может сказать: «Коля ест». Прислуга говорит: «Господин кушает». Прислуге очень важно обозначить своё унижение перед тем, кто может нагнуть прислугу и вставить в задницу.

«Есть» — отличное слово. «Хавать», «жрать». Хоть последние два и грубые, но даже они более настоящие, чем это. «Кушать» — это как: «Не будете ли вы столь любезны, чтобы наступить мне на лицо, дабы я мог продемонстрировать своё восхищение вашей персоной, лизнув подошву вашего ботинка».

Вартан — учредитель ресторана. Низкорослый тип с серьёзной заточкой, заметно лебезящий перед известными клиентами. Но сокрушающий взглядом своих работников.

Он едет.

Трепещите, жалкие рабы. Хозяин едет. Кушать.

Сколько он будет жрать? Час? Два? Выпишет шлюх? Понюхает кокаин? Придут важные клиенты, и он понюхает им очко? Забухает?

Может, он просто выпьет чашечку жасминового чая?

Какая, на хрен, разница — сколько он пробудет? Я не стану ждать этого в полчеловека ростом пидора.

Я хочу душ, я хочу сон. И не важно, в какой там комнате на Братьев Черепановых я живу. Не важно, из каких там Набережных Челнов я приехал. Не важно, какой там московской прописки у меня нет. И плевать, что я всего лишь бармен.

Я живу в своей стране, работаю на совесть. Хоть и ненавижу свою работу, я делаю её на все сто. Ведь профессия-то мне нравится. Я получаю те деньги, которые в двадцать мне казались классными. А сейчас я не могу взять на них даже ипотеку. Я иду на баррикады? Нет. Я создаю группы в соцсетях «Долой несправедливость»? Нет. Я насилюю-граблю-убиваю? Нет. Я честный человек, бармен, я пишу книги, и моя неизвестность — это моя личная проблема. Я не требую к себе особого внимания. Я простой, добропорядочный гражданин, любящий свою страну и своего президента.

Я должен засунуть в задницу свои потребности и ждать Вартана? Уартана-уася! Чтобы меня просто не уволили? Да, мне не подбашляют за баттхёрт. Я работаю в модном ресторане, и этот вечерний визит — издержки производства.

Я стою за стойкой, и передо мной практически осязаемо висит переливающаяся неоновая вывеска:

ПИДОР, ТЫ СОСЁШЬ

Что я должен сделать, чтобы ко мне относились как к человеку, а не как к рабу? Добиться влиятельности? Но мне этого не нужно. Я просто хочу писать, понятно? Просто писать, просто быть честным человеком. И периодически бухать с Зайцевым. Мне не нужны ни яхты, ни виллы. Просто писать, имея достаточный уровень комфорта. Всё. Я люблю это, я люблю жизнь. И вообще-то, я очень люблю людей. Людей не в смысле представителей человеческой расы,

а людей в смысле созидательно-ориентированных личностей, обладающих чувством собственного достоинства.

Но я терпеть не могу, когда кто-то не считает меня за человека только потому, что я не могу его купить, поставить раком и сунуть ему в жопу так, чтобы он рыдал от счастья, что такой великий, влиятельный и невъебенный пацан вдул ему по самые орехи.

Даже несмотря на то что передо мной стоял лысый модный пидор, я сказал ему, что чисто по-человечески это неправильно. Что нехорошо так поступать с людьми.

На что он, конечно, ответил, что вот типа это модный ресторан, гламур, вся хуйня, держись за это место.

Ну и всё. Положил на стойку фартук и ушёл. Я сам решаю, быть мне пидором или нет. Ни одна работа не стоит унижения.

Вот и весь ответ. И так трачу половину жизни на бесполезных людей и бессмысленные действия, так ещё эти никакие люди считают, что владеют моим временем. Владеют мной. Нет. Если и здесь будет происходить такое, я точно так же уволюсь. Я не дорожу этой работой. Я не дорожу любой работой. Я не дорожу работой в принципе. Я просто хожу сюда, чтобы кормить себя, платить ренту, одеваться и прочий быт.

Артём — менеджер. И сколько бы он ни был человеком, личность внутри него не позволит ему вырваться из парадигмы «Менеджер в модном ресторане». Рано или поздно он припомнит мне эту историю, если я ему её расскажу. Так что нет, не расскажу.

— Зарплату не платили. Вот и уволился.

7 апреля

Сегодняшний день прошёл вполне себе ничего.

Отлично поработал под градусом, пополнив бумажник приятной суммой. Машину, конечно, не купить, но карман теперь теплее. На улице весна, завтра выходной. Жизнь прекрасна.

Однако Гриша!

Кто самым фактом своего существования на одной с тобой земле может отбить любое желание жить?

Гриша!

Кто носит пидорские рубашки и брюки в обтяжку, пустую кожаную сумку в руке и кожаную куртку, потому что всё это есть у Ленни Кравица и просто модно?

Гриша!

Кто пришёл к успеху, проведя пару месяцев в «Доме-2», плетя тупорылые интриги с безмозглыми уебанами и считая это дерьмо верхом звёздности?

Гриша!

Кто знакомится с бабами фразой: «Привет, я Гриша из „Дома-2“!»?

Гриша!

Из «Дома-2»!

Звезда межгалактической величины! Эталонный самец! Сам тестостерон в яркой упаковке, звенящий яйцами, как шпорами, и одним своим существованием оспаривающий целесообразность списка «Форбс» как мерил мужской состоятельности!

Вот он, встречайте, ликуйте, он пришёл, он готов раздеться прямо в эту секунду. Чтобы каждая из вас, жалкие сучки, ошпарила себе

ляжки струёй собственной похоти. Ведь это он — Гриша. Из «Дома-2»!

А Гриша из «Дома-2» — это не просто Гриша как сантехник или Гриша как водитель троллейбуса. Это что-то особенное, снисходящее, возжеленное.

Он Гриша из «Дома-2»!

И больше он ни хуя не умеет!

В баре закончился Jack Daniels, мой клиент хочет пить только его. И правильно делает. JD прекрасен.

Кладовщика в ресторане нет. Вообще нет. И не было никогда. Ключи от склада — у менеджера. Менеджер сегодня Гриша. Подхожу к нему, прошу ключи от склада, он отвечает:

— Предложи что-то другое.

Дерево.

Заменить JD чем-то — это как заменить Достоевского Гоголем:

— Сири, найди «Преступление и наказание».

— Вот что мне удалось найти в интернете по запросу «Мёртвые души».

— Сири, удались.

При этом «Мёртвые души» превосходны. Но когда я хочу «Преступление и наказание», я хочу «Преступление и наказание».

Алкоголь — это же не какая-то незначительная хуйня типа салфеток. Алкоголь — мощный стимулятор, к нему требуется взвешенное отношение. Его нельзя просто швырнуть, заменить.

— Почему я должен предлагать что-то другое, когда на складе есть несколько бутылок Jack Daniels, а именно его и хочет человек, который сидит сейчас за стойкой и ждёт?

— Вот именно, — говорит Гриша, — ждёт. Налей ему чего-нибудь.

Я говорю:

— Какой смысл придумывать что-то и заменять, когда можно сходить на склад и дать то, что нужно? Этот склад всего лишь этажом ниже. Даже не этажом, а половиной этажа. Тем более в любом случае в баре должен быть Jack Daniels, это один из основных напитков любого бара в мире.

— Мне лень спускаться. — Он говорит эту фразу с каким-то няшно-сонным выражением лица.

Эй, дебил, это не кавайный мультик. Это работа. И к слову, ты здоровый мужик в районе тридцати, накачанный, как телёнок на убой. У тебя шея как моя нога. Что за...?

— Мне не лень спускаться. Дай ключ, я схожу сам.

Я отлично понимаю, что на складе нет никого, перед кем Гриша может продефилировать, и никого, кому он может сообщить, что снимался в «Доме-2». Что ему там делать?

Он смотрит на меня недоверчиво-презрительно и ведёт какую-то свою войну взглядом.

Презрение?

Гриша. Я. Презрение?

Мы даже рядом не стоим по уровню IQ и прочим другим Q, отражающим умственную состоятельность. Тем не менее он считает уместным смотреть на меня так. Я не считаю уместным смотреть на него так, потому что даже корова при всей своей непробудной тупости не заслуживает такого взгляда тем лишь фактом, что создана безмозглой. Гриша считает, что ему можно так смотреть. А потом говорит:

— Думаю, ты сам всё понял.

Это дерьмо *думает*! Оно живое!

Понял что? Что ты охуительно важный тип и если ключи от склада у тебя, то это твой личный склад? Причём склад не бухла, а музейных экспонатов из Лувра? А я должен понять, что я, бармен,

отношусь к менеджеру как грязь с ботинок относится к папе римскому, на которого надеты эти самые ботинки? Что должно быть с головой, чтобы будучи всего лишь менеджером ресторана, считать себя повелителем мира?

Какое-то время мы поспорили. Просто потому что какого чёрта заменять JD? Иди делай свою работу. Не я тебя на неё устроил. Ты сам устроился. Так какого чёрта?

Споря со мной, Гриша попутно улыбался богатой молодой девушке за столиком. Всем своим видом он показывал ей, что он здесь просто проходит мимо. Что вся эта суета его не касается. Что ах, боже, бармен, все они так и липнут ко мне. К царственному Грише, звезде «Дома-2».

А мне насрать. Мне правда насрать. Мне нужен JD, его жеманность не переходит рамок моего личного пространства. Всё, больше ничего не нужно.

Гриша ушёл на склад. Но уходя, бросил надменно:

— Не покидай бар.

Да нет уж, друг, думаю, я вызвоню сейчас Санта-Клауса из Лапландии да улечу на оленях в даль. Просто в даль, без конкретного адреса.

Я работаю в баре. Куда я тебе его покину?

Знакомьтесь, Гриша — ничтожество. Узколобая, тщеславная посредственность. Чьё тщетное тщеславие настолько неуместно, насколько неуместен метровый гвоздь в голове. Это при условии, что вообще тщеславие — лишнее качество для человека.

Гриша — такой начальник прям начальник. Настолько начальник, что даже диктатор. Он сказал — все делают. Вот он сказал — ты делаешь. Он единственный, кто видит это так.

Каждый раз, когда я выхожу из бара, Гриша делает из этого проблему. Я бы его понял, работай я на Байконуре. Я бы понял его,

покинув пост во время запуска межконтинентальной ракеты. Но я работаю не на Байконуре, я не запускаю ракеты в космос. Я, блять, бармен в баре и наливаю бухло бухающим. Я могу пойти на склад, когда бухло кончается, могу пойти в сортир, курилку, на кухню — в баре нихуя не изменится.

Этот гандон максимально усердно ищет возможности доказать мне собственное превосходство. И находит их в самых нелогичных местах. Почему? Потому что ищет их в работе, а моя работа безупречна — у меня все бухают и сливают лавэ на алкоголь. Потому что он не может выёбываться в открытую. Потому что когда выёбываешься в открытую, тебе легко могут возразить, а когда ты типа по работе, то тут уж субординация. Типа я не пытаюсь доминировать над тобой, я просто делаю свою работу.

Гриша из кожи вон лезет, доказывая мне: подчиняйся, уважай меня, бойся меня. Только не «меня», а «мой образ». Поскольку Гриша — не тот, кого можно уважать и бояться. Тот, кого можно уважать и бояться, находится у него в голове, придуманный им самим и, как ему кажется, воплощённый в реальности. На самом деле и придуманный образ — карикатура, и реализация — просто, блять, посмешище.

Судя по движениям Гриши, в его картине мира он хозяин, а я заглядываю ему в рот, угадывая каждое его желание, досказывая за него фразы, смеясь над его шутками. Так он видит наши взаимоотношения, которые вроде как рабочие, на самом же деле — сопернические самцовые. Причём агрессия исходит от одного самца — Гриши, а второй самец — я — вообще не считает нужным вступать в противостояние. Это как самец хомячка, нападающий на самца игуаны. Хомяк, выдыхай!

Гриша — единственный менеджер из всех менеджеров, встреченных мной в жизни, который ведёт себя так. Любой

нормальный менеджер понимает, что пока он не откроет собственный ресторан, пока этот ресторан не станет модным, он не сможет вести себя в своём личном модном ресторане нахально по отношению к своим работникам.

Иными словами — твои выебоны начинают работать, когда у тебя есть вес. А когда ты всего лишь менеджер, и бармену, и официантам, и даже уборщице-казашке охуенно понятно, насколько тщетны твои попытки доминировать. Заведи пуделя и доминируй над ним — это бесчеловечно, но это сработает.

Даже если представить, что я живу в парадигме «Я бармен — значит, я ничто», единственный человек, которому мне гипотетически имеет смысл заглядывать в рот — это владелец моднейшего ресторана, в котором я работаю.

А менеджер — это просто менеджер. Это человек, который позавчера был официантом. А сегодня у него просто ключи от склада. Всего лишь ключи и полномочия следить за работой ресторана.

Менеджер. Не папа римский. Не премьер-министр Великобритании. Менеджер!

Такая мысль для Гриши есть нечто невозможное. Он и представить себе не может, насколько он по факту пустое место. Насколько вот эти вот его картинные выпады лишены всякого веса.

Он даже сыграть как следует не может. Даже сыграть большого босса он не способен. Он никогда не был в этой роли. Никогда не обладал властью. И даже никогда не общался с людьми, ей обладающими. Он элементарно не представляет, как выглядит властность. Ну и конечно, не может её воспроизвести. Ты же не можешь напеть Муслима Магомаева, если ни разу его не слышал. Даже про себя не можешь, не то что вслух.

Но на него ведётся управляющая.

Для обширной категории пёзд «Дом-2» — рабочая хуйня. Иначе этот сериал не был бы популярным. А наша управляющая — из этой категории пёзд. Кроме того:

У него шикарная накачанная фигура.

Пидорский шмот в обтяжку.

Пустая кожаная сумка и кожаная куртка, как у Ленни Кравица.

Он знает тысячи лишённых смысла туманных фраз для статусов «Вконтакте» и активно их произносит.

А управляющая рестораном течёт от всего этого.

А, ну да. Он армянин. А армянские лица привлекательны для русских баб без мозга.

Ок. Ещё кое-что: он мастерски владеет турецкой мимикой. Той самой томной мимикой, благодаря которой никому не нужные в России бабы получают в себя заряды турецкой спермы на турецких курортах. А потом пишут пылкие письма «отцам» своих несчастнорождённых детей, которые в тот самый момент пускают следующие заряды в следующих никому не нужных в России страшных жирных баб.

Учитывая, что Гриша, во-первых, порет управляющую, а во-вторых, обладает достаточно низким уровнем умственного развития, чтобы считать факт порева с управляющей вселенским признанием, логично понимать: Гриша на особом положении.

Чем он активно пользуется. Вот парочка охуенных историй на эту тему:

Как-то я взял поднос для посуды и пошёл на мойку. Посетителей было мало, и моё десятиминутное отсутствие никому не мешало, более того — было бы в порядке вещей при любом другом менеджере. Ведь мне невозможно работать без посуды.

Прохожу мимо Гриши с подносом, он спрашивает:

— Куда ты идёшь?

— На мойку...

Куда, блять, ещё мне идти с подносом для посуды? На тёмную сторону луны?

Гриша погружается в паузу, ища фразу, которую следует сказать, чтобы низвергнуть меня на место, которое он мне определил.

— Зачем?

Гениально!

«Оскара» сюда! Джека Николсона на вручение лично! И сотню натёртых маслом чёрных рабов с опахалами!

— За посудой.

И ещё одна вечность в раздумьях, рождающих следующую поразительную фразу:

— Не ходи долго.

Реально такой диалог. Чем нужно думать, чтобы вообще начать его?

Другая история:

Время — утро. В зале четверо напитых-наетых чела, курящих кальян. Полуспят. Делать нехуй. Иду в сортир отлить.

Внимание — Гриша!

— Куда идёшь?

Камо грядеши, блять.

— В туалет.

Протокол «Фантом» запущен, в голове Гриши зашуршали, заметались наноагенты в поисках неоспоримой, победоносной фразы, которая повергнет меня, отрежет пути к отступлению и испепелит. Вот она:

— Зачем?

Грандиозно, Гриша, просто поразительно. Бриллиант мысли!

— Поссать.

— Ладно. Только недолго. И вообще, ты слишком часто оставляешь бар без присмотра.

Я решил расставить точки над «и»:

— Смотри: мой организм устроен так, что периодически возникает необходимость ходить в туалет. Я не вижу ни одной причины, чтобы обоссаться в штаны. Точно так же устроены вообще все организмы на земле. То есть хождение в туалет — общепризнанная норма. Туалет у нас в цоколе. Даже если я очень захочу, то не смогу оказаться в туалете, не покинув бар. Кроме того, я бармен, я не могу работать без чистой посуды. Посуда из грязной в чистую делается на мойке, мойка — в цоколе. Если я не буду приносить посуду, мне не в чем будет работать. То есть моя работа лишается смысла без посуды, за которой нужно ходить в цоколь, покидая бар. Ты понимаешь, что избежать покиданий бара невозможно? И я не вижу совершенно никаких причин для вот таких вот вопросов. Более того — их в принципе невозможно увидеть. Зачем ты задаёшь мне такие вопросы?

Этот простой и даже барану понятный монолог разорвал шаблон Гриши настолько, что он решил съехать. То есть любой нормальный человек просто сказал бы: «Хорош понтить». Но с любым нормальным человеком этого диалога не произошло бы, не дошло бы до монолога: «При-вет, как де-ла». Но если бы у бабушки был хуй она была бы дедушкой. Поскольку Гриша — не нормальный, с ним до этого дошло. Ну и по той же самой причине, то есть по причине отсутствия в его голове чего-то способного соображать, его этот диалог убил. Но он не мог потерять лица. Лица могущественного, влиятельного босса всего сущего:

— Мы что-нибудь придумаем. Ты не будешь покидать бар. Поговорим об этом на собрании. И вообще — посуду должны носить официанты.

Да, а милиция должна охранять покой граждан, «Почта России» — доставлять письма, и всё это вместе с другими важными вопросами ежегодно обсуждается на собраниях лиц, компетентных именно в этих вопросах.

Точек над «и» моё объяснение не расставило. Оно было бесполезно. Но узнать это можно было, только попробовав. Самое дерьмо в том, что бесполезно менять таких, как Гриша. Бесполезно менять места. Такие, как он, везде. Бесполезно искать способы избегать контактов с такими существами. Они, блять, кругом.

Ненавижу тот факт, что рождение таких людей на одной со мной земле возможно. То есть сам Гриша мне параллелен. На самом деле, меня удручает допустимость существования такого вот существа в моём жизненном пространстве. А удручая, создаёт стену на пути к моему душевному комфорту. Слава богу, есть то, что вселяет в меня уверенность: любая стена разрушима. А если не разрушима, то обходима или перелазиема.

14 апреля

Подходит ко мне сегодня охранник и без прелюдий, в лоб говорит:

— Ненавижу, когда бабы курят.

Он смотрит прямо на меня, вокруг никого, кто мог бы нас услышать, и он говорит:

— Ненавижу, когда бабы курят.

У охранника седые усы, ему туча лет, у него грубые руки и много морщин вокруг глаз. Интересно — что мешало ему построить жизнь так, чтобы не быть охранником?

— В моей молодости бабы не курили. Если бы я увидел, как баба курит — уебал бы ей сразу. Если бы кто-нибудь увидел, что она курит — уебал бы ей сразу.

Вот ведь насколько глупым может быть человек, которому тонна лет.

— Ты понимаешь, блять, она будущая мать, нахуй. Какого хуя эта пизда вообще курит? Она что, блять, больная? Ебанутая? Нахуй она это делает?

Это был вопрос, возникла пауза, из которой я понял, что это вопрос. Не риторический, а обращённый ко мне вопрос. И я ответил:

— Она получает удовольствие.

— Какое там, нахуй, удовольствие? Где, блять, в сигаретах удовольствие? Я, блять, лёгкими харкаю от сигарет.

Ну как бы... Вот есть еда, так? А есть химические отходы. Вот если хавать химические отходы вместо еды, то не насытишься как минимум. А ещё и умрёшь. Потому что химические отходы вообще убивают. Так вот если хуярить «Приму» или там «Беломор», то ясное

дело, будешь плевать лёгкими к старости. Особенно если фигачить это дерьмо по три пачки в день. Но я курю красные «Мальборо», и это чоткие сиги. Я получаю от них удовольствие.

— Просто, блять, стыдно смотреть на эту шмару. Ебать, она там курит. Пиздец, блять. Стоит, нахуй, и хуярит. Я стою! У меня уже усы седые! А ей похуй! Она хуярит! Прикинь, да?

— Ну так скажи ей: «Эй, ты, шмара, ты охуела при мне курить?»

— Да я уебал бы ей!

— Ну уеби.

— Ты заебал. Я тебе по-серьёзному. Это нихуя не шутки. Это серьёзное дело. Дети, ёбта!

Я молчу. Я, в общем-то, всё сказал. Что ещё скажешь? «Иди отсюда, дебил»? Работаем же вместе.

— Когда я был молодым, совсем по-другому всё было. Если бы, блять, она так курила, ей бы первый же мужик уебал так, что она, блять, маму свою забыла. Чтобы эта дудка её ёбаная в жопу, блять, ушла.

Это он имеет в виду рот. «Дудка» — это, значит, рот, которым она курит. Вроде как она складывает рот дудкой, чтобы сунуть туда сигарету и курить. Поэтому он так говорит — «дудка». Это не про музыкальные инструменты. Про рот.

— Да вообще, нахуй, какой там уебать? Её бы сразу по кругу пустили. Ебали бы во все щели. Её бы, блять, так ебали — она не то что курить, она ходить бы, нахуй, не могла. Шалава ёбаная. Блядина, нахуй. Тварь! Это же, блять, тварь. Тварина. Мусор, блять. Грязь ебаная.

— Слушай, отец, ты вообще жестишь. Она просто курит.

— Нихуя себе, блять!

Он выкатил глаза так, как будто ему в очко сунули раскалённый лом и он охуенно удивлён этому.

— Нихуя ты сказал! Просто курит. Она просто курит, блять. Она просто, блять, курит, нахуй! Нихуя ты! Нихуя себе! Как так — просто курит? Как, блять, можно просто курить? Бабе! Да она швабра ёбаная, курица, блять, ебаная. Тварь, сука.

Серьёзно. Вот именно так он и сказал. Я, конечно, чутка удивился, но с этими люмпенами чему удивляться?

— Ты понимаешь, блять, насколько она вообще скотина?

— Нет. Я её даже не видел.

— Да хуйля там видеть? Там видеть нехуй! Она, блять, стояла там и курила. Передо мной.

Как сказал бы Борат Сагдиев: «Царь во дворца, царь во дворца».

— Ты чего завёлся? Ну курит и курит. Тебе какая разница?

— Нихуя себе. Какая разница. А тебе нет?

— Мне всё равно.

— А...

Тут произошла пауза. И он продолжил:

— Да хуйля, конечно. Вы все, молодёжь, какие-то не такие.

— Какие?

— Понимаешь, в моё время приличные девушки не курили. Если баба, блять, курила, её пиздили, блять, по ебалу. А потом ебли хором.

«Хором» — тут имеется в виду несколько человек по очереди или одновременно. Это не про пение.

— Как так-то? Вот курит она стоит, да? И что, прямо подошёл, уебал да выебал?

— Да. — Смотрит он на меня с мимикой, олицетворяющей уверенность. — Потому что она блядь значит, шалава. Чтобы другие, блять, не смотрели на неё.

— Да вот стопудов так не было. Я не могу себе представить, чтобы стоит баба, курит — и ей раз кто-то ни с того ни с сего, считай, и уебал. А потом взял и выебал.

— Уебал! Я тебе говорю — уебал!

— У тебя такое было?

— Да миллион раз! Я постоянно пиздил этих ёбанных проשמандовок. Поблядушек, сука. Я их на хую вертел!

Вот он брутален, а! Брутальный — в смысле смертельный. Не в жизнь нацелен, а в смерть. Какой-то в корне деструктивный. На словах. На деле-то он молчун. Стоит, палит женские задницы, дует в свои седые усы и по-дедовски внимательно обращается с бабами, сдающими свой шмот в гардероб. А со своими вот разговорчивый. Рассказал бы он эту историю управляющей. Корки.

— Допустим, я тебе верю. Так что? Если бы твоя сестра курила?

— Да у меня нет сестры.

— Если бы была. И если бы курила.

— Я бы вообще убил её нахуй. Нихуя ты говоришь. Сестра. Сестра — это вообще пиздец. Я бы ей и пизду, и жопу отбил бы, нахуй, так, чтобы, блять, вообще сдохла!

Я представил себе на мгновение, что вот этот усатый охранник в годы молодости, без седых усов, идёт по улице. Он комсомолец. Стоит его сестра, курит. Он подлетает к ней и сносит ногой голову. А потом начинает топтать. Подбегают его друзья и мочатся на неё. Но вдруг кто-то одёргивает молодого будущего охранника и говорит: «Постой, это же была твоя сестра». А он отвечает: «Какой, нахуй, сестра?! Она тварь ебаная!» Таким зычным голосом из советских фильмов про комсомольцев и прочее коммунистическое дерьмо.

Звучит бравурная музыка. Занавес.

17 апреля

Сегодняшний день, как и все остальные мои дни, уникален. Вот почему:

В мой бар пришёл стажёр. То есть, конечно, он не сам пришёл в ресторан и зашёл в бар в качестве стажёра. Он пришёл устраиваться на работу, и менеджер поставил его ко мне стажёром.

Стажёры в бар приходят постоянно. В любой бар. Некоторые остаются, большинство пролетает мимо, не справившись. С обязанностями или с нагрузкой. В стажёрах нет ничего особенного. Они обычные парни. Однако этот стажёр особенный:

Он ебать страшный.

Маленького роста, зубы насквозь гнилые, смех противный, взгляд воровато-заискивающий, стрижка неприятная, плохая кожа и неопрятная одежда.

Как его вообще взяли стажироваться?

Пока мы работали на пару, я с ним, естественно, общался. Он ещё и тупой, как пробка.

Он похож на вокзального беспризорника. Человека без гордости, без уважения к себе, самовольно ставящего себя внутренне на нижнюю ступень пищевой цепочки.

Его канализационная харизма выражена настолько ярко, что даже неподражаема. Я работал с ним и никак не думал, что после работы пойду с ним до метро. Я думал, что как обычно, поставлю подпись в журнале у охранника, надену наушники и пойду домой, предвкушая бухло и литературу в съёмной комнате, ночью, за одиноким столом.

Но у стойки охранника меня ждал он — Шлакмэн. Он ждал меня. И когда я поставил подпись в журнале об уходе, он спросил:

— Ну что, пойдём?

Он имел в виду пойти с ним до метро и по дороге пропустить по пиву.

Я пошёл с ним до метро.

Мы зашли в ларёк, взяли по пиву, и по дороге он рассказал мне вот что:

Два дня назад он приехал из Нижнего Новгорода. В Москве остановился жить в трёшке, десятым. То есть кроме него в квартире живут ещё девять человек.

В Нижнем он работал барменом и приехал в Москву затем, чтобы стать крутейшим барменом. Работать в модных барах, заколачивать бабки и делать шоу.

— Я хочу делать шоу.

Так он сказал.

Он хочет делать шоу. Кидать бутылки, плевать огнём, кричать в мегафон под рёв пьяной толпы. Он хочет быть центром внимания в одном из лучших баров, какие только есть. Хочет стать барной знаменитостью. Чтобы приглашали на телевидение, чтобы брать первые места в барменских соревнованиях. Хочет, чтобы публика шла в бар потому, что в баре он и он делает шоу.

И он не просто хочет, он делает шаги в сторону своей хотелки. Вот, пришёл стажёром в модный бар.

Он спрашивал у меня, где можно научиться кидать бутылки, сколько это стоит, полезно ли. Он спрашивал, как научиться тому, что, по его мнению, сделает его крутейшим барменом. Он, видимо, даже на секунду не задумался над тем, какие требования предъявляются к человеку, которым он хочет стать. У него даже в мыслях нет, что он уже внешне не подходит. Никак. Что

совершенно безразлично, что он там может вытворять за стойкой. Потому что внешне он уже пролетел.

В модных барах делают шоу высокие и как минимум приятные внешне парни. А чаще всего — высокие, модные, красивые, общительные и виртуозные парни. Кидать бутылки и плевать огнём — мало. И даже если есть внешние данные — этого тоже мало. Нужно и самому быть модным, вровень с публикой, и общительным, чтобы отпускать короткие реплики в тему на волне этой публики. А публика в таких местах — модная. Они ездят по конкретным курортам, водят приличные тачки, слушают определённую музыку. Они ведут определённый образ жизни. Модный. И если ты сам не ведёшь такой образ жизни, то должен хотя бы знать его. Иначе контакт не произойдёт. Какое может быть шоу без контакта с публикой?

И этому уже никто не научит.

Я работал в GQ, «Распутине», «Дантесе» и десятке других приличных баров. У модных людей целый отдельный мир внутри общего. Как у спортсменов или художников.

Как он со своими гнилыми зубами, плохой кожей и полтора метрами роста будет накачивать дорогим бухлом московских тусовщиков? Я представляю, как в его бар приходят альфа-самцы и альфа-самки. А он стоит, еле выглядывая из-за стойки, показывает фокусы с монеткой, рассказывает анекдоты и предлагает на закуску селёдку. А эти парни и девушки морщатся и уходят.

Почему этот пацан не хочет заняться тем, что ему подходит? Профессией, не требующей внешности и определённого mind-кода, недоступного ему? Он может заняться научным проектом, программированием, дизайном. Он может делать всё, что не подразумевает визуальный контакт с аудиторией. Потому что для

визуального контакта он слишком страшный, слишком неподходящий.

Есть масса профессий, где он применим. У каждой из этих профессий есть успех. И для некоторых моделей успеха этот конкретно тип подходит. На худой конец он может покрыть себя татуировками, вставить в себя всякие рога, нацеплять пирсингов и тоже делать шоу. Он может вырастить из себя демона, и вся его внешняя грязь и внутренняя пустота вполне прокатит. Не важно, насколько ты тупой, когда твоё тело запарчено всякими татуировками, пирсингами и прочими рогами. Просто периодически высовывай раздвоенный язык и попеременно смотри глазами со страшными линзами на посетителей зоопарка.

Он не хочет делать то, к чему применим. Он тянется к тому, куда вход ему закрыт.

Передо мной стоит полутораметровое существо в дублёнке на два размера больше, в совершенно сумасшедших китайских джинсах и в шапке, натянутой на глаза. Его гнилые зубы оголяются каждый раз, когда он улыбается, его запавшие, окружённые вечной синевой глаза смотрят на меня не моргая, и он говорит:

— Я хочу делать шоу. Я хочу быть лучшим.

22 апреля

Сегодня на завтрак каша.

Наши повара превосходно готовят кашу. Несмотря даже на то, что это каша для персонала, они делают её настолько вкусной, насколько это возможно. У нас работают по-настоящему хорошие повара.

Помимо того что каша отлично приготовлена, она ещё и сама по себе идеальная еда. В ней есть все необходимые организму элементы. Больше, чем в какой-либо другой еде. Химически каша богаче любого другого блюда. Она — лучший строительный материал для тела. И это чувствуется во вкусе. Когда ты ешь кашу, то ощущаешь, как твой организм говорит спасибо. Это значит, что параллельно с наличием в каше пользы в ней нет вредности. Ведь тело не обманешь.

Вообще, большой плюс моей работы — это каши и супы. Супы и каши жизненно необходимы. А готовить их на съёмной хате мне как-то не удаётся. Я не могу готовить кашу в квартире, где снимаю лишь комнату. То есть физически — могу, но торчать за плитой на кухне у чужих людей для меня не совсем приятно. Поэтому я благодарен своей работе как возможности нормально питаться.

Кроме того, это бесплатно. Что тоже немаловажно. Так как больше свободных денег.

Ещё на кухне меня ждут горячие белые булочки с хрустящей корочкой. Их пекут наши пекаря. Эти булочки очень мягкие и плотные внутри и хрустящие снаружи. Но хрустящие не так, чтобы царапали нёбо, а как бы рассыпающиеся. Такая булочка — отличное дополнение к каше.

В ресторане пусто, так как утро — завтраки закончились, обеды ещё не начались. Отличная каша, отличные булочки. Ничто не мешает мне пойти и получить немного гастрономического удовольствия.

Внимание — Гриша!

Я не хочу у него отпрашиваться. Я не хочу подходить к нему и спрашивать:

— Гриша, я пойду поем?

В самой фразе нет ничего особенного. И нет ничего сложного в завтраке. Предупредил менеджера — позавтракал. В случае с Артёмом и Андреем это всегда так:

— Артём, я пойду похаваю.

— Давай.

Ушёл.

— Андрей, я пойду похаваю.

— Давай.

Ушёл.

— Гриша, я пойду похаваю.

— Ты так отпрашиваешься?

Бляяая... Твою же мать.

— Я не отпрашиваюсь. Я иду есть завтрак, который входит в мой соцпакет.

— То есть ты ещё и не отпрашиваешься? Ты вот так просто бросаешь бар и идёшь есть?

Вот она — его постоянная апелляция к должностным обязанностям. Именно к тому, что даже отдалённо никак не связано с причиной, по которой он мешает мне жить — самоутверждением.

Тут я должен сказать волшебную фразу:

— Присмотри, пожалуйста, за баром, если тебе не сложно.

Я могу попросить миллион других людей и не испытать унижения. Но когда мне приходится просить Гришу, я чувствую, что отсасываю у него.

Ещё есть вариант волшебной фразы «сразу»:

— Гриша, можно я пойду поесть?

Стоит произнести слово «можно» — и получится закрыть диалог с одной фразы.

Гриша, можно? Ты, ёбанный дегенерат, позволишь мне поесть? Мне, беспонтовому уёбку, ничтожеству, всего-лишь-бармену? Пожалуйста, я прошу тебя.

Блять!

Каждый раз, когда я прошу его о чём-то, он ощущает победу надо мной. Это не паранойя. Это видно. Он сияет от радости, от ощущения себя доминирующим надо мной.

Как это вообще укладывается в его голову, что если он искусственно создал ситуацию, при которой я вынужден либо просить, либо увольняться, либо быть уволенным, и я сыграл по его правилам, он меня в чём-то победил? Как? В чём победа? Ты всё тот же чмошник, а я всё тот же отличный парень.

Нет, я не буду доставлять ему удовольствие. Через полчаса Гришу сменит Андрей. Я скажу ему:

— Андрей, я пойду похаваю.

Андрей скажет:

— Давай.

И всё.

Дерьмово то, что каша подостынет. А я люблю свежую.

Да, вот так. Я не ем при Грише. Я ущемляю себя в этом. Либо в этом, либо в гордости. Не могу сказать, что я чрезвычайно гордый тип. Мне просто поперёк горла унижаться перед кем-либо. В случае с Гришей просьба — это унижение. Да и какая, нахрен, может быть

просьба? В любом ресторане у бармена есть завтрак, обед и ужин за счёт заведения. Повара специально готовят для персонала. Какая-то часть еды на кухне приготовлена конкретно для меня.

Я не должен просить об этом. Требование просить — его личное желание. Но мы с ним работаем рядом не потому, что у него или у меня такое личное желание. Нас связывает тупо одно и то же место работы. Будь моя воля — я бы с ним рядом не остановился на улице, видя его умирающим. Но так вышло, что мы работаем в одном месте.

Он выставляет ситуацию так, как будто нет ничего особенного в том, чтобы я его просил. Вроде как это нормально. Он же менеджер. Но он прекрасно знает, как неприятно мне его просить. Что это идёт вразрез с моей совестью. И наслаждается тем, что доставляет мне неудобства. Потому что если я у него не отпрошусь и просто пойду на кухню, будет хуже: Гриша расскажет управляющей, управляющая потребует объяснений. И мне придётся послать их на хуй вместе с работой. Почему? Потому что объясняться, просить, извиняться перед людьми, которые не заслужили уважения — унижение. А мне это дерьмо поперёк горла. Жизнь, в которой есть унижение, лишена смысла. Такая жизнь просто не нужна.

Будь у нас нормальный управляющий, я бы объяснил. Будь наш управляющий нормальный мужик с типичным здравомыслием — я бы объяснил. И он бы понял. Потому что я встречал огромное количество нормальных управляющих. Нормальный управляющий сказал бы:

— Гриша, отъебись от бармена и займись своим делом.

На этом бы всё и закончилось.

Но наша управляющая — молодая пизда. Которую ебёт Гриша. Они — два пустых места, нашедшие друг друга.

А ещё у меня сегодня день рождения. Сегодня мне 27.

23 апреля

Вообще, Гриша — не первый, кто пытается меня унижить без причины. Далеко не первый.

В «Распутине», например, тоже был один менеджер. Он был обычным менеджером до того момента, как я подписал контракт с издательством «Элиот». Я был так рад, что рассказал всем барменам и Лёхе — бар-менеджеру. Парни начали называть меня «писатель», а этот менеджер начал искать поводы унижить меня. До того как стало известно, что я писатель, он называл меня Илья, Илюха, Илюх. После этого — «бармен». И только «бармен». Он перестал называть меня по имени. Он перестал быть со мной просто человеком, с которым мы работаем, он стал гандоном. Он начал постоянно искать повод заставить меня унижаться перед ним. Натереть по десять раз стаканы, переделать коктейли, просто отойти в сторону, когда он заходит в бар, чтобы переделать мою работу, потому что я якобы безрукий олень. Апогейным был момент, когда он подошёл к бару и говорит мне:

— Напиши девчонкам поздравление на Восьмое марта. Ты же писатель.

Не в смысле, что он тупой и считает, что раз писатель, то пишет всё подряд. А в смысле: «Эй, писатель, напиши мне тут „хуй“ на заборе».

С тех пор я не говорю на работе, что я писатель. Это запретная тема. Я просто бармен.

Причём я не считаю, что быть писателем — это что-то особенное. Я просто пишу, потому что таков мой способ жить. Я пишу, потому что это то, как я живу, через что ощущаю жизнь. Не жизнь как

биологический процесс, а жизнь как субстанцию, в которой я могу проявить все грани себя. Другого способа я пока не знаю. Но простые люди, которые не писатели, не журналисты, не режиссёры и вообще никак не выражают себя, которые просто есть, а потом умирают — эти люди считают, что писатель — это нечто особенное. Запредельное.

Это не так.

В армии тоже была пара типов. Нет, это не было связано с литературой, ведь я тогда не писал. И с музыкой не было связано, потому что в армии я сказал о своём панк-роке только Максиму из Самары — нормальному парню. В армии ненависть ко мне была порождена другим.

Я очень самодостаточен. Если оставить меня одного, мне не будет одиноко. В каждый отдельно взятый момент времени я чем-то занят. Если не делом, то мыслями. Меня не тянет к людям от отсутствия идей, как распорядиться своим временем. Идей чем заняться всегда полно. Постоянно есть какие-то стремления. На текущий момент, на ближайшие несколько дней, на жизнь. Всегда есть какие-то цели. У меня всегда полно своей личной жизни в жизни.

Я не вижу необходимости общаться чтобы общаться. Могу не поздороваться с кем-то, просто не заметив. Не специально, а правда не заметив. Делаю минимум из условностей. Ну, например, есть кто-то, с кем я здороваюсь потому что он здоровается со мной. Например, часа два назад я здоровался с этим человеком — и вот, прохожу мимо. Нормальный человек скажет какую-то фразу, потому что знакомый. Я просто пройду мимо, если у меня нет никакого дела к этому человеку. А когда дело возникнет, я без прелюдий прямо заговорю об этом деле.

Есть такая фраза: «держаться вместе». Я не держусь ни с кем. Мне это не нужно. У меня есть я, и мне меня достаточно. При этом я нормально общаюсь с теми, кто мне интересен. Но делаю это когда хочу сам, а не вообще постоянно, потому что так принято.

И походу это видно со стороны.

Большинству людей насрать. Хотя они и очень социализированы, комфортно чувствуют себя бездействующими в плане личных целей, находясь в коллективе, не подходящем для реализации этих личных целей. Тем не менее им, большинству, насрать, что я покидаю коллектив как только наступает невозможность реализовать в нём личные цели. И не только покидаю, а чаще вообще не вхожу. А вот есть небольшой процент людей, которым не насрать. Не знаю, как они определяют — по поведению или заточке, это и не важно. Важно, что они лезут в моё личное пространство, чтобы втянуть в своё. Активно тащат в своё стадо. Стадо, потому что этот процент людей вообще не может быть в одиночестве. Их жизнь, их достаточность полностью заключена в обществе. В коллективе. В группе. Групповая достаточность. Коллективная достаточность. Такие люди, случайно оказавшись в одиночестве, как будто выключаются. Они живут только в обществе. Разумеется, своих целей у них нет. Вообще ни одной. И вот они не могут видеть меня, само-достаточного. Меня, включённого всегда, в обществе и без. Меня, имеющего цели всегда и ежесекундно к нимдвигающегося. Меня, который совершенно спокойно говорит «я», «меня», «моё», не ощущая при этом вины перед обществом.

Хотя как их это трогает? С чего вдруг?

С того, наверное, что своей жизни у них вообще нет. Только коллективная. И когда они видят кого-то, полноценно живущего без коллектива, их картина мира подвергается угрозе, и им срочно нужно «вернуть овцу в своё стадо».

Старший лейтенант Нечитайло. Он меня просто не выносил. Он не мог пройти мимо, не попытавшись меня унизить. И использовал своё положение по максимуму, чтобы только меня задеть. Чтобы я «опомнился» и растворился в коллективе ПМП, смешал своё индивидуальное с общим.

Столовая. В столовой есть книга, в которой должен расписаться врач или фельдшер перед каждым приёмом гарнизоном пищи. Принять приготовленное поварами, поставив санитарную резолюцию. В смену капитана Карташёва он либо сам ходил расписываться, либо подходил к кому-то из фельдшеров и говорил:

— Сходи, распишись в столовой.

Иногда Жидкову говорил, чаще — мне, так как я был самый молодой.

Я просто шёл в столовую и расписывался. В этом не было ничего сложного или неприятного. Просто пришёл, расписался, ушёл.

Когда была смена Нечитайло, он никогда, ни разу не предупредил заранее. Зато когда было уже поздно, он всегда подходил и говорил:

— Сходи, распишись в столовой.

И делал он это специально. Потому что он сраный пидор.

Потому что каждый приём пищи строго фиксирован по времени. В конкретное время солдаты должны прийти в столовую. Но начинать есть им можно только тогда, когда будет получена подпись врача или фельдшера. Когда еда будет санитарно принята уполномоченным лицом. Пока нет подписи, солдаты стоят и ждут. Стоят строем и ждут. И чем дольше ждут, тем сильнее ненавидят того, кто должен подписать. Потому что именно из-за этого человека они не могут поехать.

Нечитайло всегда затягивал до последнего момента. Так, чтобы солдаты постояли строем минут 15 — 20, после чего подходил

и говорил:

— Сходи, распишись в столовой.

Говорил, понимая, что сейчас меня там все ненавидят. Что все они стоят строем и думают: «Вот, ПМП охуели, заставляют нас ждать, считают себя особенными, ленивые гандоны».

Он знал, что когда я приду расписаться, они все будут меня ненавидеть. Так и было. Однажды я даже схавал пиздюлин за это. За то, что Нечитайло — ёбанный пидарас. И я никак не смог бы объяснить, что это он пидарас, что я не могу без разрешения прийти сам. Это тупо ненависть к человеку, мешающему есть. Естественно, сам Нечитайло ни за что бы не схавал пиздюлин, ему никогда ничего никто не говорил. Он офицер. А я тогда был дух. Пусть и из ПМП.

Разумеется, пойти самостоятельно и расписаться я не мог — срочнику в армии строго запрещено делать что-то вообще самостоятельно, тем более выполнять обязанности офицера без его прямого приказа. А расписываться в столовском журнале — это обязанность дежурного офицера ПМП. И только он может решить, кто именно будет расписываться.

Какое-то время я потерпел это дерьмо, а потом наступил гордости на горло и в его смену просил его пустить меня расписаться.

И даже тогда он продолжал свою «игру». Он говорил:

— Нет, Чернецов, я сам распишусь.

Потом ждал, когда станет поздно, подходил и говорил:

— Сходи, распишись, я не пойду.

Вот же дерьмо, а! Нечитайло — дерьмо. Не человек, а дерьмо.

Потом я придумал другую модель: «дебил».

Я стал подходить к нему за пять минут до обеда и просить пустить меня расписаться. Он отбрывал, но я стоял до конца. Я активно играл дебила, который не понимает — как так. Ведь пять

минут же осталось. Как вы успеете? Кроме того — вы офицер, а я солдат, солдат должен помогать офицеру, у офицера важные дела.

Это сработало. Я был рад.

Потому что не должны солдаты стоять, как лошади в стойле, и ждать пидараса, играющего в картонного диктатора.

Ещё был один типок в армии, который всю дорогу тупо задира́л ебало рядом со мной. Без причины, без претензий, чисто физически: он просто поднимал подбородок, вставал пошире и говорил, как ёбанный гуру, когда я был рядом. Прямо вот так оно и было. В это сложно поверить, но он реально строил из себя старшего брата. Я никогда его не слушал, ни разу не дал повода подумать, что хочу чему-то у него научиться, что он в принципе мог бы меня чему-то научить. Он придумал это всё себе сам.

Однажды он «разродился». Это было на заставе. Он приехал в составе рабочей группы, водителем. Он мыл машину, я рядом прожигал время с Трам-Тарарамом — котельщиком. Мы болтали с ним о бабах и гражданских развлечениях. Внезапно этот типок подходит:

— Илюх, можно тебя на минутку?

И ведёт к своему служебному грузовику.

— Пошли в кабину.

Ну пошли. Я, конечно, удивился. Не то чтобы какие-то эмоции. Просто: что за хуйня?

Сели в кабину. Этот типок пару минут молча пялился в приборную панель, трогал ручку переключения передач. И говорит:

— Илюх, я вот не пойму: почему ты не интересуешься машинами?

У меня до сих не укладывается в голове. Вот мы прослужили с тобой почти два года. Толком не общались. Никаких общих интересов нет, муток совместных — ни одной. С чего вдруг тебе

приспичило задать такой вопрос? Из каких глубин своего сознания ты его вытащил? Что за странная хуйня творится в твоей голове, парень?

Почему я не интересуюсь машинами? Серьёзно? Ты хоть что-нибудь обо мне знаешь? Мы хоть раз общались дольше минуты? С чего вдруг тебя волнует именно эта тема?

Я был обескуражен.

— В смысле?

— Ну в смысле. Вот почему ты не спрашиваешь у меня, что это такое? — И показывает какую-то кнопку. — Вот что это такое?

Вот в смысле — почему не спрашиваю? А с чего ты взял, что я гипотетически могу это спросить? Основываясь на чём ты сделал вывод типа: «Вообще, он мог бы у меня спросить о тачках»? Почему ты, отталкиваясь от подобного вывода, задаёшь мне такой вопрос? Я тебя вообще не знаю, ты меня не знаешь. Почему я могу захотеть что-то вообще у тебя спросить?

— Понятия не имею, — говорю.

— А почему так?

— Потому что так.

— Ты же нормальный мужик. Нормальный мужик должен знать, что это.

Я подыграл ему:

— Ну ок. Что это?

Просто чтобы увидеть — к чему это всё. Просто чтобы хоть чуть-чуть понять — ради чего он это затеял.

— Это? — переспрашивает.

Пиздец. Да какая разница что? Это, то, пятое, десятое. Я просто подыгрываю.

— Вот это конкретно что? — Тычу куда-то в тачке.

— Это переключатель света фар.

— А это?

— Это аварийка.

И тут он сделал такое ультраотеческое лицо. Лицо, исполненное ответственности за подрастающее поколение. Прямо Прометей. И как давай рассказывать. Нести свой родительско-водительский свет в охреневающего меня.

В тот момент у меня в голове на весь объём мозга распласталась одна пульсирующая мысль: что происходит?! Что! Это! Такое! К чему? Почему? Зачем? Ради чего? Как, блять? Зачем он это делает? Что он делает? Что за хуйня?

То есть он мог бы просто продолжать жить своей обычной жизнью. Менять масло, бортировать шины или что там делают водители, чтобы занять время? Вокруг него тысячи людей, которые с ним не общаются. Гипотетически он мог подойти к любому из них и сказать: «Почему ты не спрашиваешь меня о тачках?» Гипотетически любой человек на земле может подойти к любому другому и задать любой вопрос с воздуха. Подойти к совершенно левому человеку на улице и спросить: «Почему ты не рекомендуешь мне фильм на вечер?» Или: «Почему, когда я заливаю растворимый кофе кипятком, ты не интересуешься у меня, какой температуры вода в чайнике?» Это же возможно. Но, блять, никто никогда так не делает. Потому что — зачем? Ради чего? Тебе, блять, вообще нечем заняться? Нечем занять голову? Я даже не знаю, как его зовут. Я знаю о нём только одно: это тот чел с инженерно-сапёрной роты, который принимает дурацкие положения тела, когда я прохожу мимо.

Думаю, таким образом он доказывал мне свою важность. Видимо, его беспокоило то, что я с ним не общаюсь и вообще не обращаю на него внимания. И он попытался моё внимание на себя обратить.

Это дерьмо было и в школе. В школе мне вообще мама говорила, чтобы я делал лицо попроще, потому что девочки стесняются со мной заговаривать.

Но ребята, как я, блять, поменяю лицо? Оно такое, какое есть. Если моё лицо заставляет вас чувствовать себя ущербными, то почему я должен об этом заботиться? С чего вдруг я должен вообще что-то делать, что-то в себе менять? Потому что вас не устраивает моё лицо, оно вам некомфортно? Но какого хуя это должно меня волновать?

В садике у меня был друг. Ислам. Он был мелкий ростом, я высокий. Я и сейчас высокий. Полагаю, он и сейчас мелкий. Я действительно ценил его как друга. И доверял только ему. Но однажды ни с того ни с сего он подкараулил меня после садика с друзьями, которые уже учились в школе. Да, это были Челны 80-х, и дети тогда ходили домой сами. Они подкараулили меня, а потом друзья Ислама, школьники, держали меня, а Ислам плевал мне в лицо. Они просто держали, а он просто плевал.

Я после этого шёл домой и недоумевал: почему? Почему, Ислам? Зачем ты это сделал? Я не испытывал таких эмоций, как злоба, агрессия, ненависть. Ну или отчаяние, страх, душевная боль. Я недоумевал. Я до сих пор недоумеваю. Вчера — друзья навеки, сегодня — плюёт в лицо, пока его школьники-друзья держат. То есть он заранее это спланировал. Попросил друзей. Они подождали меня. Честное слово — у меня в голове не укладывается логика таких людей. Зачем они это делают? Ведь это лишено смысла. Я не показываю себя охувшим парнем. Я не говорю этим людям ничего плохого. Я просто живу своей жизнью, такой, какой я есть. Зачем они это делают?

Кроме того — это ведь ничего не меняет. Я останусь собой, ты — собой. Зачем вторгаться в моё личное пространство и пороть свою

безумную хуйню? Какой во всём этом смысл?

Есть одно популярное объяснение: некоторые самоутверждаются за счёт других. И я, в общем, могу с этим согласиться. Я могу согласиться с таким объяснением. Но легче не становится. Если ты живёшь в комнате, кишасей крысами, не станет легче от того, что ты скажешь: «Блять, тут крысы». Как сделать так, чтобы этого не было? Не меняя себя. Как?

Я не воюю с теми, у кого мне нечего отвоёвывать. Это не принцип, не какое-то правило для эго, это просто разумное расходование своего ресурса. Я как ресурс исчерпаем. На что я себя потрачу, то и буду иметь. Работая барменом, я узнаю людей. В процессе работы пишу в голове тексты. В итоге имею знание людей и литературу. Но если я потрачу время на борьбу с ущербными, то буду иметь опыт борьбы с ущербными. При этом важных для меня вещей я буду иметь меньше настолько, сколько времени я потратил на ущербных.

Скажем так: в общей сложности я могу собрать за жизнь сто единиц чего-либо. Потому что однажды я умру. Я не буду жить вечно и набирать единицы чего-либо вечно же. Я вижу смысл в сборе только того, что я могу использовать. Мои жизненные цели, собственно, и есть платформа для использования. То есть если моя цель, например, полететь в космос, то нет смысла собирать, например, фантики, нужно тренировать тело там и умение управлять космическим кораблём. Ну а если цель — собрать самую большую коллекцию фантиков, нужно собирать фантики, а не прокачивать, например, объём лёгких.

Я хочу собрать сто единиц того, что развивает меня, делает меня совершеннее, продвигает выше по лестнице того развития, которое я сам для себя выбрал. На данный момент моя цель — познание реальности. Я хочу знать, как всё устроено и почему именно так. У меня и в мыслях нет желания променять даже пол-единицы познания мира на пол-единицы умения взаимодействовать с ущербными.

Поэтому моё «Как сделать так, чтобы этого не было?» звучит так: каким способом оградить себя от людей, отнимающих время, не меняя свой образ жизни на заведомо менее прогрессивный?

Для меня это пока дилемма.

Фальшивые условности, маскирующие собственную несостоятельность. В этой «дисциплине» у меня сплошные пробелы. Причём по причине сознательного отказа от изучения.

С самого детского сада, с самого мелкого моего сознательного возраста я не видел совершенно никакого смысла в запоминании условностей, которые закрывают собой тот факт, что ты чего-то не можешь.

В детстве это что-то типа «первое слово дороже второго» и «первое слово съела корова». А дальше целая серия «возражений». И таких выражений тысячи.

Они есть у детей, у подростков, у взрослых. Выражения, действия, идеи, законы.

Этими условностями можно закрыть любую ситуацию, в которой ты не в состоянии получить желаемое, используя собственные навыки.

В школе моей учительницей математики была татарка, которая часто использовала слово «заукрашенный» вместо «закрашенный». Не знаю, везде так говорят или только в Татарстане, но это детское слово, совсем не логичное для использования его учителем. Потому что ты, блять, учитель, ты образец для подражания. И если ты не можешь складно доносить до учеников информацию, пиздуй работать туда, где этот навык не требуется.

Как-то стою у доски, отвечаю по какой-то задаче, она из всех сил старается унижить меня перед классом, потому что её бесит тот факт, что я не выражаю своего уважения к ней. Ну, собственно, я всю дорогу не скрывал, кем я её вижу: дура, на чьих уроках мне нужно находиться, иначе рано или поздно меня выгонят из школы за прогулы.

В общем, я у доски, она отчаянно прессует меня вопросами и задаёт такой:

— Кружочек заукрашенный или не заукрашенный?

Я говорю:

— Нет такого слова. Дети так говорят — «заукрашенный». В русском языке это называется «закрашенный».

Ну и разумеется, я тут же получаю двойку ни за что.

Эта двойка не была показателем моих знаний. Просто эта сука не могла мне возразить, не знала, как это сделать, и использовала условность — оценку, доступ к которой в этом конкретно классе имеет только она.

Это всё из одной серии: «первое слово съела корова», оценки в школе, модная одежда, депутатская неприкосновенность.

В целом это можно назвать «несправедливость». Но несправедливость в целом — явление, которое включает в себя действия, ситуации, фразы, при использовании которых явление «несправедливость» реализуется.

Большинство людей, которые окружают меня, умеют это делать. И развивают это умение с детства. Причём сознательно. Умение генерировать несправедливость, маскируя собственную несостоятельность инструментами, принятыми в обществе для маскирования несостоятельности.

Я помню, в детстве были мальчики и девочки, которые помнили наизусть все эти фразы. Они произносили их так, будто это что-то очень важное. И все уважали их за это. Правда, всегда был лайфхак — вломить пизды. То есть ты мог знать хоть миллиард фраз, но всегда был какой-нибудь Яшка, который вламывал пизды на все эти скороговорки, если кто-то пытался применить их против него.

С другой стороны, Яшка потом очень долго сидел в тюрьме. Оттуда вернулся шёлковым и таким навсегда и остался.

Если посмотреть на то, ценный ли это навык, очевидно, что да: Америка забирает иракские ресурсы при том, что весь мир ни слова не говорит против. Потому что «террористы». «Террористы» — такая же условность, как «первое слово съела корова». Нет ни единой разумной причины убивать людей в Ираке. Этому нет рационального объяснения. Вместо него есть искусственно созданная условность — «терроризм».

И есть тысячи подобных случаев.

Так вот, никогда не хотел этому учиться. Учиться мошенничать.

Потому что это унизительно. Если я хочу что-то забрать у кого-то, я заберу это. Я сильнее, я достаточно наглый, чтобы совершить зло, и я понесу за это наказание, потому что зло — это плохо. Вот так нормально. Забрать у кого-то что-то обманом — для меня унизительно.

Для большинства людей — нет. Поэтому большинство развивает этот навык, я — нет.

27 апреля

Ко мне за стойку сели двое американцев. Американцы всегда оставляют самый большой чай. Может, потому что это доказывает их охуевшесть. Может, потому что полно денег. Факт есть факт — их чай самый большой.

Я отработал с ними как обычно, принёс расчёт, они положили деньги, и закономерно в папке с чеком была хорошая сумма чаевых вместе с оплатой счёта. Осталось отнести на кассу, отдать кассиру и получить приятную сумму на карман. Так это происходит: клиент просит счёт, бармен приносит его клиентам с кассы, берёт деньги, относит на кассу, оставляет себе чай. Всегда так, без исключений.

Внезапно появляется Гриша.

Он видел этих американцев. Он, разумеется, знает про большой американский чай. И он говорит:

— Я рассчитаю их.

И тянет руку к папке.

Я знаю, что Гриша — гандон, что в его понятия отлично вписывается «спиздить чай у бармена», и говорю:

— С чего вдруг американцев рассчитываешь ты?

— Я твой начальник, и этого разговора происходить не должно.

Будь в баре, а на кассу пойду я.

Счёт, деньги, касса, чай, я сам, нет, соси хуй, всё просто.

А я. В ступоре.

Каждый раз, когда со мной происходит подобное, я оказываюсь в тупике.

Я не знаю, как действовать в таких ситуациях.

Чтобы выкрутить эту ситуацию адекватно, нужно сделать или сказать какую-то такую условность, которая помешает ему наебать меня. Сказать что-то типа: «Говоришь про меня — переводишь на себя», только взрослое и ресторанное. Или не ресторанное, а модное. Короче, актуальное для его ролевой модели. Я не знаю, что сказать, как действовать.

Я могу только молча забрать папку и продолжить по своему сценарию. Но это сразу будет расценено как неуважение, он оскорбится, прилепит сюда субординацию.

Или так: «Гриша, я считаю, что ты хочешь спиздить мой чай. Чтобы этого не произошло, иди нахуй, я сам». Тут уж он примет меня за ебанутого, потом все так станут считать, и как вообще работать с ними дальше?

А вот чего-то, при условии чего я останусь с чаем и Гриша согласно отвалит, я не знаю.

Блять, пиздец я прямолинейный. Либо физически забрать, либо сказать правду.

Почему бы просто не забить?

Потому что если я даю ему сейчас наебать меня — у меня конфликт с эго: я дал себя наебать.

Чтобы этого конфликта не произошло, я готов пойти вопреки тому, что говорит Гриша. Я готов забить на него и пойти рассчитаться внаглую. Но возникает другой конфликт: я мелочный. То есть мне настолько нужны эти деньги, что я готов в открытую продемонстрировать своё недоверие Грише перед всеми.

Что ни сделай — внутренний конфликт неизбежен.

Быть обманутым и быть нуждающимся.

Я выбрал первое. И отдал ему папку с расчётом со словами:

— Ты же принесёшь мне мой чай, да?

Да, всё-таки не удержался и брызнул желчью. Сразу же после этого внутренне покраснел перед собой же и потупил взгляд в своём внутреннем мире.

На что Гриша ответил:

— Ты на что-то намекаешь?

Сейчас бы мне охуительно пригодился навык быть изворотливым. Если бы, как все обычные люди, я с детства развивал умение быть скользким, то сейчас знал бы, как оставить чай себе, при этом избежав открытого конфликта.

Но тогда я получил бы третий конфликт: я настолько труслив, что боюсь действовать открыто.

Потому что открыто — это:

— Гриша, я знаю, что ты спиздишь мой чай. Потому что тебе не чуждо это. Ты принесёшь мне сейчас какие-то копейки с кассы или фразу: «Они не оставили чая». А мы оба знаем, что американцы оставляют хороший чай. За целый день ты хочешь рассчитать только их. Это говорит об одном: ты собрался спиздить у меня эти деньги. Ты не можешь забрать их у меня открыто, потому что либо боишься меня, либо потерять место. С другой стороны, ты ебёшь Свету, а значит, место не потеряешь. Остаётся второе: ты боишься меня. Возможно, именно поэтому ты хочешь наебать меня — чтобы доказать самому себе, что ты круче. Не знаю, зачем тебе это. Майк Тайсон круче меня, докажи ему что-нибудь. Видимо, ты не готов признать тот факт, что какой-то бармен, которого ты не считаешь за человека, не просто не пытается тебе угодить, а вообще не реагирует на твою мнимую тобой же «царственность».

И это единственное нормальное «открыто», которое может быть между нами. Потому что конфликт в этом — он делает всё, чтобы уколоть меня, унижить, а я не реагирую, поскольку не испытываю унижения, поскольку его и нет.

«Нормальный» человек сказал бы сейчас что-то типа «первое слово дороже второго» или сделал бы что-то из этой серии — и спор выиграл бы тот, кто знает полную цепочку либо умеет генерировать её на ходу.

Яшка вломил бы пизды и вылетел с работы.

Я выбрал быть обманутым.

Это неприятно. Оно лучше, чем быть скользким, рациональнее, чем быть быком. Но оно неприятно.

Казалось бы, самый эффективный способ — быть быком. Забирать своё, сокрушая мешающих.

Быть крутым.

Это звучит, это красиво, это мужественно. И только. Яшка для меня — самый яркий пример проигрышности этой модели. Это реальный пацан из параллельного со мной класса. Впервые я «познакомился» с ним во втором, глядя, как он пинает какого-то мальчика. И голос рядом сказал: «Это Яшка». Тогда я впервые в жизни испытал страх перед живым человеком. Может быть, именно поэтому стремился быть в его обществе. К седьмому классу мы были в одной тусовке, и я увидел его как есть: хочу — беру. Мир глазами Яшки был полностью без преград. Захотел — взял. Стены, морали, запреты — всего этого для него не существовало. Он реально не знал слова «нельзя». Как это — нельзя, если ударяешь — и тебе отдадут? Значит, можно.

Ровно до середины восьмого класса он был таким. В восьмом он сел в тюрьму. Говорили, что зарезал кого-то в драке. Что сомнительно, потому что в одиннадцатом я увидел его снова. Точнее, не его, а полную противоположность тому беспредельщику, которого я знал прежде. Забитый, взгляд в пол, ищущий расположения хоть кого-то и радующийся каждому дружескому хлопку по плечу.

Эта история называется «сломали», и я видел массу таких. Яшка — короткая и, наверное, самая яркая для меня постановка этой истории. Но далеко, очень далеко не единственная. В общем-то, этот путь — прорубателя — туда и ведёт: в существование, в котором ты никому не нужен.

Сначала ты завоёвываешь, потом тебя наказывают, потом ты уходишь в себя и становишься не нужным никому. Потому что ты завоеватель, ты не можешь склочничать, не умеешь терпеть, и тебе не интересно в кругу тех, кто может и умеет. Завоеватель должен умирать во время завоевания, иначе его жизнь теряет смысл.

Быть обманутым. Неужели это единственный выбор?

Естественно, он не принёс мне чай. Естественно, он оставил его себе. Наверняка он прямо сейчас ликует внутри. Понимая, что в этот короткий отрезок жизни присвоил то, что принадлежит мне.

А может, и не ликует. Может, ему нужны эти деньги. Может, он вообще не придавал этому значения и вообще во многих жизненных ситуациях ведёт себя так. Что, в общем, не особо важно. В принципе, не особо важно, как он себя ведёт в жизни в целом.

Важно, что я стою, смотрю на полтинник на стойке и нахожусь в ступоре.

Этот полтинник принёс он, снабдив словами:

— Это всё, что они оставили.

Я в ступоре.

Мне плевать на полтинник, плевать на Гришины причины, на его радость победы надо мной. Я даже не знаю, почему именно я в ступоре, я просто в состоянии прострации, тотальной пустоты.

28 апреля

Гей Саша поднял тему американского чая:

— Надо давать сдачи, чтобы не уронить свою честь!

Он так и говорит — «честь», что несколько неестественно для парня, долбящегося под хвост.

Тем не менее он отлично прижился в обществе и, вполне возможно, знает, как вести себя в таких ситуациях. Так что:

— Честно: я не знаю, как действовать в таких ситуациях. Не знаю, как дать сдачи так, чтобы не лишиться работы. Я вижу только два варианта — дать пизды или пойти внаглую рассчитать самому. Что-то мне подсказывает, что оба варианта провальные.

— Это вообще не варианты, — говорит Саша

— Ну, других я не знаю. Может, ты знаешь, а я — нет.

— Нормальный вариант — это поставить ему подножку при любом удобном случае.

Прям вот так и говорит. «Поставить подножку». Мир, куда ты катишься? С другой стороны — неужели мир состоит из людей, размышляющих так?

— Даже если упустить из виду момент, что денег это не вернёт, то есть эффективность хода нулевая, это в принципе не для меня. Я не занимаюсь низким. Если я даже переступлю через себя и сделаю так, то внутри буду чувствовать себя гораздо хуже, чем сейчас. Что в целом не просто проигрыш, а полное фиаско.

Моя система духовных ориентиров кардинально отличается от принятой в обществе, в котором я живу. Что я здесь делаю? Вот Саша тут явно на своём месте:

— Ты говоришь ерунду. Это не низменно, это нормально. Ты не можешь открыто конфликтовать с начальником. Но ты можешь сделать ему плохо незаметно. Но при этом так, чтобы он понял, что это был ты, но доказать не мог. Тогда он поймёт, что с тобой связываться не стоит, и будет обходить тебя стороной.

— Пойми — я не могу так. Я не могу делать что-либо исподтишка. Я перестану себя уважать вообще.

— Ты работаешь в ресторанном бизнесе, ты живёшь в современном мире. Нет ничего плохого в том, чтобы выживать в тех условиях, которые есть. Терять деньги — это плохо, это унижительно. А уметь их отвоёвывать — это просто нормально. Не важно как. Важно, что деньги у тебя, а это всё окупает.

— Какое, нахуй, отвоёвывать? Делать подлость и отвоёвывать — разные вещи.

«Отвоёвывать» — от слова «война», то есть открытый конфликт. Это честный способ. А то, что говорит Саша — ублюдочное дерьмо.

— Отвоёвывать — не значит воевать с автоматами. В современном мире война идёт по-другому. Уметь отстоять свои интересы любым путём и без открытого конфликта — значит уметь воевать по-современному.

Фраза отличная, спору нет. В общем-то, любое событие можно завернуть в такую фразу, что это событие будет выглядеть отлично.

В армии как-то видел ситуацию, когда пацаны из соседнего подразделения поймали у себя «крыс». Пара солдат из инженерно-сапёрной роты приехали к ним сделать какую-то работу на несколько дней и свалить. Ночью они спиздили что-то у местных, а утром их поймали. И я почему-то хорошо запомнил фразу одного из «крыс»:

— Не мы такие, жизнь такая.

Он сказал это с выражением лица грустным, но одновременно понимающим свою правоту. То есть сам он был реально уверен, что не он «крыса», не он ворует у своих, а это жизнь такая.

Фашисты вон тоже говорили, что выполняли приказы. Гитлер говорил, что действовал в интересах нации. Моджахеды убивают неверных, потому что их бог так завещал, или типа того. Америка борется с террором, а дорожники делают дороги.

Короче, что угодно можно повернуть как угодно. Разница всегда в том, что в итоге выбираешь ты. Что подходит твоей совести. Что для тебя этично.

Для меня неприемлемо мстить втихую.

Ага, лучше, блять, позор. Молодец, ёбта, красаучик!

Внутренний критик, заткнись.

Или действие?

Ещё в школе я мечтал найти подругу, с которой смогу поехать в Амстердам, по дороге ведя себя естественно. Набрать оружия и поехать.

И было, в общем-то, похуй, куда ехать, я выбрал Амстердам. Хотя скорее всего, не проехал бы и ста километров, потому что меня застрелили бы, как бешеную собаку. И мою подругу тоже.

Я тогда думал: «Как было бы круто перестать скрываться».

Сказал тебе кто-то что-то неприятное — взял уебал ему. Вот тупо какой-нибудь олень толкнул тебя на улице — взял да разбил ему голову молотком. Со всей злостью, которая накопилась на всё это хамство, на скользкость, на мелочность, на доминирование низменного.

И так с каждым.

Зашёл в магазин за сигаретами, продавщица сказала тебе что-то типа:

— Курить вредно.

И расстрелял бы её нахуй.

Потому что заебало уже вот это всё. Кто-то постоянно лезет в моё личное пространство со своей неустроенностью. Со своей грубостью, желанием раздать советов, сказать что-то обидное. На пустом месте. Не за что-то, а просто так.

— Чё встал здесь?

— Братан, помоги на хлебушек.

Топор в лоб одной и другому.

Когда у меня на пути стоит человек, я его обхожу. Когда у меня нет денег, я их зарабатываю. Когда у меня что-то спрашивают, я отвечаю ровно на вопрос. А если не хочу отвечать, то говорю: «Я не хочу сейчас разговаривать».

Но я ни к кому не лезу со своей жизненной позицией. Я не говорю: «Делай так, делай сяк, уступи мне дорогу, дай мне денег». Я ничего ни у кого не требую дать мне. Их личное пространство — это их личное пространство. Я не хочу, чтобы кто-то вторгнулся в моё — поэтому не вторгаюсь в чужое, чтобы в ответ окружающие не лезли ко мне.

Блять, какого хуя при всём этом они ко мне лезут?!

Это не вопрос. Это я так описал возмущение.

И вот, в школе я в какой-то момент всерьёз решил дать себе волю. Встретил тёлку, назвал её Бонни, себя — Клайд, какое-то время мы встречались, я рассказал ей план, она обрадовалась. Я думал, что теперь всё — прощай, обыденность. Но когда я зашёл за ней, чтобы вот всё — ехать, она слилась.

Какого?!?!?!?

— Ты же не всерьёз всё это.

Что за?!?!?!?

Конечно всерьёз. Не вижу смысла обсуждать то, чего не собираешься делать.

А одному-то вообще не прикольно.

Так и не реализовал этот план.

Хотя иногда план так и лезет в голову. Набрать оружия и отпустить вожжи. Вот прям вообще никого не щадить. Что не так — мочить. Просто уничтожать.

Кто-то скажет, что нет реальных причин. Что на любое неприятное слово можно вернуть неприятное слово.

Типа:

— Чё стоишь здесь?!

— Вали пока ходишь, дура!

И вроде как равновесие. Вроде как не держишь обиду внутри. Так вот, я держу. Мне больно от того, что в принципе кто-то ко мне полез. И одной обидной фразы в ответ на обидную фразу мало. Потому что какого вообще хуя какая-то ёбаная тварь вообще открывает рот, чтобы потребовать от меня чего-то? Какого хрена кто-то вообще может посчитать, что его видение важнее моего, что если он считает, что нормально меня толкнуть, я должен ущемить себя и дать ему такую возможность? Какого хуя я неестественно сдерживаюсь, чтобы никому не мешать, а мою охуительно прокачанную выдержку принимают за слабость?

Может, для них это несущественно — нагубить. Для меня весь мир, блять, переворачивается. Как это — нагубить мне? За что? Почему? Я что, тот, кто заслуживает грубость? Но чем? Я что, мусор, чтобы толкать меня на улице?

Одна маленькая грубость, обращённая ко мне снаружи, наносит урон всему моему внутреннему себя-ощущению. И для меня логично устранять источник урона самым действенным образом —

уничтожать. Чтобы этот источник перестал существовать в моём жизненном пространстве и тем самым не мог нанести урон моему внутреннему состоянию ещё раз. Оно должно умереть. Оно должно перестать быть.

Такова моя нормальная логика.

Разумеется, если бы я реализовал свой школьный план, то был бы уже мёртв. А я люблю жить. Потому и сублимирую.

5 мая

Официанты доедают объедки.

Это называется garbage-party.

Они берут недоеденное со столов, собираются дружно и едят.

Ты приходишь в ресторан, ешь. И если ты что-то оставишь на тарелке, за тобой доедят официанты.

Захожу на мойку, сидят две девушки и один парень. Перед ними несколько тарелок с остатками пищи. Все трое непринуждённо болтают и едят. Нормально, как само собой разумеющееся, накалывают куски вилками, соблюдая правила столового этикета. И едят.

Это нормально. В этом мире это нормально.

Парень говорит:

— Прикиньте...

— Чего? — спрашивает одна девушка.

Парень делает недовольное, презрительное лицо:

— Он оставил мне две сотки!

— А счёт? — спрашивает вторая девушка.

— Десять. — На лице парня тонна презрения к человеку, который оставил ему мало чаевых. Тонна презрения к человеку, за которым он сейчас доедает.

— Скотина, — уверенно говорит одна девушка, кладя в рот объедки.

— Урод, — говорит другая, допивая чужой лимонад. — А ты что?

— Что, что? — говорит парень надменно. — Подошёл к столу... — Тут он кладёт кусок мяса в рот. Чей-то недоеденный кусок мяса с чужой тарелки в свой рот. — ...и отдал ему сдачу. Там двести с чем-

то было. Он мне говорит: «Это вам. Оставьте». Я не выдержал такой наглости. — Огонь негодования горит в глазах доедальщика объедков. — Нет, говорю, это — вам. — На слове «вам» официант заостряет внимание.

— Молодец! — говорит одна девушка. — Так их и надо.

— Скоты деревенские, — говорит другая.

Заебись. Они уроды, они скоты. Ты за ними доедаешь. Вообще чётко.

Спрашиваю:

— А тебе не стыдно есть с тарелки человека, которого ты тут же обзываешь скотиной? Доедать за кем-то вообще не противно хотя бы?

— Куски же нетронутые, — отвечает.

И все они дружно считают меня психом.

10 мая

Сегодня мне на мыло пришло письмо от девушки, которая подписалась Нимфой.

В письме — надрывные признания в любви, в невозможности жить без меня. Целая поэма девичьих любовных страданий в стихах и прозе.

Слив воду, смысл такой:

«Жить без тебя не могу, любить буду вечно, вся принадлежу тебе, и только ты способен решить, как мне жить дальше».

Такие письма я часто получал, когда учился в школе. Была даже одна деваха, которая где-то год писала мне в среднем раз в неделю. Её письма я читал вечерами всей семье. Она была нашим маленьким сериалом. Прямо мыльная опера. Серия 1: «Люблю до гроба». Серия 2: «Ты меня не замечаешь». Серия 3: «Я видела тебя с девочкой». Серия 4: «Не обнимайся с ней на переменах». Серия 5: «Ты равнодушен ко мне». И так далее. В День святого Валентина думал, она как-то даст о себе знать, но валентинки были совсем с другим почерком. В итоге так и не раскрылась. Хотя очень было интересно, кто она.

Сначала я получал такие письма через почтовый ящик и записки на парте. Потом, когда появились телефоны, начались звонки. От дышаний в трубку до телефонных концертов с бабских посиделок с подругами.

Дважды я встречался с ними. Одна оказалась прикольной внешне, но тотально закрытой внутренне. Настолько закрытой, что даже проникать не захотелось. Со второй встречался какое-то время. Потом бросил, потом другие, потом армия, а после армии Цурик

женился на ней, а потом она ушла от него за то, что он выебал её в жопу через печень. Ну то есть она вдруг развыёбывалась в духе «уважай в женщине женщину», он дал ей пару раз в печень, она расслабила булки, и он выебал её в жопу.

В итоге 100% авторш любовных посланий, по моей статистике, оказались не в себе. Ведь какое дерьмо должно быть в голове, чтобы будучи женой, регулярно порясь в дымоход, внезапно начать требовать моральную плату за это?

Разумеется, и эта мадам была бы записана мной в ёбнутые, если бы не:

«...Ты подарил мне тепло, которое я бережно храню в своём сердце, ты — единственный, кто сумел понять меня и принять...»

То есть мы встречались, я дарил ей тепло, понимал её.

Эля.

Только ей я дарил тепло. Чтобы вот настолько — только ей. Есть только одна девушка, с которой у меня была настоящая сильная любовь. Такая, которая с теплом, пониманием. Ничего подобного тому, что было с Элей, у меня не было ни с кем.

Впервые я увидел её, когда ей было лет восемь, наверное. Она училась в одном классе с моей сестрёнкой и иногда заходила к нам. Мне тогда было двенадцать. Как только я её увидел, остальные девочки как-то сразу перестали быть интересными. То есть плотское влечение, конечно, оставалось к хорошеньким девочкам, но сердце требовало только её — Элю. И мне совершенно насрать, что ей было восемь.

Я увидел её в восемь, и мне стало сложно быть без неё.

Четыре года я на неё просто смотрел. Офигеть, четыре года.

Почему? Что может заставить всего лишь смотреть на ту, без которой плохо, четыре года? Мораль. Ей же было восемь, потом девять, потом десять и так далее. Она была маленькой. Если бы мои,

а ещё хуже — её родители узнали о том, что я к ней испытываю, наверное, поразили бы меня унижением на всю жизнь. Так бы повели себя, что я каждое утреннее пробуждение встречал бы проваливанием от стыда под землю.

Но в мои шестнадцать мне было уже насрать на реакции внешнего мира. Их к этому времени накопилось так много, что я перестал их воспринимать. Поэтому в мои шестнадцать, её двенадцать, я впервые её поцеловал.

Она как-то в очередной раз пришла к моей сестрёнке. Как я узнал позже, она старалась приходить почаще, чтобы увидеть меня. Я открыл дверь, она стоит, красивая. Я говорю:

— Ты не будешь против, если я сделаю то, что хочу?

Она говорит:

— Смотря что.

И я её целую.

Вообще-то, она должна была ответить: «Не против», но похуй.

Этот ход рассказал мне Нава. Он проделал эту штуку с одной девахой, а мне ход понравился. Плюс за четыре года смотрений я накрутил себе в голове хлама и сам не смог бы придумать вообще ничего.

С того момента мы наконец-то были постоянно вместе.

Никакого секса между нами не было до её шестнадцати, она же была маленькая. Хотя дело не в возрасте, Альбине было четырнадцать в наш первый раз, и титьки у неё были третьего размера.

Эля была какая-то ультранежная, невинная. Моя мама называла её глаза оленьими. Так и было. У неё был взгляд как у оленёнка. Как у Бэмби. Её лицо было как будто тонким, как шёлк, а мимика реагировала чуть ли не на шорохи. Она вся была ребёнок,

молочный, ласковый, не знающий зла. Трепетная лань — вот что подходит, но я не люблю высокопарность.

Так что наша любовь была скорее душевной, нежели людской.

Потом я уехал учиться в Пермь, а она писала мне письма. Периодически я приезжал и бóльшую часть времени проводил с ней. Несмотря на то что инст был очень развратным периодом моей жизни, сердцем я был привязан только к ней. Хотя считал, что встречу лучше. Лучше в смысле сисек, жопы и общей куражности. Эля была как цветок, мне же тогда хотелось чего-то с обложки «Хастлера». Тем не менее, когда я оказывался с ней рядом, мне не хотелось больше никого.

Потом были мои проводы в армию. На них мы стали окончательно близки, физически. Тогда я понял, что Эля прекрасна во всём. Просто совершенство. Физический контакт закрыл все сомнения — она идеальна. Она та, кто мне нужен. На всю жизнь. Если бы это произошло раньше, я, наверное, даже принял бы предложение Зульфара Захировича не идти в армию в обмен на контракт в его магазине.

После проводов я провожал Элю домой. И думал, как было бы круто плюнуть на армию, остаться в «Оскаре», работать управляющим музыкальным магазином, дальше — филиалы, карьера. И она рядом. Эля. Моя нежная, душевная, любимая. Быть с ней, иметь любимую работу, не терять времени, а просто жить счастливым человеком.

Но это была палка о двух концах. Потому что кто не был в армии, не был в ней потому, что родился бабой.

Эля даже тогда скрывала меня от своих родителей, поэтому мы прощались, не доходя до её дома.

Ночь. Тихо. Мы одни на улице. Её детское лицо сейчас расплывается, на глазах глянец, она умоляюще смотрит на меня

и просит остаться.

— Давай убежим, — говорит.

Как это — «убежим»? Это же не мультик.

Она сжимает мою одежду крошечными кулачками, а я чувствую, как целая вселенная сворачивается и концентрируется на ней — моей девочке. Меня пронизывает тоска, я понимаю, что два года не смогу её увидеть, а может, и больше. И не могу отпустить её. Она часть меня, покинуть её — всё равно что оторвать от себя кусок. Я чувствую неделимую целостность себя с ней и понимаю, что всё идёт не так, что где-то глобальная ошибка. Что расставаться придётся и что расставаясь, я теряю что-то очень важное. Такое, без чего дальше будет сложно жить. Что-то такое, что я буду всю жизнь искать и никогда не найду. Я чувствую, как что-то жизненно необходимое во мне умирает.

Она прижимается ко мне и плачет. И я плачу. Я до краёв полон отчаяния, что я не могу ничего изменить.

Потом армия.

Сначала она писала мне часто. Чаше мамы. Её письма были сумасшедшими, полными истерики и сердечной боли. Каждая строчка была пропитана её слезами. Постепенно настроение писем перешло в депрессию, которая постепенно нарастала и усугублялась. Внезапно письма прекратились где-то на год. И уже ближе к дембелю я получил следующее. В нём она писала, что наглоталась таблеток и была в больнице, потом восстанавливалась. Наверное, тогда в ней умер я.

Я ехал в Челны и очень хотел увидеть её, вернуть нас. Но от знакомых узнал, что она уехала в Америку, что всё у неё отлично. Позже, где-то через год после дембеля, она приехала. Это была уже не она. Её руки стали жёсткими, вся она огрубела, из неё исчезла сказка. Она стала обычной. Или может, мне так показалось.

Она писала какую-то работу в какой-то инст по феминизму, а когда я спросил её, зачем такая тема, она ответила:

— Ты что? Это же очень важно!

Тогда я понял, что с ней в натуре что-то не то.

Мы погуляли с ней пару часов, и больше я не видел её вживую.

Уже когда я жил в Москве, а она вернулась в Нью-Йорк, мы созванивались по «Скайпу», и я окончательно понял, что она уже не моя девочка. Я попросил её показать задницу, а она показала её как-то скомканно, буднично. Как будто её задница в основном для сранья. А я очень люблю её задницу.

Совершенно логично, что письмо от Нимфы разбудило во мне чувства к Эле — моей девочке. И я, конечно же, вдохнул в своей фантазии Элю в эту Нимфу. Я активно вспомнил весь позитив между нами, наложил это на текст письма — и вот оно.

Моя девочка вернулась!

Все эти годы не потеряны. Мы снова будем вместе. Вот она. Та, без которой я не цел.

И вдруг...

Сраная, плаксивая, впечатлительная малолетка.

Сестра одного моего знакомого. К которому я и не захожу толком. Эта девочка, Катя — даже и не знаю, чем я мог себя скомпрометировать. Как я дал ей повод думать, что между нами что-то может произойти. Был учтив, и только. Улыбался ей, говорил комплименты. И её детское сердечко забилося чаще положенного. Но я часто говорю комплименты приятным девочкам. Как не сказать комплимент приятной девочке?

Произошла совершенно бытовая, обыденная ситуация, а я уже настроил идей о том, что Эля вернулась. Что вернулось что-то безвозвратное, но очень важное. Так ведь не бывает.

Я внимательно раскопал из памяти всё хорошее, что между нами было. Только одна маленькая зацепка, а я уже построил в своей голове мир счастья и благоденствия, наполнил его деталями и событиями. Эй, я ведь уже разрисовал, как что будет. И даже испытал эмоции от придуманных мной же событий, которые не произошли, но должны произойти по моему идеалистическому сценарию.

Одна маленькая, неосязаемая зацепка. И я вцепился в неё зубами. Я раздул её в воображении и уже поселился в созданном в сознании мире. Я уже привязался к нему и перестроил ход своих мыслей...

Похоже, мне охуительно не хватает любви.

12 мая

Последний раз я трахался полтора года назад. Мне 27. За это время у меня было раз в десять больше девушек, чем у среднестатистического парня. До Москвы.

Последние полтора года у меня не было ни одной бабы.

Ни е-ди-ной.

Ни единой бабы за полтора года.

Полтора. 547 дней подряд мой хуй не бывал в пизде.

Охренеть, блять. Просто охренеть!

Последней была Надя.

Надя — это девушка, планировавшая стать моей женой и считавшая, что всё к этому идёт. Мы познакомились в «Бона Фиде», в Набережных Челнах, где она работала на раздаче, а я пёк пиццу. Я был поваром, который целый день печёт пиццу. У нас были очень романтические и продолжительные отношения. На День святого Валентина я сшил ей небольшую подушку в виде сердечка из фиолетового шёлка, с кружевами и бусами. Красивая получилась вещица. А она на мой день рождения пробралась в мой шкафчик на работе и положила туда грейпфрут. А я очень люблю грейпфруты, и только она понимает, насколько такой поступок для меня важен. И сейчас в мире нет человека, способного понимать, что для меня значит грейпфрут, положенный мне в шкафчик на работе в мой день рождения. Сама она тогда оделась после работы во всё фиолетовое и сделала фиолетовый макияж. Это мой любимый цвет.

Когда я уезжал в Москву, она плакала на перроне. А через полгода приехала ко мне в гости. И моя квартирная хозяйка позволила мне потрахаться. Она сказала что-то вроде:

— Она же твоя девушка. Это совсем другое дело. Вы же потом поженитесь? Да?

А я сказал что-то вроде:

— Вроде как всё к этому и идёт.

На самом деле я и не планировал. Это была наша последняя встреча.

Думаю, брак — это не что-то обязательное. И не что-то обязывающее. Это не когда девушка обязывает тебя всем своим поведением жениться на ней. И не когда родители говорят, что пора. Это когда ты понимаешь, что с этой девушкой ты хочешь быть всю жизнь.

Я не готов видеть Надю стареющей. Несмотря на грейпфруты.

Когда я только приехал в Москву, в тот же вечер на кухне квартиры, в которой я остановился, была девушка. Мы все пили пиво, у неё на животе, у самого лобка, была татуировка — два дельфина. У неё были батоны, титюшки, молодость. Она была маленькой мусоршей. То есть она работала в мусарне. Мне не удалось ей вдусть.

Потом «Распутин». Там я в первую неделю работы познакомился с корейкой Наташей. Один раз мы сходили с ней в парк Горького. Поехали ко мне, и я порол её до утра. Потом была пара часов сна, кафе, и я порол её на детской площадке в обед. А через пять дней, в мой следующий выходной, я снова порол её у себя в съёмной комнате. Утром отправил на такси домой, а когда зашёл на кухню налить кофе, услышал от квартирной хозяйки:

— Илья, если ты ещё раз приведёшь к себе девушку, тебе придётся съехать. Я не могу видеть, как в моём доме происходит такое. Уже два раза я слышала, что вы там делаете за стенкой, и больше слушать не буду.

Тут всё и остановилось.

Весь мой секс на этом кончился.

Если я не могу привести бабу к себе, значит, от баб нужно отказываться. Съёмная однушка в Москве стоит дорого, а платить половину всех зарабатываемых денег за жильё я не хочу.

С того разговора с квартирной хозяйкой я какое-то время ещё заигрывал с бабами. Но каждый раз, когда вставал вопрос места, это место должно было быть у меня. Потому что все встреченные мной бабы жили в съёмных комнатах, с теми же условиями, что и я.

Потом я вообще перестал заигрывать с тёлками. Потому что смысл? К себе привести не могу, к ней пойти не могу. А я в рот ебал трахаться на улице на постоянной основе.

Потому что я трахаюсь часами, меняя множество поз, делая перерывы, играя в процессе. Секс для меня — один из способов самовыражения. И ради десятиминутной ебли на улице я даже ширинку не подумаю расстёгивать.

Однажды мне приспичило настолько, что я написал в «Знакомства» «В контакте». Так на короткое время появилась Мила. У неё не было своих фоток, поэтому мы общались онлайн. Потом встретились. Охота трахаться прошла. Тем не менее я погулял с ней вечер. Она предложила отсосать мне на улице, я отказался. Мила толстая. Не то чтобы сильно толстая, но достаточно, чтобы отказаться даже от отсоса. Она писала мне какое-то время после этой встречи, звонила. Это ничего не меняло. Ей надо было ходить в спортзал, а не заниматься хуйнёй.

Потом ненадолго появилась Надя.

Другая, Соскова.

Натолько ненадолго, что всего на ночь. Причём за всю ночь я ей так и не вдул.

Мы работали вместе около семи дней, потом она ушла, поняв, что бар не для неё. Через пару дней позвонила и предложила

встретиться. Она была какой-то необычной. Внешне всё более чем ок, но внутри — какая-то поэтичная, летящая. Меня заворожило в ней отсутствие интереса к повседневности. Она мне напомнила героиню «Последнего танго в Париже». Я шёл на встречу с ней, в пальто, осенью, по Страстному бульвару. Деревья были чёрными, листья — жёлтыми, воздух — прозрачным, время — остановившимся, мир — существующим в параллельной вселенной. Я чувствовал себя старым пердуном, в пальто, как Брандо, играющим последний аккорд перед ожирением. В мои 25.

Это был момент, который я запомнил на всю жизнь. Как лучшее свидание, которое когда-либо у меня было. Его лучшест, наверное, в отсутствии потребностей. Я не стремился её трахнуть, произвести впечатление, завоевать и удержать. Я просто был с ней, а она — со мной. Потом она цитировала Сяву, но вовремя перестала. Мы провели с ней ночь, практически трахаясь, но это было не обычное соблазнение, это было само собой. Утром она спала, положив мне голову на колени, на скамейке у Патриарших прудов. Она спала, а я смотрел на начавшуюся осень и чувствовал себя вне времени.

Потом она исчезла. После неё никого не было.

Не потому что Надя была особенной. Она была особенной, свидание было особенным, лучшим в жизни. Но это не значит, что другие бабы перестали существовать.

Они остались, мне всё так же нравятся титьки и жопы. Но вся эта гендерная движня перестала мной руководить. Постепенно мне стало всё равно. Постепенно я перестал дружить с кем-либо, общаться вне работы. Постепенно я ушёл в свой мир, практически не вылезая за его пределы.

Сейчас я уже очень глубоко внутри себя. Вокруг меня — Москва. Тонны людей, море охуенных баб. Но всё вокруг как будто меня не касается. Оно просто есть, а я живу в своём мире. В котором

кроме меня есть только книги, которые я читаю, и истории, которые в них описаны.

Странное ощущение. Я как будто очень-очень старый. Мне 27, а потребность в выживании для меня отсутствует.

Мне не нужны карьера, машина, своя квартира, костюм за 50 000.

Тот факт, что мне не нужны бабы, показателен для меня. Он показывает мне же, насколько мне не требуется выживать.

Мне не плохо от этого, я не чувствую себя одиноким. Мне очень нравится состояние «сам в себе». Оно даёт мне гармонию с собой. Как будто я в невесомости посреди космоса и полностью самодостаточен. В этом состоянии я ощущаю свободу.

13 мая

Катя.

Маленькая, глупенькая одиннадцатиклассница.

Я знаю, что она думает. Она думает ровно то, что написала. Только ярче. Потому что в шестнадцать язык не развит настолько, чтобы точно передать эмоции. А даже если развит, то всё равно не передаст, так как языком эмоций не передать.

У неё сейчас настоящие сердечные страдания. Она вполне реально испытывает нехватку чего-то, что ассоциируется у неё со мной. Скорее всего, такие же ровно иллюзии, которые я себе нарисовал, допустив идею возвращения Эли. Счастье. Она нарисовала себе счастье, связала его со мной и страдает от того, что этим всем в данный момент не обладает. И будет больше страдать, когда узнает, что между нами ничего не будет.

На самом деле, конкретно я ей не нужен. Ей нужно влюбиться. Не важно в кого. Я просто больше всего соответствую тому образу, который она нарисовала себе в голове в качестве образа парня, которого стоит любить. И я в данный момент рядом.

Реальных страданий по конкретному человеку — мне — у неё не будет. Она пострадает какое-то небольшое время с моим образом в голове и забудет. Найдёт успокоение в том, что под рукой: большая жопа с постоянной подпиткой из «вкусняшек», построенные по общей линейке дети, двушка в Бутово и брак с оленем, тупящим в футбол под пиво по субботам.

Потому что Эля это всё нашла. И все её слёзы на моих проводах, все её таблетки — не что иное, как каприз избалованной девочки. Избалованной настолько, что глаза как у оленёнка, губы трепетны,

а лицо как шёлк, несмотря на то что некоторым другим девочкам приходится давать в жопу через печень.

Любовь, душевность и откровенность никому не нужны всерьёз. Всем достаточно того, что под боком. Каждый, когда сталкивается с миром, полным борьбы за выживание, отбрасывает идеалы, с которыми рождён и наличие которых в каждом сделали бы мир совершенным. Люди избавляются от прекрасного в пользу съедобного. Потому что жратва — вот она, а за красоту нужно бороться.

Хреновое в этом всём есть только для меня.

Я не избавился от душевного света. Я всё ещё верю в совершенный мир. Мне действительно нужен конкретный человек. Мне действительно нужны сильные эмоции. Мне действительно нужна любовь, которая ежесекундно и до головокружения. Мне без этого тускло жить. И я уже в таком возрасте, когда у всех это прошло. А значит, у меня это навсегда.

Вот дерьмо.

20 мая

Сегодня в ночь работает Вова. Вова — это официант, который ведёт себя так, как будто он постоянно накурен. Он вечно полуулыбается, немного горбится и говорит загадками. Загадками, которые и загадывать не нужно, потому что отгадки всегда проще деревянной доски метр на метр и 24 миллиметра в толщину. Но таков образ, в котором он живёт и в который верит. Наверное, он слушает русский рэп и сочувствует людям, сидящим в тюрьме за ограбление овощного ларька.

Сегодня официантка Таня не идёт домой, а остаётся на ночь. Она отработала в день, за ночную смену ей не платят, так что она остаётся на добровольной основе.

Для меня это удивительно. Я говорю Вова:

— Таня, похоже, так любит свою работу, что совсем не собирается уходить домой.

— Да, она остаётся. Но не из-за работы. У неё есть другие причины, — говорит Вова. Загадочно, заглядывая мне в лицо и полуулыбаясь.

Вова говорит это так, как будто намекает на план заговора в Пентагоне.

Он говорит это так, как будто речь идёт не об официантке Тани, которая остаётся на работе по совсем уж примитивным причинам. А как будто речь идёт о засекреченной информации тайного порабощения Земли инопланетянами, в котором Вова замешан. Причём реального порабощения, а не фейковой истории в жёлтой прессе.

— Какие могут быть причины? — спрашиваю я Вову. — Не то чтобы конкретно у Тани, а вообще — какие у любого человека могут быть причины оставаться в этом кабаке за бесплатно? Это же не мечта всей жизни. Это ещё один ресторан.

Я не воспринимаю Вову всерьёз, но в образ он вживается действительно прочно. Держит марку до последнего.

— Ну, есть причины...

И этот его взгляд человека, знающего все тайны мира. Человека, который не может открыть тебе даже сотую долю этих тайн, потому что стоит тебе взглянуть, как твой мозг взорвётся.

Я не воспринимаю Вову всерьёз, но я не могу быть точно уверен в том, что он пиздит. В этом никто не может быть уверен наверняка. В том, что кто-то вообще пиздит, не только Вова.

— Вова, ты бредишь. По-настоящему важных причин быть не может. Это просто невозможно. Она заработала чай, у неё есть деньги. На улице погода в десять баллов по пятибалльной шкале. Добровольно променять своё свободное время на жаркую, потную, набитую табачным дымом комнатушку? Какая такая может быть веская причина для этого? У меня в голове не укладывается — какая?

Танин рабочий день закончился, так что в зале она находиться не может. На кухне ей тоже делать нечего, а сидеть с посудомойщицами — вообще бред. Таня сидит с кассиршей в отдельной маленькой комнатушке, в которой кассирша курит одну за одной. Там очень жарко, там нечем дышать, там режет глаза от сигарет.

Трёп с кассиршей? Эта причина? Ведь именно это и делает Таня — треплется с кассиршей на избитые бабьи темы.

— Ладно, я скажу тебе. Только ты молчи об этом, хорошо? — Вова приглушил голос, чтобы никто не заметил.

О, да меня сейчас посвятят в святая святых.

— Ок, конечно, я никому не скажу.

Да и смысл там говорить кому-то что-то? Стопудов же, причина до одури лишена интереса. Причина стопудов настолько лишена мало-мальской изюминки, насколько лишена её совковая лопата по 20 рублей в любом магазине «Сад и огород».

— Она меня ждёт.

— Вова, ты забыл сказать перед этим: «Приготовься. Приготовился? Ну, слушай!»

Вова смотрит на меня непонимающе. Когда Вова смотрит непонимающе, он просто тупо смотрит, всё с той же полуулыбкой и загадочностью. Просто смотрит, ничего не говорит и не двигается.

— Да ладно. Это вся причина? Вот это вот «меня ждёт» — это всё?

Это же и не причина вовсе. Зачем его ждать? Он что, в армии? Они легко могут встретиться после работы. Когда Вовина смена закончится, он просто может приехать к Тане, или она — к нему. Они отлично потрахуют друг друга, попьют, покурят разного рэперскогохлама, создающего в голове важности из обыденностей. Они же даже не находятся рядом на работе. Вова — в зале, и это до утра. Таня — в кассирной, и это до утра. Толку?

Толку, Вова, нагнетать важность? Зачем? Для чего? Какой смысл? Я действительно задаюсь этими вопросами. Мне действительно очень интересно: зачем загадочность?

Кроме того, Таня обыкновенная. Она прямо в доску обыкновенная. Как валенок из монгольского войлока, свалянного где-то в степи грязной тётенькой в полметра ростом, которая никогда не видела телевизор и верит в существование богов, которые посылают дождь. Таня — обычная-преобычная баба. Таких, как Таня — тонны. Их не миллионы, их прямо тонны. Она приятная, милая, молодая. Но даже на раз не тянет. Это ведь всё равно что совать в ребёнка, который даже не осознаёт, что происходит. Таня

настолько простая, что даже невинная. То есть понятно, что она ебётся и сосёт хуй, но её душа чиста, как берёзовый сок. Просто потому что внутри Тани нет информации. Никакой. Это её чистота. Непорочность. Невинность. Не потому что она сознательно не злоблива, не лицемерна, не алчна. А потому что она не знает, что это, как это. Она не способна осознать порок, вину, грязь.

Какой смысл ценить тот факт, что такая баба тебя ждёт? В чём ценность ожидания тебя такой бабой? «Привет, Таня» — прошёл мимо. Просто из вежливости. Вова, ты же накуренный рэпер. У тебя же в клубе должны танцевать чики с титьками, круглыми, как мячи УЕФА.

— Да, — отвечает Вова. Да, она ждёт его.

Тут я замечаю в Воде что-то, чего ещё не замечал в нём. Тёплую, молочную семейность. Оседлость. Счастье иметь возможность остановиться и больше никуда не двигаться.

И он рад, что она его ждёт. Он ценит её выбор. Который, скорее всего, даже не осознанный, а насквозь рефлексивный.

— Какая романтика, Вова. Она ждёт тебя.

— Да.

Вова сияет. По-своему. С той же полуулыбкой и травным налётом пелены на глазах, которые смотрят на тебя, но тебя не видят. Они просто смотрят в сторону, куда говорит рот.

— Чтобы утром пойти с тобой трахаться?

— И утром, и на работе разок.

Он счастлив. Он полностью, с ног до головы счастлив. С ватных ног до глиняной головы. Счастлив настолько, насколько может быть счастлив человек, слушающий русский рэп и сочувствующим парням, сидящим в тюрьме за ограбление уроженца Азербайджана, торгующего помидорами у автобусной остановки.

Как это возможно? Как возможно такое при здоровом уме? Быть счастливым от того, что тебя ждёт баба, которая, собственно, и ждёт потому, что она больше нахуй никому не нужна? Ну, на хуй — ещё ок, её стопудов периодически поёбывают. Но не более! Это настолько явно, что она готова куковать в прокуренной кассиршей комнатухе всю ночь, бесплатно, только потому что хоть кто-то не воспринимает её в качестве мешка картошки.

Вова, в мире же полно отличных баб. И они реально качественные. Не говоря уже о девушках, в которых стоит влюбляться и проводить с ними всю жизнь. Хотя стоп, таких я ещё не встречал. Но я продолжаю верить. Как в синюю птицу. Короче, полно охуенных тёлочек, ведущихся на молодость, кепки с прямым козырьком и цитаты вроде: «Мы делаем свой пых-пых».

— Нет, Вова, я всё равно не верю, что у Тани настолько чешется, что она готова ждать тебя до самого утра. — Тут внезапно из-за угла появляется Лёха, он слышит эту фразу, я его не вижу и продолжаю: — Особенно учитывая тот момент, что ты свободно можешь поехать к ней после работы. Или она к тебе.

Я помню, что обещал Вова никому не рассказывать. И даже тот факт, что его секрет — тухлая хуйня, не меняет моего обещания и необходимости его сдержать.

А Лёха всё услышал.

Но я не видел за углом Лёху. Я же не рентген-аппарат.

Лёха — это здоровенный хохол из Одессы, любитель пошутить, мощно преувеличить и рассказать пару историй так, как может рассказать только хохол. По-гоголевски. Захватывающе, таинственно, с головой погружая тебя внутрь.

Лёха всё слышал — и вот, он уже уходит, разрывая воздух громохочущим смехом. Здоровенный. Хохол. Из Одессы.

— Я же просил тебя не говорить, — говорит Вова, выражая всю грусть земли одним своим взглядом.

Видел я Лёху за углом, не видел, мог видеть, не мог — не важно. Я пообещал и не сдержал обещания.

И пусть Вова хоть сто раз рэпер, курящий всякий шлак. Но я облажался.

— Вован, прости, пожалуйста. — Хлопаю его по плечу.

Но Вова уходит. Расстроенный до глубины души.

Всю свою смену я парюсь, что нечаянно сказал при Лёхе то, о чем обещал не говорить. Настроение — дерьмо. Я никогда не болтаю лишнего и умею держать секреты. Какого хрена Лёха вылез и услышал?

Уже под утро, менеджер спит, мы сидим, выпиваем, треплемся.

Таня, Вова, я, Лёха и охранник-психопат с седыми усами.

Разговор зашёл на порнушную тему. Про то, что некоторые люди вытворяют со своими хуями, пёздами, глотками и жопами. Постепенно Вова с Таней разжигаются, мнут друг другу промежности. Потом Вова задирает Тане футболку и лижет её живот. Лёха на месте, Лёха всё видит, Лёхе похуй.

И было похуй. И Вове было похуй. И Тане тоже.

Так какого, блять, хрена я парился всю смену о том, что спизднул про Вову, ебущего Таню при Лёхе?

Лёха уходит в туалет, и я спрашиваю Вову:

— Вова, скажи мне, пожалуйста: какого хуя ты просил никому ничего не говорить? Какого хуя ты соорудил такое ебало, когда Лёха услышал? Ты только что лизал Тане живот. При нём. Какого хрена я должен был париться всю смену?

Внезапно Вова делает крайне серьёзное лицо:

— Просто тогда не надо было этого говорить.

— Тогда? А что изменилось?

— Изменилось.

— Что? Наступило утро?

— Да.

— Я не всерьёз сказал про утро. Это в смысле, что утро ничего не меняет.

— Ладно, проехали.

И у него на лице остаётся эта сраная заточка в духе: «Да ладно, ты уже пропизделся».

Блять. Да как так?

Это было случайно. И вообще не имело значения в итоге. Какого хрена? Так и хочется отбивать его ёбаную голову ногами. Вытапывать из его ублюдочного ебальника всю эту наркоманскую улыбку, надуманную серьёзность и попытку внушить мне чувство вины.

Никакой тут серьёзности нет и не может быть. В мире в принципе нет ничего серьёзного. Не существует таких вещей, о которых нужно молчать, которые нужно скрывать от кого-либо. Потому что всё временно. Вот абсолютно всё. Любые отношения, любые поступки, мысли, решения. Всё временно. Сама жизнь временна. Что бы кто ни сделал, как бы ни поступил — ничто не имеет принципиального значения. Ничто не фундаментально.

Дело в Воле? Хуй там! Дело в заточке. В тех пидарасах, которые носят на своих ебальниках гримасы серьёзности, важности, абсолютности, непогрешимости. Все ошибаются, все ежесекундно делают не то и не так. Абсолюта нет в принципе. И быть не может.

То, что спизднул про свои отношения с Таней Вола, постоянно пиздят учёные, политики, журналисты. Сначала это была охуеть какая важная заточка про плоский мир на четырёх китах, потом это охуительная важность в теме Америки с Ираком, потом ещё что-нибудь. Никакой важности в этом дерьме нет и быть не может.

Бродский и Блаватская ошибаются точно так же, как Вова. Разница только в количестве слушателей. Ошибки одни и те же. Никто не фундамент, ничто не абсолют. Все эти пупы земли рано или поздно развязываются.

Мы все умрём. Кого-то зарежут, кого-то застрелят, кто-то загнётся от рака, чей-то организм сносится и склеит лапы в тёплой постели.

Так какого хрена париться об этом? Это всё равно произойдёт. Учения всё равно будут вытеснены более новыми учениями. Отношения сдуются. Войны закончатся и начнутся новые. Которые тоже рано или поздно закончатся. И про которые напишут миллион объяснений и теорий, каждая из которых будет опровергать все остальные, а все они в итоге окажутся ошибочны и осмеяны следующими поколениями.

Но нет, надо, сука, основательно окружать себя высоченным забором из предрассудков, огораживаться от бесконечности возможностей, изо всех сил сужать своё бытие до максимально предсказуемых рамок. Вместо того чтобы жить, ловить день, узнавать новое, делать, зная, что ошибёшься, но испытывать экзистенциальный экстаз от процесса. От непредсказуемости результата и перманентного расширения границ реальности.

Слава богу, в мире есть такие люди, как Стив Джобс и Никола Тесла. Которые не смотрят на тебя ебальниками, полными вселенской важности, и не требуют ходить по острию лезвия. А вместо этого как бы говорят: «Возможно всё».

3 июня

Сегодня у меня завязался разговор с мойщицей посуды.

Она из Казани и рассказывает, как здорово преобразился город на тысячелетие. В кратчайшие сроки построили метро, обновили фасады зданий, расставили клумбы, развесили шарiki. Открыли какие-то новые культурные заведения, не услышал какие, так как слушал невнимательно.

Невнимательно потому, что я вижу этот праздник иначе.

Я вижу тонну денег, слитых на мишуру. И вижу мойщицу посуды, которая как сидела в жопе, так и сидит. Я вижу Казань, разделённую на две части, между которыми пропасть: Казань богатая и влиятельная, Казань бедная и бесправная.

Первая Казань, помимо богатства и влиятельности, ещё и умная, потому что осознаёт свою власть и ресурсы. Вторая Казань ещё и тупая, потому что радуется мишуре, как дурак — фантикам.

Красивые фасады? Отлично. Они сделаны на заплаченные тобой налоги. Из всей массы заплаченных налогов местные получают сраный фантик в виде фасадов. В их бестолковых головах даже не возникает мысль: «Эй, а где остальное?»

Метро? На днях я слышал ценник этого предприятия. Не запомнил сумму, запомнил ощущение: охуеть! Охуеть, как он зашкаливает. Охуеть, как он неадекватен тем несколькими построенным станциям. Сколько их? Пять? Шесть? Ровно столько, что лишает всякого смысла метро в Казани. Потому что очень редко чей-то маршрут совпадёт с таким ничтожным количеством станций. Это метро — достопримечательность. Как башня Сююмбике.

Ни у кого и в мыслях нет, что уровень жизни ни на секунду не изменился. Ты по-прежнему никто, но счастливо сияешь, когда правительство бросает тебе огрызок от яблока, которых ты сам вырастил тонну. И сдал. Потому что ты никто. Потому что тебе сказали хуярить — ты хуяришь. Тебе сказали отдать результаты труда — ты отдаёшь.

Но ладно Казань. В ней хоть что-то отдали, хоть огрызок. А Набережные Челны? А Менделеевск, Заинск, Мензелинск, Нижнекамск?

В Набережных Челнах нет ни единого парка.

Город на полмиллиона человек — и ни единого обособленного парка. Парк культуры и отдыха — это парк аттракционов. Которые, кстати, не менялись со времён Советского Союза, когда Набережные Челны назывались ещё Брежнев. И что такое этот парк аттракционов? Это оголтелое веселье. Это пришёл, заплатил и хаваешь вау-эффект до блевоты.

Где в Челнах пройтись-подумать?

Мойщица восторженно отзывается о тысячелетии Казани, а у меня в голове картинка из облезлого 52-го комплекса. Облезлых 56-го, 30-го, 3-го, ЗЯБи, ГЭСа. Картинка, на которой я с классом заклеиваю окна бумагой и клейстером. Бумагой, блять, и клейстером. Клейстер, твою мать! Клей из воды и муки!

Кто-то скажет, что не всё так плохо, что не надо так мрачно, что есть и хорошее.

Конечно есть. В моей жизни где угодно есть хорошее. В Казани ли, Челнах, Москве, Перми, Бикине, даже в вялом СПб, где люди, похоже, вообще ничего не хотят, кроме как валяться накуренными. В каждом городе у меня есть хорошее. Это я сам, здоровый и умный, мои друзья, родители, классная музыка в моём плеере, удобная одежда, интересные события.

Но как это связано?

Я и то, что я вокруг себя создал — это я. Это моё. Это я могу создать где угодно. Могу сгенерировать события, привязаться к людям и привязать их к себе. Я сам качаю в плеер музыку и сам покупаю одежду.

Но куда деваются деньги, которые я отдаю налогами? А это нехуёвая сумма в сумме. Где отдача за то, что я трачу отведённое мне на жизнь время именно здесь, а не где-то ещё? Что хорошего и позитивного сделало для меня моё правительство? В частности, президент Татарстана. Не убил и до конца не ограбил? Спасибо! Мог и шашкой рубануть.

Но вот что: все эти пидарасы с властью вполне свободно могли бы пройти мимо. Мимо настолько, чтобы каждая созданная мной ценность принадлежала бы мне без остатка.

Да, казалось бы, жил бы я тогда в лесу. Но даже если и в лесу. Но каждый выращенный помидор — мой. Каждый убитый олень — мой. Без остатка. Защита от нападения? Уверяю, вокруг полно дубовых парней, готовых проломить голову за ресурс. Например, за еду, если уж говорить о жизни в лесу. За ту еду, которую ты можешь вырастить и заплатить частью её за услуги.

Я готов делить плоды своего труда с теми, с кем лично я желаю их делить: с моими близкими. С людьми, которым я желаю добра. Я совершенно не согласен с доктриной отдавать левым чувакам чуть ли не половину заработка. Точнее, согласен, но не в одностороннем порядке. А в двустороннем — в обмен. В обмен на качество жизни. Я даю тебе бабки — ты мне даёшь качественную жизнь. При которой стоматологи в больницах делают зубы, а не добивают. При которой сами больницы без заседаний бабок на ободранных лавках в облезлых коридорах. При которой

образование образовывает, а не расшатывает нервы. Я отдаю почти половину заработка и хочу получить равноценно.

Что касается леса, на самом деле хуй бы я жил в лесу. Хуй бы кто жил в лесу. За всю историю человечества люди свободно организовались бы. И были бы те же самые города, с тем же самым транспортом и прочими приятностями. Потому что ни изобретательные, ни работающие люди никуда бы не делись. И ровно в срок придумали бы и колесо, и алфавит, и термоядерный синтез.

Но это никогда не произойдёт.

Мир, основанный на честности, прекрасен. И удивителен. Но утопичен.

Он утопичен, пока большинство людей готовы быть рабами. А значит, навсегда.

Мойщица посуды — это только мойщица посуды? Нет. Это олицетворение большинства. А Казань со своим тысячелетием — олицетворение мира, всего мира вообще, в котором я живу. Не мы — я. Потому что я вижу мир таким. Потому что меня не обманешь мишурой. Мир мойщицы посуды — это красивая Казань на тысячелетие. Она даже представить себе не может, насколько она в жопе. Как глубоко. И насколько другим мог бы быть её мир.

Я прекрасно осознаю своё реальное положение. Таких, как я, единицы. Поэтому мир никогда не изменится. Поэтому нет смысла пытаться.

Мир не изменится также и потому, что они заслуживают того, что получают. Мойщицы, повара, официанты, банковские работники, трейдеры. Все те, кто пашет целыми днями, покупая кредитные тачки и едзя на них по убитым дорогам.

Они все этого заслуживают. Стоматологов, разрушающих зубы бесплатно и раздевающих до гола платно. Учителей в школах, убивающих морально с детства. Потный общественный транспорт.

Колбасу без мяса. Многоквартирные дома с соседскими караоке и перфораторами. Они все заслуживают рабства. Потому что есть рабы. Потому что готовы быть рабами. Готовы быть никем. Терпеливо сносящие непрерывно долбящий в жопу хуй.

Мне неприятно это осознавать, ведь я с детства вижу мир красивым. С детства верю в людей и по умолчанию дружелюбен, а дальше — по обстоятельствам. И вообще, это отличная позиция.

Позиция честного человека.

Человека, создающего ценность своим трудом, уважающего окружающих по умолчанию и ценящего мир.

Эта позиция — просто отличная. Но не рабочая. Позиция честного человека не адекватна реальности, в которой я живу. Потому что ни верх, ни низ не станет её придерживаться.

Воруй-убивай.

Вот рабочая позиция. Абсолютно адекватная. Воруй — потому что работая честно ты не заработаешь на нормальную жизнь. Убивай — потому что вокруг полно хищников, жаждущих забрать то, что ты своровал.

Именно такая позиция позволяет получить достаточный комфорт для жизни. Физический, конечно. Духовно такая позиция убивает.

Дилемма.

Быть честным — и сосать хуй физически.

Быть гандоном — и сосать хуй духовно.

Третий вариант... Какой он? Есть ли он?

14 июня

Будь проще.

Так говорят люди, когда замечают, что ты думаешь о причинах. Что ты не просто есть, а потом умираешь, а прикладываешь умственные усилия, чтобы осмыслить происходящее.

Думать о причинах — сложно. Это считается сложным. А надо быть проще — не думать о причинах. Просто делай. Или просто меняй, если не нравится.

Почему я работаю на этой работе? Почему я живу на съёмной квартире? Почему в ответ на доброту люди садятся на шею?

Будь проще — работай, живи, терпи. Или меняй работу, жильё и окружение. Какая разница почему. Что есть — то есть, не нравится — меняй.

Не хочу быть проще. Хочу знать причину. Хочу в точности знать, почему происходит так, а не иначе. Хочу быть богом своей микровселенной. Не хочу быть курицей, которой рубят голову в самый неожиданный для неё момент. И буду узнавать причины до тех пор, пока не узнаю.

16 июня

Сегодня я должен бы получить зарплату.

Вот уже неделя, как я должен бы получить зарплату. В ресторане полно денег, ресторан должен мне денег за работу, и вот уже целую неделю я не могу получить заработанное.

На улице сильный дождь. У меня выходной. Я промок до метро, промок после. Я сижу на минус первом этаже и жду свою зарплату. Уже час.

Это же самое время я могу потратить на нечто более приятное. А я знаю миллион более приятных занятий. Более приятных, чем мокнуть по дороге на работу в выходной и сидеть на минус первом этаже в бессрочном ожидании. Моё личное время прямо сейчас просто сливается в никуда.

Потому что Света сидит за своим столом, ест, пьёт и машет руками под любимую песню.

У неё праздник? Нет. У неё событие, которое нельзя бросить? Нет. Её жопа прибита гвоздями к стулу и вооружённые террористы заставляют её махать руками, сидя за столом? Нет.

Она просто ёбаная овца.

Света. Управляющая рестораном, в котором я работаю.

Ей 24, она сексапильная, модная, и ей тотально насрать на всё, кроме себя.

Я пришёл сегодня получать зарплату отнюдь не потому, что мне так приспичило. Я пришёл ровно к 16:00 потому, что сама Света позвонила мне и сказала, чтобы я пришёл к 16:00 получать зарплату. Вчера я работал, послезавтра буду работать. Нет ничего проще, чем выдать мне зарплату в мой рабочий день. Она позвонила и сказала,

чтобы я пришёл в свой выходной. Я здесь. Она машет руками и мотает головой.

Той самой головой, в которой нет мысли о моей зарплате. В которой нет вообще никакой мысли, не связанной с её личным комфортом. Той самой бестолковой башкой, место которой в мусорке. Лучшее применение её ёбаной башки – быть отрезанной и выброшенной на помойку.

Я злобный пидор? Нет. Я ненавижу людей? Нет. Я социопат? Нет. Конечно нет. Я адекватно реагирующий на события человек.

Света – мерзотная тварь. Это объективно. На неё невозможно реагировать иначе.

Света уже с полгода собирается делать в ресторане ремонт. Местами уже отстают обои. Она до сих пор планирует. В то время как бюджет на ремонт владельцы ресторана уже выделили.

Света один-единственный раз была в баре. За стойкой. Она зашла поставить музыку. Это было самое начало моей смены, бар был засран, она сказала:

– Почему у вас вечно так грязно? Как свиньи.

Эта бестолочь за всё время моей работы была в баре единственный раз. Она понятия не имеет, как я работаю, что такое для меня бар, как я веду себя с клиентами. И делает вывод, основываясь на первом впечатлении. Что же мешает ей, как любому нормальному управляющему, собрать полную картину из нескольких впечатлений? Посмотреть на работу всех барменов, выделить пять минут в день на проверку бара. Отследить такой показатель, как «выручка бара при конкретном бармене». Что мешает ей объективно оценить эффективность каждого бармена и судить о человеке по его личным поступкам?

Что мешает ей оценить эффективность ресторана, кухни, мойки, кассы, менеджеров? Последить за меню, за барной картой,

за потребностями клиентов, за состоянием ресторана? Что мешает этой ублюдочной суке быть обыкновенным управляющим: управлять рестораном? Что мешает ей ответственно выполнять свою функцию?

Некомпетентность.

Компетенции Светы ограничены жратвой, бухлом, еблей с Гришей и маханием руками под любимую песню.

Объективно Света — тупая шлюха.

А я человек, сидящий на стойке охраны и ждущий свою зарплату. Ждущий, пока эта бестолковая курица закончит размахивать руками и выдаст мне мои деньги. Которыми я оплачу ренту, еду и что-то для себя.

Что-то я делаю не так.

7 июля

Бестолочь Света решила искоренить воровство.

Каким-то магическим образом в её пустой, как ступка, голове родилась идея изменить то, что складывалось веками. Она внедрила гениальное решение: охранники проверяют всё, что вносится и выносится.

Охуеть, детка!

Это же всё изменит! Теперь никто ничего не вынесет! Ведь охранники всё проверяют! Как можно что-то вынести, если знаешь, что охранник заглянет, проверит и найдёт пару бутылок, которые я беру с собой из бара? Она даже наняла новых охранников. Эти парни похожи на спортсменов, их лица напитаны умом и внушительным боевым опытом. С такими лицами им бы решать мировые конфликты, но что-то заставляет их работать в ресторане. И вряд ли это случайно.

Выношу мусор, охранник говорит:

— Открой пакет.

Он говорит это интонацией, не терпящей возражений. Его брови грозно сведены в точку. Ту самую точку на переносице, которой заканчивается его единственная извилина. Которая и не извилина вовсе, а след от хуя, который положил на него его папа, когда этот дебил пошёл в охранники:

— К успеху идёшь, сынок? Вот тебе хуя на темечко!

— Я не уполномочен. Я просто бармен, — отвечаю.

— Ты хочешь, чтобы я его открыл?

— Я хочу вынести мусор. А пока я хочу это сделать, в баре никого нет. Так что делайте вашу работу и не задерживайте мою.

Охранник, старательно сдерживая опускающееся достоинство от полного падения, заглядывает в мешок:

— Там ничего нет?

— Там есть мусор.

— А, умный?

— Неоконченное высшее.

— Слушай, умник, я не собираюсь там копать. Ты ничего не пытаешься вынести?

— Пытаюсь вынести мусор.

— Ладно, проходи.

Это он говорит так, как будто в принципе разрешает мне жить. Просто потому что у него нет времени на меня.

Разумеется, ведь за столом sudoku. Если он бросит тренировки, то проебёт золотую медаль в мировом первенстве по sudoku, сканвордам и гороскопам.

Света, шикарно! Отличное решение. Ты всё, блять, изменила. Ты перевернула ресторанный бизнес. Ты порвала нам всем шаблоны, совершила революцию, и мы уже запарились, ваяя тебе статую выше неба.

Миниатюра «Интервью у овцы»

— Светлана, как вы этого добились?

— На самом деле, я очень умная как бы, да? Вы меня слышали? Я креативная, талантливая и не боюсь смелых решений.

— То есть вы протрезвели и решили хоть что-то сделать, так?

— Ну, в общем, можно сказать и так. Но я настаиваю написать обо мне, что я умная.

— Ок. Напишем.

Через неделю всё встало на свои места. Сначала налил первому, самому гнущемуся, потом второму. Поговорил, рассказал, что мы все отличные ребята. А дальше по цепочке — повара́ прикормили, официанты подсели на ухо. И мы продолжаем в штатном режиме.

Света, десять баллов за попытку. Ты не бросай, продолжай пытаться. Чтобы было над кем жарить коры в курилке.

19 июля

В последнее время я чувствую, как моя агрессия рвётся наружу. Мне всё сложнее оставаться невозмутимым. Блядские устои общества пошатнули мою внутреннюю гармонию, и изнутри меня тянется зло. Ответное зло на несправедливость.

Сегодня я плотно поел перед работой. Затем, чтобы не есть на работе как можно дольше. Потому что сегодня смена Гриши. А я чувствую, что не сдержусь, если мне придётся отпрашиваться. Нет, разумеется, я не стану бить его по голове стальной пепельницей с острым краем. Таким краем, который отлично войдёт в один из швов черепа и расколется его голову. Нет, до того, чтобы не сдерживаться, ещё не дошло. Хотя я не вполне уверен в этом.

Ненавижу принятые ценности.

Ненавижу, когда поверхностность — это нормально. Не переносю, когда что-то более-менее глубокое считается задротством. Когда внешнего достаточно. Когда за фигуристое тело и модную упаковку возможно добиться уважения. Когда при отсутствии своего вкуса и наличии взятой из мягкого журнала современной модели вкуса считается, что вкус есть. И он в исчерпывающем количестве.

Ненавижу, когда деньги — показатель того, кто ты есть.

Ненавижу, когда тот, кому не нужны материальные блага, обречён на клеймо «неудачник».

Ненавижу, когда семейство, катающееся на роликах, называют талантливым. Ещё больше ненавижу, когда дуру, вышивающую крестиком не ромбики, а кружочки, называют креативной.

Ненавижу, когда одним и тем же словом характеризуют умение Стива Джобса находить нестандартные решения и навык делать хоть

что-то руками. Креативные снежинки из бумаги, талантливая домохозяйка с булочками и креативный Стив, чей талант создал iPod.

Ненавижу, когда не могу назвать Стива талантом, потому что это слово уже используется по отношению к Сергею Звереву и Никасу Сафронову. Не удивлюсь, если после смерти Жанну Фриске также наградят этим эпитетом. За круглые сиськи и взгляд без признаков мысли. За креативный творческий талант, подаривший миру «ла-ла-ла».

Ненавижу, когда искренность считается глупостью и наивностью. А нежелание лаяться с каждым встречным — слабостью и страхом. Когда выживальность на первом месте, остальное — на следующих.

Ненавижу толерантию и равноправие. Когда у двух людей с разным IQ равные права в случае, если эти люди имеют одинаковый доход.

Ненавижу моду на анальное порно. На всю эту пидорастическую поебень. Ненавижу, когда бабы громко смеются. Ненавижу моду на ЗОЖ, все эти здоровые дворы, протеиновые коктейли и бритых быдланов с турников, которые про «осторожно, правильный смысл». Ненавижу, когда если что-то модно — все теперь должны так. Либо так, либо: «Ты нормальный вообще?» Ненавижу «синие ведёрки» и депутатов в равной степени. Потому что одни считают себя равными с властью, а другие вообще не должны иметь власть.

Ненавижу современное отношение к родительству. Это поверхностное, безответственное отношение к воспитанию. Когда детям дуют в задницу только потому, что они дети. Ненавижу, когда взрослый менее важен, чем ребёнок.

Ненавижу быть проще. Когда апелляция к причине считается усложнением.

Ненавижу, когда если ты сходил в церковь, то ты с Богом. Когда если ты повесил на сумку георгиевскую ленточку, то ты помнишь-скорбишь. Когда если ты не куришь, то считаешь себя вознёсшимся над теми, кто курит.

Ненавижу VIP, Premium и Luxury на банках с растворимым кофе.

Ненавижу работать в свой день рождения, если кто-то, кроме тебя, знает, что у тебя день рождения, и ждёт от тебя неадекватности, в то время как тебе, вообще-то, насрать на свой день рождения. Ненавижу, когда люди, которым на меня насрать, желают мне благ не от души, а потому что так надо. Да ещё и ждут в ответ благодарности.

Ненавижу обязанность оправдывать ожидания. Ненавижу фразу: «Я думал о тебе лучше». Ненавижу, когда человек, сказавший такое, не задаёт себе вопрос: «А он вообще обо мне хоть что-то думает?»

И не хочу жить среди этого дерьма. Но иначе же только смерть, а это не для меня. Так что... Хуй знает, злоба просто вырывается из меня.

22 июля

В ресторане, где я работаю, есть официант, которого зовут Лапоть.

Лапоть — полное собрание всех оттенков ублюдочности. Это существо, питающееся негативными эмоциями, направленными на него. Чтобы чувствовать себя в тонусе, Лапоть намеренно создаёт ситуации, в которых нормальный человек не сдержится и скажет ему гадость, разозлится, выплюнет в его лицо негатив. Лапоть с радостью глотнёт и вывернет ситуацию так, чтобы добыть с тебя ещё и чувство вины за то, что ты пронегативил в его сторону.

Стою сегодня, наливаю коктейль, и когда половина уже налита, он говорит:

— А ты уверен, чтоливаешь в натёртый бокал?

Наливать в ненатёртый бокал для бармена — всё равно что положить еду в грязную тарелку для повара.

Он говорит это с лицом, полным отвращения к тому, как я это делаю. Всем своим видом он даёт понять, что я ни хрена не смыслю в том, что делаю, при том что он шарит во всём, в чём только можно шарить.

Гандон ёбанный.

— Я вижу пятнышко вот тут. — И тыкает своим длинным пальцем в отблеск света на стекле, оставляя отпечаток. Он знает, что бокал натёрт, но его хлебом не корми — дай сделать гадость.

— Да. Ты только что его сделал. И когда ко мне придёт Артём после того, как ты ему пожалуешься, я скажу ему: Лапоть стакан брал и не проверил. Хуёвый, наверное, официант Лапоть.

Лапоть не ожидал такого поворота и быстро сам стёр свой отпечаток со словами:

— Ой, господи, делаешь из мухи слона.

На самом деле, это не самый простой ход. Потому что нельзя просто сказать Артёму: «Это Лапоть ткнул». Во-первых, гордость не позволит. Во-вторых: «Что за детский сад?» — скажет Артём. Дать пизды Лаптю не позволяет код — я же не в быдло-месте работаю. Вытереть самому — всё равно что лизнуть Лаптю яйца. Так что ход непростой.

— Дебил, ты сам ткнул в стакан пальцем. Каким говном должна быть набита голова, рожающая такие идеи?

— Пфф, это была просто шутка.

Обхохочешься.

— У тебя лёд в стакане топится. Пиздуй отсюда.

Лапоть съебал, произнося ругательства в мою сторону.

Шутка, блять. С этим долбоёбом нужно быть всегда начеку. Он мастер по выведению из равновесия. Настолько мастер, что даже делает это аккуратно. Так, что как будто говорит простые вещи просто так. Но каждое его слово заряжено жалом в твоё эго. Он жаждет момента, когда ты начнёшь рассеивать негативные эмоции, чтобы жадно всасывать свою же мысль: «А я неестественно уравновешенный тип, я не такой, я охуенный». Педрила.

Через какое-то время Лапоть подходит за персиковым соком. Я наливаю.

— Ты его взбалтывал?

Я молчу, наливаю дальше.

— Ты вообще в курсе, что в персиковом соке есть мякоть и прежде, чем его наливать, его необходимо взбалтывать?

Важный момент в Лапте: он ёбанный чёрт. Это такое существо, которое вообще не имеет права с тобой разговаривать. Тем более

комментировать твою деятельность.

— Я не понесу этот сок гостям, ты его не взболтал.

— Забирай его.

— Нет.

И это говно смотрит на меня. Он знает, что я его взболтал. У любого нормального бармена есть рефлекс — взбалтывать сок с мякотью тогда, когда коробка с этим соком оказывается в руке. Этот пидарас знает. И он специально говорит мне такие вещи, которые, с одной стороны, как бы логичны, а с другой — заставляют меня отчитываться перед ним. Перед никем, перед грязью.

— Забирай.

— Если ты не хочешь взбалтывать сок, то мне стоит поставить в курс дела Артёма, потому что нельзя отдавать гостям невзболтанный сок с мякотью.

Это дерьмо собирается пойти настучать Артёму, но я уже держу его за воротник, и он уже наклонён к стойке, чтобы внимательно выслушать:

— Слушай, чертила, меня уже достали твои пидорские привычки. Моё терпение не бесконечно, а ты сейчас ходишь по его границе. Только попробуй продолжить, и мне придётся тебя наказать. И это, сука, не угроза, это, блять, предупреждение. Только попробуй, чёрт, сука, ёбанный. Возьми этот ебучий стакан и пиздуй нахуй.

В другой моей руке, под столом, стейковый нож. И моей выдержке стоит ставить памятник, учитывая факт: стейковый нож в моей руке под столом, а не в его ёбаной глотке.

1 августа

Лето. Тепло. Солнце светит ярко.

Летом самое время влюбляться, гулять, держась за руки, встречаться у памятников вечером, когда жара спала и воздух как парное молоко. Летом беззаботно проводить время и радоваться жизни естественно уже потому, что природой созданы все условия. Позитив летом — обыденность.

Я рано проснулся, легко вышел из дома, по кайфу доехал до работы. Я сижу на высоком барном стуле, болтаю ногой и треплюсь с прикольной официанткой Настей о кино.

В ресторан заходит Гриша. Сегодня его смена.

Я ненавижу этого гандона. Ненавижу его лицо в вечной заточке, нацеленной на вызывание умиления, в то время как он здоровый мужик, а не двенадцатилетний пидороватый школьник.

Ненавижу его отсутствие собственного вкуса вкупе с уверенностью, что этот вкус у него есть, потому что он одет ровно как тот, у которого точно есть вкус.

Ненавижу его бестолковость на фоне тотальной уверенности в том, что умение мыслить не принципиально.

Ненавижу отсутствие у него достоинства сказать: «Ты мне не нравишься. Ты никто». Ненавижу его мелкие тщетные выпады, в которые аккуратно, трусливо, политкорректно упаковано: «Ты никто».

Ненавижу его бесхребетность, бесхарактерность, которая есть норма, актуальная в обществе.

Ненавижу его модность, выраженную во взятой с шаблона одежде. Шаблонное поведение, ход мысли, манера выражаться,

ценности, стремления. Ненавижу его ролевую модель, принятую обществом на ура. Достаточную для выживания.

Ненавижу его полное отсутствие развития себя, своего, собственного. Ненавижу отсутствие в нём личности.

Ненавижу лишённость его самого и его жизни, как следствие, оригинального смысла. Ненавижу отсутствие в нём свободы выбора, уникальности.

Этого сраного пидараса я ненавижу каждой клеточкой своего тела.

Я ненавижу его как олицетворение всего того зла, которое я ненавижу в мире.

Я хочу взять молоток для отбивания мяса и отбивать этот организм до тех пор, пока всё его тело не станет синим, а каждая косточка не будет сломана. После этого я хочу бить его ногами до тех пор, пока полностью не истощу свои силы. Настолько, чтобы после этого поползти до кровати и спать несколько суток подряд. После чего проснуться бодрым и начать жить счастливо.

Паршиво в этом чёткое понимание того, что однажды мой разум помутится и я сделаю то, чего хочу. В какой-то момент инстинкт перевесит необходимость сдерживаться — и тогда мне пиздец.

15 августа

Ресторан, в котором я работаю, закрылся на ремонт.

Впереди три недели свободы от работы. Три недели, которые я могу посвятить себе.

Бабки есть, время тоже, при этом через пару недель мне не нужно шараться по собеседованиям.

Хотя Артём как бы невзначай заметил, что:

— Я могу позвонить, позвать что-то передвинуть, переставить.

«Я могу» значит «я позвоню», «передвинуть, переставить» значит «делать грязную физическую работу, которую никто не хочет делать, причём бесплатно».

Никто никогда не скажет прямо. Дерьмо всегда завёрнуто в аккуратный фантик. А самый примитивный леденец — и того круче: в помпезную обёртку в несколько слоёв с блестящими яркими ленточками.

Правда выглядит так:

Когда нужно будет выгрести мусор после ремонта и расставлять мебель, они позвонят и позовут делать это бесплатно. Им будет насрать, что я делаю в данный момент, насколько это для меня важно. Я должен буду всё бросить и пиздовать в ресторан. Чтобы делать то, чего в обычной жизни не делаю для левых людей даже за деньги. Тут я буду делать это бесплатно, чтобы место осталось за мной.

Миниатюра «Прививание рабства»

Суббота. Ты в школе вместе с одноклассниками заклеиваешь окна клейстером и бумагой.

Кругом наебалово.

Когда ты берёшь кредит в банке, никто не скажет, что ты отдашь сверху почти столько же. Зато дадут листок со списком магазинов с завышенными ценами, никчёмным товаром и скидками от банка поверх накрученной цены явно выше рынка. Охуенный подарок.

В переводе на реальный язык это звучит так:

— По этим адресам вы можете слить взятый кредит так, чтобы бабло вернулось обратно к нам.

Кругом наебалово с охуенно милой улыбкой.

Привет! Добро пожаловать в наш прекрасный и удивительный мир! Здесь мы тебя разденем, выдоим и разделим на органы, а обрезки пустим на удобрения. Ради мира, ради добра! Здорово, правда?

Моя реакция должна быть такой: «Вау! Как здорово! Спасибо, пожалуйста, я с вами!»

Я должен чувствовать собственную значимость. Ведь мне улыбаются, я один из них. Один из современных адекватных людей в правильной одежде, говорящих правильными словами:

— На самом деле, как бы, да?

Хуй на, пидоры.

А фокус в том, что все наёбаны.

И ты, и доящие тебя клерки, и сам хозяин доильной фермы. Терпи-лы. Просто ты терпила на ступень ниже, если считаешь другого терпилу хозяином жизни. Ты, он, я — мы все одинаково нагнуты.

Его костюм дороже твоего? У него есть часы и они чего-то стоят? Он мог купить билет в Антарктиду, чтобы узнать, действительно ли там холодно, а вместо этого купил часы, ничего не меняющие в его жизни. Взял кредит и купил. Или накопил и купил. Смысл один — повёлся. Сделал не то, чего требует сердце, а то, что заставляет делать телик. Причём сам он считает часы своим личным желанием,

а не навязанной, проданной ему идеей. Значит, ему пиздец. Значит, он вообще никогда ничего не поймёт.

Доилово доиловом, а здесь и сейчас я свободен. Думаю, погружение в себя — самое то, что мне нужно.

18 августа

Полночь. Я сижу в тёмной комнате и смотрю «Космическую одиссею».

Звонит Рома, бармен, который работает на одной со мной работе:

— Илюха, рви к нам! Мы в клубе, тут пилоток немерено!

— Куда ехать?

— «Стойка»! Скорее, тут пиздец жара!

Я бы не назвал «Стойку» клубом, но бар это отменный. Музло, бухло, бильярд, простые тёлки, иногда драки.

Этот бар для меня прочно связан с писательством: однажды я сидел там днём, бухал, закусывал, и мне позвонил мой первый издатель, Анатолий Розовский. Он сказал, что мой роман охуенный, что это будет бомба и он хочет его издать. Я испытал тогда яркие позитивные эмоции. И несмотря на то что роман своим изданием не принёс мне ни славы, ни бабок, я благодарен своему первому издателю за те эмоции.

Стойка битком. Нас трое: я, Рома и Вова-Торч со своими масляными глазами. Вовина улыбка расплывается от уха до уха, а туманный взгляд вязким языком «облизывает» жопы находящихся поблизости баб. Как метафизическая улитка, медленно ползает по их булкам, оставляя скользкий след.

Подходит официантка, заказываю стейк, с кровью. Мясо, водка и пиво. Огонь-питание. Это как здоровое питание, только для

писателей.

— У нас нет стейка, — говорит официантка.

Как, блять, нет стейка? Это же бар.

— Это же бар, так?

— Нет, это клуб.

— На вывеске написано «бар».

— Ну написано.

— Так это бар?

— Ну бар.

— Как в баре может не быть стейка?

— Выберите из меню, пожалуйста.

Вообще ёбнулась, дура.

— Ладно, «Русский стандарт», пол-литра.

Официантка ушла.

Как, блять, закусывать водку без стейка?

Тварь ебаная. Существо, которое просто делает что-то, а потом захочет чаевых. Так, как будто сделала ради них хоть что-то. Казалось бы — она будет приносить нам еду и бухло, за это ей нужно дать чаевых. Но за это ей бухгалтер даёт зарплату, а чаевые я дам, если она сделает что-то для меня или хотя бы понравится.

Уверен, что у них есть говядина. Нужно сделать так, чтобы они пожарили мне её с кровью.

Меню.

Меню «Стойки» — это что-то запредельное. Видимо, его писала нянечка из детсада, которая лет тридцать сочиняла сценарии для утренников. Все тридцать лет из года в год руководство садика поручало написать сценарий для утренника именно ей. Потому что из всех нянечек только она была способна придумать настолько психоделическую поебень, что остальным воспитательницам подобное не приходило в голову ввиду психической

уравновешенности. А всем известна главная идея отечественного образования дошкольников: чем глубже бред, тем лучше. Все выросли на «Коробке с карандашами», «Ух ты, говорящая рыба!» или подобных.

Каждое блюдо в меню сопровождается историей типа: «Петрушка спряталась за грибом-боровиком, подкарауливая зелёный горошек, а золотистая картошечка подглядывает за ними и дрожит». Там целая туча таких историй. И вся эта жратва живёт своей ебанутой жизнью. Скорее всего, тот же автор писал должностные инструкции для «Почты России», это объясняет специфичность их сервиса.

Говядину я нахожу довольно быстро. Разумеется, говядина что-то там делает: то ли сосёт кому-то, то ли долбится в жопу — короче, времени зря не теряет.

Официантка приносит водку.

— Девушка, я нашёл в вашем меню говядину, так что вы не можете отрицать тот факт, что говядина у вас есть.

— Конечно, у нас есть говядина. — Словом «есть» она изображает какой-то вызов.

— Отлично. Отбейте её немного, обжарьте с двух сторон по минуте с каждой и принесите мне. Кроме того: три средних помидора, порезанных крупными кусками, картошку в любом виде и хлеб.

— Молодой человек, выберите что-нибудь из меню. Я же сказала: у нас нет стейков. И отбивных тоже нет. — Рыночная экономика для неё пришла на смену плановой только в качестве названия. Однако идею свободно объявлять цену на свободном рынке она, скорее всего, поддерживает.

— Вы ошибаетесь. Есть. Но вы о них не знаете. Вот тут есть говядина. — Показываю в меню блюдо с говядиной. — Пробейте это,

поварам скажите, чтобы из всего этого приключения оставили говядину, пожарили с двух сторон по минуте. Пробейте это. — Показываю блюдо с помидорами. — И пусть повара оставят на тарелке только помидоры. Крупными кусками. А вот из этого принесите только картошку. Я понятно сказал? Возьмите блюда с нужными мне ингредиентами, уберите лишнее и принесите в одной тарелке.

Дура пялится на меня молча. Похоже, ей сложно соображать. Hardware отсутствует.

— Девушка, мне нужен кусок мяса с кровью. — Показываю руками. — Мясо. С кровью. Мне всё равно как вы его добудете. В этом баре определённо есть говядина, помидоры и картоха. Мне это нужно. А раз в баре это всё есть, то и принести мне это возможно. Тем более что в этом баре происходит торговля едой. Вы приносите еду, я плачу деньги, так это работает.

Блять, да не хочу я жрать всю эту психоделическую поебень! Я хочу то, что я хочу, оно здесь есть и продаётся за те деньги, которые я готов заплатить. Какого, блять, хрена, корова ты? Ёбаная ты ублюдочная скотина!

Тебе что, блять,, встать на стул и произнести это всё в стихах, соблюдая стопу из твоего шизоидного tutorials?

Простое, блять, действие. Элементарное. И ты получишь свой ебучий чай. Ты купишь себе новую ебучую майку со Spice Girls или анальный лубрикант с запахом папайи или чем ты там увлекаешься?

Она смотрит на меня как на человека, создавшего ей трудности. Трудность одна — шевельнуть извилиной, сделать не по сценарию. Давай, курица, метнись, получишь чаевые. Что сложного?

Пялится. Вот овца.

— Позовите менеджера.

У него-то хоть полграмма мозга, может, есть. Как-то же стал менеджером из официанта.

Овца събнула. Я втрепал. Овца вернулась с менеджером.

— Здравствуйте. У вас возникли сложности с меню?

— У вас изначально сложности с меню. Вы читали эти истории?

— Да. — Менеджер улыбается. Он сам понимает абсурд идеи оживших продуктов.

— Смотрите: вот тут есть говядина, тут картошка, тут помидоры. Мне нужна говядина, картошка и помидоры. И больше ничего. Возможно же пробить три этих позиции, оставив на тарелке только то, что мне нужно?

— Конечно возможно.

— Ну и всё. Вот и все сложности.

— В остальном всё хорошо?

— Так и с этим было хорошо.

— Сейчас вам всё принесут.

Наконец-то.

Въёбываю, закусываю Вовиным пивом.

Официантка принесла картоху, покраснелась и събнула. Похоже, срать хочет, терпит.

В картохе грибы. Нет, у менеджера мозга оказалось столько же, сколько у его подопечной — ноль грамм. Ну и хуй с ним, бухло уже оказывает тлетворное влияние на организм, так что пора жрать.

Пока я добывал жральное мясо, Вова добывал мясо ебальное. Успех примерно такой же: добыл одну. Качество сборки так себе, зато пробег детский и лакокрасочное в норме. Ирина.

Ирина садится за стол и без предисловий пиздит о том, как вредна картоха, особенно жаренная с грибами. Пиздит с прибалтийским акцентом.

— Почему ты говоришь с акцентом? — спрашиваю.

— Я изучаю испанский. — Ирина улыбается правильно-европейской улыбкой, делая картонное лицо.

— Тебе, в смысле, нравится акцент или так легче изучается?

— Нет. Просто когда учишь язык, появляется акцент. — Небрежно и непосредственно Ира чешет за ухом, потом понимает, что по этическим понятиям, которые она переняла, чтобы быть современной, нельзя чесаться за столом. Поэтому как бы незаметно убирает руку.

Прилежная ученица.

— Давно учишь?

— Почти год уже.

— Скажи по-испански: «Картошка с грибами — это вредно, а припущенная брокколи с рукколой — это объедение».

— Мы ещё не проходили овощи.

Мы. Мы ещё не проходили. Мы — это ты и твои веснушки?

Ем картошку, пью водку. Ирина ругает нормальную пищу, называя её нездоровой. Она ведёт себя резко, даже вызывающе. Громко смеётся, громко говорит, размашисто и резко жестикулирует. Шаблон «Равноправие», который на самом деле должен называться «Грубая сука».

Бить ногами по лицу — вот самая адекватная реакция. Отодвинуть стол и пару раз зарядить с ноги в это кривляющееся ебало.

Миниатюра «Пробковое дерево»

Меня зовут Ирина. Я изучаю эспански, эспаньол... Да? Мужик — это животное, женщина — сильная и независимая. Уважай женщину! Не ешь это! Это вредно! Делай так! Эй, слушай меня! Нормальный вообще?

За столом появилась вторая пилотка. Подруга Ирины, Настя.

Сижу, пью, хаваю, бабы смотрят на меня. Видимо, ждут движений в их сторону. Похуй мне. То есть если бы Настя залезла под стол, расстегнула мою ширинку и начала сосать, я бы положил ей руку на голову, но инициировать это событие неохота. Настя всего лишь приятна внешне, этого недостаточно, чтобы я её обхаживал.

— Почему ты молчишь? — спрашивает Ирина.

— Ваш друг всегда такой? — спрашивает Настя у Вовы с Ромой.

Рома лезет из кожи вон, чтобы эти две пизды обратили на него внимание. Вова выключил накуренного рэпера и без остановки пиздит по поводу и без переводя тему на секс. Я ем и пью. Бабы внимательно следят за тем, как я это делаю.

Рядом с нашим столом отираются двое грузных турок, старательно создающих впечатление абсолютной независимости. Они облизывали Иру с Настей до Ромы с Вовой. Сейчас они фланируют возле нашего стола, как два возбуждённых лося, и, стараясь не спалиться, ловят раздувающимися ноздрями пёздные запахи.

То и дело турки поглядывают в нашу сторону, и на их лицах отчётливо читается: «Какого хрена? Какого хрена эти русские бабы сидят с ними? Мы же подлизывали им по всем законам жанра».

Натаця, вернись, я тебя лублю!

На них лоснящиеся пиджаки, серо-коричневая кожа, приплюснутые головы с убогими стрижками и жир.

Внезапно Ира ловит момент, когда я пью, хватая мою вилку и жадно накалывает картоху с грибами.

— Как. Можно. Это. Есть. Это же сплошные пестициды!

Бью её по руке, она отпускает вилку. Голодна — сосни, сглоти.

— Что ты делаешь?! — Ира в гневе. По её сценарию, она продолжает, а я внемлю. Мне не подходит её сценарий.

Её глаза округлены, веснушчатая грудь вздыматься часто, Ира негодует. Как так? Я же женщина!

— Не трогай мою вилку, — говорю.

Малознакомая, бесцеремонная пизда хватая мою вилку и пытается есть мою еду. Всего лишь дал ей по руке, а она ещё понтит.

— Какого хрена ты трогаешь мою вилку?

Как минимум противно.

— Тебе противно, что я пользуюсь твоей вилкой? — Её лицо приняло удивлённое и «доброе» выражение. По её шаблону, я сейчас обязан ей уступить. Иначе: «Ты нормальный вообще, нет?»

— Конечно противно. После тебя я есть не стану, а начал я недавно. Если учесть, что я хочу есть, то какого хрена ты ещё недовольна?!

Глаза и рот Ирины широко раскрыты. Она изображает крайнее возмущение. Вот-вот задохнётся от потока невежественной мерзости, который я только что на неё излил.

Наконец-то на столе появилась говядина. Эта официантка сама должна мне чаевых, я дал ей полезный навык.

Я понимаю, что Ирина средняя внешне и пустая внутренне, а потому её не любят по-настоящему. Изворачиваясь в меру своих сил, она пытается вынудить человека обращать на неё внимание. Сочувствуя, я мог бы её простить, пожалуй, сделать лично для неё что-то хорошее. Мог бы, если бы не наглость, с которой она атакует.

«Что за манеры, как ты смеешь?» — старательно показывает Ира мимикой.

— Закрой рот, мне насрать на тебя.

Хаваю мясо, пью водку. Пожарено заебись — внутри полностью сырое.

Ирина несколько секунд сидит в позе бессловесного негодования, после чего возвращается в исходное положение. Походу аргументы закончились.

Вот она прищурилась и давай изображать увиденного в кино психоаналитика, проникающего взглядом вглубь подсознания. Фильмов насмотрелась, а позы перед зеркалом не отработала. Ленивая сука. Заведомо сильная сцена выходит в её исполнении довольно убого.

— Хорош кривляться, Кашпировский. Иди лучше волосы почеси или поплачь над унитазом, или чем ты там занимаешься, что быть при деле?

Ну вот, я вызвал ещё большую агрессию. Но если обычная девушка, столкнувшись с чем-то обидным, ретируется, то эта, видимо, необычная — конченная. Хотя не исключено, что я интересовал её. Может, она хотела доказать мне свою социальную значимость, чтобы я захотел в неё сунуть. В любом случае, Ирина сдаваться не хочет. А учитывая, что она начинает нагнетать обстановку, надо бы её прогнать.

— Ты злой. — Ирина тычет в меня пальцем через стол.

Ловлю её палец и делаю так, чтобы ей стало больно, но чтобы палец не сломался.

— Нехорошо тыкать пальцем в человека, — говорю.

— Ты злой! — огрызается Ирина, наигрывая испуганную и обиженную маленькую девочку. — Отпусти! — Отдёргивает руку, отпускаю палец.

Это чучело сжимает второй рукой свой ебучий палец. Сейчас я должен испытывать вину. Надеюсь, ей больно.

— Зачем ты так себя ведёшь? — Ирина играет материнскую жалость, тщась придать своему моральному облику несуществующую глубину. Если учесть, что как актриса она бездарность, понятно, что каждая её мысль видна даже с далёкого расстояния.

— Я ненавижу баб. — Она меня утомила. На самом деле я люблю баб.

На самом деле и Ирина мне по боку. Просто приятно сделать ей неприятно. Приятно обидеть её. Не люблю вульгарных сук, которые ведут себя нахально. Причём вообще вульгарные девушки мне нравятся. Но каждый должен осознавать своё место. Баба не должна вести себя как мужик, а мужик не должен быть бабой. Родился груздем — не пытайся охотиться на зайцев.

— За что? Что мы тебе сделали? — спрашивает Ирина картинно.

Я монстр в её глазах — вот следующая сцена. Стандартный набор сериальных эмоций прилагается.

— Вы алчные, самонадеянные и нахальные существа. У вас мозгов не больше, чем картошки на моей тарелке. — А её тут всего пара ломтиков. — Вам чужды такие созидательные вещи, как верность, порядочность, искренность. Вы разбрасываетесь задатками чести направо и налево за фантики. А потом требуете какого-то уважения к себе. Единственная ценность, которой вы обладаете — пизда, жопа и сиськи. И вы торгуете этим до тех пор, пока товарный вид ещё более-менее. Вы низменны и практически бесполезны. Не будь у тебя пизды — тебе вообще не стоило бы жить. Хотя ты, скорее всего, редко пользуешься ей, так как ты страшная, стервозная, склизкая сопля. Иди отсюда и не возвращайся. Убирайся

с глаз моих долой, ибо за то короткое время, что я тебя знаю, я успел тебя возненавидеть.

Я просто произнёс этот текст. Просто чтобы его услышала Ирина. И ушла.

Ирина засобиралась домой со словами:

— Ты злой, злой! Он злой! Ваш друг — дьявол!

Да не друзья они мне, и я им не друг, просто работаем вместе.

Ирина ушла. Вова, Рома и Настя побежали её успокаивать, останавливать, возвращать.

Вернулись.

— Что ты ей сказал? — спрашивает Вова, который пропустил весь разговор, пытаясь влезть Насте под юбку. И ни хрена не слышал, потому что в «Стойке» всегда орёт музло.

— Правду, — говорю.

— Какую? Какую правду ты ей сказал? — спрашивает Рома, который ходил то ли в туалет, то ли на улицу звонить, не важно — речь он пропустил.

— Я сказал ей, что она мразь.

Рома затягивает долгий и нудный монолог в стиле:

— Зачем девушку обидел? Кто тебя просил?

И так далее.

Рома — пиздострадалец. Человек, с рождения стремившийся провести жизнь в позе: на коленях, плечи низко опущены, руки спрятаны в жопу, язык аккуратно в пизде, глаза чутко ловят реакцию.

Вова одобряет:

— Чел, ты крут, чел, круто, чел, отлично, чел, весело, чел... — говорит Вова. Он как будто наркоман, ему простительно.

Когда дура, подобная Ирине, сталкивается с неуважением к своей поверхностной персоне, то считает, что можно вести себя как угодно с тем, кто неуважительно о ней отзывается. И даже набор

«Этика для современных сильных женщин» тут можно не использовать.

А я так считаю: ты тот, кто ты есть, в любой ситуации. Восхваляют тебя и возносят или унижают и топчут. Не потому что так надо, а потому что: «Э, пошёл ты нахуй под тебя подстраиваться».

Ирина вернулась к туркам.

Настя, несмотря на отчаянные попытки Ирины утянуть к туркам и её, вернулась к нам. Но говорит:

— Ваш друг — псих какой-то, я боюсь его.

Однако слова расходятся с делом: Настя смотрит на меня с сильным интересом.

Несмотря на выставленную мне оценку, с уходом Ирины Настя даже не предприняла попыток избавиться от нашего общества, а стала вести себя развязно и вовсе не соответственно своей последней реплике. Она сидит за столом напротив меня и, сняв туфли, гладит ногами мои ноги, поднимаясь всё выше, пока Вова вяло пробирается под её кофточку. Он как будто наркоман, его вялость естественна. Рому поглотило потное месиво танцплощадки, а я слегка ем борщ. Вообще, я очень люблю борщ. Особенно с водкой. Водка и борщ — отличное сочетание, практически идеальное. Все считают, что Булгаков через профессора Преображенского выразил своё пренебрежение к борщу как закуске, сказав, что супом закусывают только недорезанные большевиками помещики. На самом деле Булгаков показал, насколько интеллигенция находится во власти предрассудков, что мешает ей выполнять возложенные на неё социальные обязательства — и в итоге это, помимо прочего, приводит к тому, что целая страна может быть захвачена «собачьими сердцами». В любом случае закусывать водку борщом — классная комбинация.

Тем временем в данный момент меня более всего занимает эротическая игра Насти, чем вся планета земля и всё, что на ней происходит. Я не планировал подкатывать к Насте, но она выпила, её глаза заискрились, и теперь она определённо мне нравится.

— А я уже подумала, что ты женоненавистник, — говорит Настя и двигает ногу ближе к моему хую.

Конечно нет. Я что, больной? Я обожаю баб. Обожаю пизду, сиськи, жопы, покорный или покрытый похотью взгляд, маленькие аккуратные руки, красные раскрытые губы, крошечные, почти прозрачные уши, детские подбородки, мягкие пятки, белые гольфы, короткие, длинные и средние юбки, полуграммовые футболки, тупинку в мыслях, пунктуальность, радость цветам, импульсивность, сверхчувствительность, память на значимые только для них даты, неуверенность в себе при идеальной фигуре, переживание за прыщик на заднице, который ты правда любишь, так как любишь её в целом, ночные СМСки, закатанные глаза, запрокинутые головы, выгнутые в нужный момент спины, полотенца для ног, головы и тела, разросшиеся шампуни, которыми она пользуется раз в десять лет, кинотеатры и суши-бары как маленькие события, долгие сборы, вложение смысла в поцелуи, критику нынешней в исполнении бывшей. Я откровенно люблю баб во всех их позитивных проявлениях.

— Я прекрасно отношусь к девушкам. — Разумеется, это не просто текст. Интонацией и мимикой я говорю ей куда больше, чем фразой.

Интересно бы посмотреть на себя со стороны, когда я, выпивший, вкладываю во фразы многозначительность. Оно реально получается так прикольно, как я думаю, или это пьяное мычание?

Вова залез ей под кофту и мнёт титьки, она гладит ногой мой хуй. Все при деле, все довольны. Нахуй борщ. Пора отвести её в сортир и надавать в голову.

Возвращается Ирина и уводит Настю. Турки поехали домой. Ирина едет с ними. Бедный турок: наверное, в Турции вообще плохо с бабами, если он пускает слюни на такой хлам, как Ира. Настя пошла их провожать и исчезла. Потому что турки башляют.

Вот они приедут в гостиничный номер. Сядут на диван. Турки начнут пылить в глаза в турецком стиле. Потом пухлая Ирина с веснушчатой грудью будет попрыгивать на толстом потном турке. Бабам в натуре похуй с кем. Главное — соблюдать правила игры. Интересно, она будет получать удовольствие?

Что-то накрыла меня идея того, что все при деле, что каждый на своём месте, как муравьи в муравейнике.

Вдруг я вижу бильярдный стол рядом с нами. За ним парни играют в бильярд. И как совершенно катаются шары. Удар кием — шар катится по предсказуемой траектории. Ударяет другой шар. Другой шар тоже движется по логичной траектории. И если правильно предусмотреть траекторию, то происходит нужный результат — попадание в лузу. А если бы шары вели себя как хотели? С другой стороны, люди — не шары. Но чем отличаемся? Что было бы, если бы каждый делал что хотел? Но ведь это невозможно. Такого не может случиться. Может, некоторые рождаются с собственными желаниями, а все остальные — со стандартными? Тогда зачем так сделано? Может, некоторые становятся с собственными желаниями? Но тогда почему при равных условиях разные люди становятся разными? Хотя на самом деле, мало кто при равных условиях становится разным. В основном все одинаковы. Чем сложнее жизнь, тем лучше раскрывается талант — чушь собачья. Единственное условие для раскрытия таланта — его наличие в принципе. Физический мир ничего не меняет. Талант — это врождённое или приобретённое? Как стимулировать ту субстанцию, которая рождает талант? Талант ли нужен для просветления?

Просветление ли нужно? В чём непогрешимое ощущение полноценности?

Лучше, вообще-то, не задавать себе таких вопросов. Но они же сами задаются. Я не хочу думать об этом, оно само думается. Только отвлёкся, только отпустил вожжи контроля над мыслями, как они сами лезут в этот тёмный лес.

«Почему». Постоянное «почему».

Единственный способ освободиться от задавания себе вопросов о мироустройстве — постоянно говорить себе: «Не задавай этих вопросов». Стоит только расслабиться, перестать запрещать себе думать на эту тему — понеслась. Ты только и делаешь, что думаешь на тему: «Как всё работает?»

Вова с Ромой бродят по бару, как два торчащих члена, то и дело притыкаясь к хорошеньким девушкам.

Я сижу на диване, в нирване, умиротворённый с головы до ног. Вокруг меня сияющий золотой шар, внутри которого тотальная гармония. Я сыт, пьян, приласкан, моя желчь излита на безобидную божью тварь — и как будто мой эгоизм кончил и уснул. Всё физическое во мне удовлетворено.

Мой взгляд прикован к фиолетовому шару, стоящему прямо у лузы. Его никто не может забить. Хотя сделать это проще простого. Но он как заколдованный.

Обожаю фиолетовый цвет. Идеальный. У каждого цвета есть своё конкретное настроение. Белый не может быть мрачным, а чёрный — радостным, серый — ярким, а оранжевый — тусклым, красный не успокаивает, а синий не возбуждает. Один только фиолетовый может быть любым. В зависимости от того, какой ты сейчас — такой и фиолетовый. Фиолетовый — как лучший друг, как Бог-Отец, который рядом и любит тебя до беспамятства. Это самый верный, самый преданный цвет. Цвет, на который ты всегда можешь

положиться. Когда я смотрю на фиолетовый не как на друга, а просто как на цвет, как на личность, у меня сносит голову от того, насколько он многогранный, ценный, наполненный и могучий. Я испытываю колоссальное уважение к фиолетовому, когда смотрю на него как на личность, а не как на дополнение ко мне. Он бесконечен в своих проявлениях.

Рядом с нашим столом трутся две девушки. Одна — маленькая и кичливая дурнушка, а вторая — неплохо слеplенная худая мулатка. Кто-то назовёт стройной, кто-то — изящной, в реальности её надо подкормить. На её пояснице большая татуировка. Бессмысленный узор, который она назвала кельтским, когда пришла в тату-салон. И татуировщик понял, что требуется. С кельтской культурой он не имеет ничего общего. Но если учесть тот факт, что кельтская культура пуста, как смятая жестяная банка из-под «Балтики-9», то вообще, на хрен, не важно — что там кельтское, а что нет. Пусть это переплетение остроконечных полос будет кельтским. Бурятским. Норвежским. Адыгейским. Важно, что это притягивает взгляд к её маленьким аккуратным булкам.

Есть мнение, что если баба колет рисунок на пояснице — значит, любит долбиться под хвост. Чушь собачья. Бабы вообще мало любят долбиться в дымоход. И это отлично. Потому что оттуда они срут.

Мулатка стоит ко мне спиной, и мне отлично видны её крохотный зад и татуировка над ним. Хорошо бы смотрелся этот узор, будь её коричневый зад прижат к моей мошонке в голom состоянии в то время, как сама она стояла бы на коленях, прижавшись грудью к полу и прогнув спину.

Она повернулась и мельком посмотрела на меня. Ебать! Это же просто неприлично пухлые губы.

Однажды моей двоюродной сестре, когда та училась в девятом, учительница написала в дневнике: «У вашей дочки неприлично

большая груды!» Эта двоюродная сестра с детства была развита не по годам. Настолько не по годам, что она была первой, кому я вдул, когда мне было шесть.

Мулатка всё ещё стоит ко мне спиной. Мысленно я готов трахать её до обморока, но в реальности не хочу предпринимать никаких действий. Не хочу обхаживать, не хочу ухлёстывать. Я отдаю себе отчёт в том, что если она сама сейчас присядет на корточки и расстегнёт мою ширинку, я не воспрепятствую развитию событий, но сам...

Вообще, секс — это же очень простая вещь. В нём нет ничего особенного. Чисто биологически это всего лишь процесс, который нужен всем, в котором есть ежедневная потребность. Такая же, как в еде и сне. Ты не вертишься перед полками в магазине, производя впечатление на банку сметаны. Ты просто кладёшь её в корзину. Ты не ухлёстываешь за яблоней на улице, ты просто рвёшь яблоко, обтираешь о футболку и ешь. Но вот твой пёс встаёт на задние лапы, когда хочет кусок говядины с твоей тарелки. Вот что: твой пёс теплый, он твоя собственность, растение, которое умрёт, если ты не будешь его поливать. Он зависим от тебя, поэтому получает жизненно необходимые для биологических процессов элементы только путём заигрывания с тобой. Тогда как в дикой природе он спокойно выживает без кривляний, которые, вообще-то, для него противоестественны.

Она задержала на мне взгляд. Я ей точно нравлюсь. Все столы заняты. Она стоит и пялится по сторонам в ожидании тех, кто заберёт её к себе за стол, напоит и накормит. Она, блять, стоит и делает вид, что кого-то высматривает. Потому что она только что пришла, кругом битком, а остаться хочется, но негде.

Слушай, детка, ну я же посмотрел на тебя, я тебе нравлюсь, рядом со мной нет бабы. Место рядом со мной — это конкретно то,

что ты сейчас ищешь глазами. И ты отлично знаешь, что если подойдешь сама, тебя явно примут. Потому что хорошеньких высоких мулаток всегда принимают парни за столом без баб. Ну что за дерьмом набита твоя башка, что ты не можешь просто присесть рядом да начать с ходу получать то, что тебе нужно? Почему ты ждешь этого ебучего обязательного ритуала, в итоге которого будешь сидеть рядом и получать то, что тебе нужно?

Ты, блять, будешь сидеть за этим ебучим столом. Это, блять, произойдет.

Нахуй этот ублюдочный, бессмысленный, тратающий силы и время впустую процесс?

Секс прост и обычен. Он не оружие, не ресурс, не ценность. Ради него люди не должны трудиться. Он возведен в ранг валюты только потому, что в мире всё неправильно. Пикап противоестественен. Цветы, ресторан и свечи ради секса — навязанная условность. Белое платье, пьяные малознакомые люди, печать в паспорте и золотое кольцо — не обязательное условие для продолжения рода. Всё это упаковка товара, который изначально не товар, а дикорастущий дар природы. Мать-природа, Господь Бог, земля-матушка полны искренней любви к нам. А мы беспринципно хватаем их за задницу, упаковываем в фантики и продаём друг другу. Сука.

Для меня ухаживать за бабой ради секса равно неуважению к себе. Когда это происходит, я чувствую себя никчёмным. Тем, в ком нет ценности, которая привлекает такой примитивный процесс, как ебля, сама, без моего участия. При этом я отлично понимаю, что так принято. Что это никак не связано с наличием ценности.

Хотя можно предположить, что связано. Рок-звёзды ведь получают баб просто так — захотел да взял из числа фанаток. С другой стороны, из всех фанаток рок-звезда вдвует за жизнь

максимум одному проценту. Так что на всех никак не хватит. Остальные 99% порются с обычными парнями. Которым приходится за ними ухлёстывать. И они знают, что так будет, потому что у рок-звезды ну никак нет времени на всех. Так что предположение о социальной ценности лишено смысла.

Всё должно происходить очень просто: тебе нравится она, ты видишь, что ей нравишься ты, ты подходишь, уводишь, трахаетесь, расходитесь. Или наоборот — она подходит. И она не будет шлюхой. Это обычное дело. Блять, ну в этом же нет ничего особенного. Ты же не блядь оттого, что умываешься в разных умывальниках.

Единственный тип баб, на которых я готов тратить силы — это те, с кем нужен не только секс. Которые интересны не только телом. В которых я чувствую наличие чего-то недостающего мне духовно, душевно, эмоционально. Но силы с такими бабами тратятся не на то, чтобы они остались со мной. Я трачу силы не на них, не на зарабатывание их внимания, а на сам совместный процесс, в котором активно участвует и сама девушка. Это не игра в одни ворота, а проведение времени вместе.

Но тут приходится платить уже другой ценой, более высокой. Ты провёл с ней время — и она считает, что ты ей принадлежишь. Что теперь только она, что надо слушать её родителей, даже когда они порют хуйню, что она вправе требовать от тебя не курить перед тем, как её целовать. Одни засады кругом. Как всё сложно.

Когда мне было шесть, а Вике — восемь, я просто сунул в неё без прелюдий.

Тут длиииинная-длиннннная пауза.

Этот процесс был само совершенство.

Когда у неё выросли титьки, мне пришлось играть в доктора, чтобы посмотреть на них. Потому что она подросла и набрала в голову этического говна.

Слава богу, в социуме предусмотрена лазейка — бабки. Мне не нужно учить стихи, танцевать, качать пресс и тереть пемзой пятки. Не нужно унижаться и чувствовать себя ущербным, который только и делает, что отдаёт, ради того, чтобы пизда раскрылась и получила равное с тобой удовольствие. Мне не нужно отдавать во много раз больше и ощущать себя от этого неполноценным. Можно просто отбашлять.

К сожалению, сейчас у меня нет столько бабок, чтобы удовлетворить мою биологическую потребность в пореве. Так что дождусь реализации другого хака: Рома и Вова. Они сделают все необходимые телодвижения. И сделают их от души. Потому что они живут в принятой обществом доктрине: пизда — это товар. Или, как написано на ценнике в магазине «Мир людей»: «Прекрасный пол».

Мулатка снова повернулась и посмотрела на меня. Уже активно, долго и оголяя зубы. Чтобы я подсознательно считал наличие у неё здоровья и подкатил. Её улыбка — это сигнал не к тому, что мне нужно — ебле, а к тому, чего требует социум — к выпрашиванию ебли. Ну нет, нахуй. Рома выпросит, я возьму. Истории, петрушку, баклажаны и кайенский перец оставьте себе. Я хочу мяса. С кровью. Обжаренное с двух сторон ровно по полминуты с каждой.

Дожидаюсь, пока Рома посмотрит в мою сторону, и киваю на мулатку.

Удар сделан. Теперь только дожждаться, пока они её напоят, наполнить её голову догадками о том, кто я, и развеять их все, поря в сортире.

Рома предсказуем, как бильярдный шар. Правильной походкой, с хуем вперёд и раскачивая плечами, он подходит к ней и усиленно вертится вокруг, опыляя. Что-то мямлит на ухо, он же уже припит. Тычет пальцем в сторону нашего стола. Другой рукой с правильной

силой нажатия подтягивает за талию, упирая ладонь в портак над жопой.

Внимание, пацаны, секрет: если нажимать слабо — значит, ты не уверен в себе, если сильно — значит, нахальный, давить строго — так, как тянешь любимого пса за поводок, когда он нашёл сучьи ссаки и лижет. А теперь возьмите этот секрет и слейте в унитаз, чтобы не быть ебучими рабами.

А что было бы, если бы...

Миниатюра «Освобождённые рабы»

Одной рукой Рома мнёт её коричневую круглую жопку, другой шлёпает встающим хуем по её смуглому плоскому животу. Потом берёт за волосы и тянет головой к члену. Она сопротивляется, и Рома вlepляет ей пощёчину. Она открывает рот, он посылает плевков ей между губ. Её мелкая подруга стоит рядом, смотрит на это и дрожит себе тремя пальцами, поставив одну ногу на скамейку и выпятив пах. Она злобно шепчет: «Еби, еби её, еби её в жопу, сука. Сука, шлюха». Рома сильно, резко, за волосы опускает шоколадку в раком-позу, раздвигает булки и лижет тёмное мулатское очко. Потом с ходу загоняет хуй ей в жопу по корень, а одной ногой прижимает голову. Мулатка раздвигает булки и громко животню орёт. Её лицо красное, потное, рот слюнявый. Она испытывает дикий, рычащий, трансовый кайф, настоящий годами запретов и вырвавшийся на волю демоном, выращенным из ангела в клетке ограничений. Все счастливы. Это омерзительно.

Таким я вижу мир, отпущенный на волю сейчас. Потому что такой он и есть.

Фиолетовый шар так и не загнали в лузу.

Мулатка с подружкой садятся за наш стол. Рома с Вовой постепенно их накачивают, делая всё то, что положено делать, чтобы получить доступ к морепродуктам. Я смотрю на фиолетовый шар.

Мелкая болтает без умолку.

Фиолетовый шар неприкасаем.

Мулатка смотрит на меня. Её батоны метафизически приближаются к моему члену.

— Что с вашим другом, он под кайфом? — спрашивает она у Вовы заинтересованно.

И в смятении.

— Нет, он просто не от мира сего, — отвечает ей Вова.

Да, именно это он должен был произнести, чтобы поверхностной фразой объяснить, что я нормальный, при том что не уделяю им внимания.

Фиолетовый шар недосыгаем. Безрукие бильярдисты, это же пул.

Рома задаёт мулатке вопросы про: чем она занимается в свободное время, чем увлекается.

Хотя в голове у него происходит совсем другое:

Миниатюра «Красавчик»

— Ты любишь анальный секс? — спрашивает Рома мулатку.

— О, конечно, я не выхожу на улицу без анальных шариков, — отвечает мулатка, просовывая тощую руку в его ширинку.

— Смотри-ка, да ты нашла мой хуй. — Рома берёт её за подбородок. — Может... — Но он не успевает договорить, как мулатка выдаёт:

— С удовольствием!

Мулатка становится на четвереньки и начинает, брызгая слюной, отсасывать Роме. Он тем временем рвёт на две части джинсы на её заднице и засовывает три пальца в её очко.

Мулатка довольно мычит. Другой рукой Рома размашисто хватает с тарелки кусок мяса и жадно жрёт, мясной сок течёт по его руке, капает с локтя на спину мулатке...

— Сигареты не будет? — спрашивает незнакомый парень, который подошёл ко мне и разогнал туман моих мыслей.

Я взглядом показываю ему на пачку моих сигарет, лежащую на столе.

Шарик стоит недвижим.

— Ты такая красивая, — говорит Рома мулатке.

Твою мааааать...

Мулатка неотрывно смотрит на меня. Мне плевать. Я смотрю на шарик. Мелкая девка бросила набивать себе цену рассказами о посещении модных мест с обеспеченными друзьями, вскочила из-за стола и начала прыгать, напевать что-то.

Обе поднакачиваются бухлом. Мулатка начала пахнуть.

Шарик падает в лузу. Я разворачиваюсь к столу.

Мулатка смотрит на меня.

— Меня зовут Даша, — говорит она и улыбается.

Джекпот, детка, ты дождалась. Рада?

Я смотрю на мулатку Дашу, та смотрит на меня.

Да, губы у неё класс...

Роскошные волосы, сложенные во вполне изобретательную причёску, огонь-губы, неплохая кожа. Глаза как бы плаксивые, по-детски наивные при здоровенной татуировке на пояснице. Нервные руки с тонкими длинными пальцами. Иногда мне нравятся такие руки, при умелом обращении с ними хозяйки они вполне сойдут за изящные. Но Даша, видимо, не знает этого или работает проктологом — ногти максимально острижены, а сами пальцы она всё время крутит. Волнуется, что ли? Расслабься, не на экзамене.

Или, может, что-то произошло у неё неприятное. Грудь особо нет, но и то, что есть, вполне функционально — округло и молодо. Незатасканная. Но... Этот шрам от пупка вниз — скорее всего, до самого лобка. Кесарево или киста. Скорее всего, киста, она лучше подходит под конституцию. Успешно замазанные круги под глазами. Если бы не шрам, не заметил бы. Плохое детство, бедная девочка.

Наливаю, выпиваю.

Нахуй минусы. Плюсов полно.

— Расскажи мне что-нибудь, — просит она.

Я интересую её потому, что молчу и мне на всё плевать. Лично я её не интересую. Она заморожена моей отрешённостью. Я ей безразличен. При случае Даша задушила бы меня своими колготками под синти-поп. Она смотрела бы на моё бездыханное тело без сожаления. Она ко мне равнодушна. Она просит рассказать что-нибудь не меня, а находящегося в нирване по своей воле человека. А может, правда понравился.

— О чём? — спрашиваю я.

— Да о чём угодно, — говорит мулатка Даша. Она достаточно поддана. Можно брать.

Я встаю и киваю ей. Она идёт за мной, я держу её за руку. В мой хуй качается кровь. Мы заходим в тёмный угол, вокруг нас полно людей. Я очень ждал этих губ. Они суховаты. Я облизываю её губы, сосу их, язык, сую свой язык ей в рот. Её жопка помещается в одну мою руку. Мы сильно прижаты друг к другу. Её титюшки упираются в меня. Я сую руку ей в штанишки сзади, она выгибает спину, чтобы мои пальцы достали до её писюльки. Суховатая, тёплая, сую фалангу. Рукой трахаю её ништяк, чуток залезая в пилотку. Она дрожит мне, прижимая залупу к животу. Огонь-флирт. Это как обычный флирт, только для писателей. Спускаю ей на живот.

— Согласись, охуенная история? — шепчу ей на ухо.

Она чутка соображает, потом до неё доходит, и мулатка широко улыбается:

— Оригинально.

Вытираю носовым платком с её живота свой конч.

Возвращаемся к столу.

— У истории есть продолжение? — спрашивает Даша.

Было бы, если бы я не жил в съёмной комнате, в которую мне нельзя приводить баб для ебли. Если сказать ей сейчас об этом, можно проебать созданный эффект, так что не, не буду.

— Не знаю, — говорю.

Она не кончила. А пришла именно за этим. А может, и не за этим. Может, ей просто одиноко.

Я очень хочу, чтобы сейчас в помещение ворвался безумец с пистолетом и начал палить во всех подряд. Для себя исключительно я хочу три пули как минимум. Причём одна из них должна непременно попасть в голову. Сделать ровный проход между полушариями и выйти через затылок, размазав по дивану крошеный череп в липкой крови.

Мы сидим в кальянной. Я и Рома. Вова на охоте. Даша с подружкой где-то потерялись, пока я ходил в сортир.

Появляется Вова с миленькой тёлочкой. 21 год, весёлая, смешливая, хорошая грудь, приятное тело, красные глаза и острый нос, ничуть не портящий общего сочного облика.

Когда мне было 16, я считал 21-летних пилотов взрослыми. Сейчас мне 27, она выглядит мелкой. Хотя скорее всего, она просто тепличная.

Рома с Вовой наперебой демонстрируют новой дамочке остроумие и неповторимость самих себя. Неоспоримые преимущества перед другими кобелями.

Смешно смотреть, как переполненные спермой самцы стараются произвести впечатление на самку. Каждое движение нацелено на выбор этой самкой этого члена. Ради чего? Ради просто проникнуть внутрь её тела.

Всё, ёбта.

Просто чтобы этот член оказался внутри этого тела. Чтобы это тело само впустило в себя этот член.

Продолжать потомство никто не собирается, круто трахаться — тоже, ощущать себя не одиноким, разделять радость жизни и молодости с кем-то. Никому не нужно ничего, кроме физиологии. При этом самое примитивное действие невозможно выполнить наикратчайшим путём. Точнее, возможно, если баба спит, но это стрёмно.

Весь мир сейчас сконцентрирован на кончике одного члена. Мир Вовы — на Вовином, мир Ромы — на Ромином. Они ещё никого не натянули, так что с этой милашкой планируют решить свои проблемы.

Вова пригласил новую знакомую на танец. Та охотно согласилась, и вместе они стали выдавать кое-что очень знакомое. Подобное я много раз видел по телевизору.

Брачные игры индюков.

Вот краснеет их кожа, перья распушаются, они высоко держат хвосты и выглядят неестественно напряжённо. Самец старается завоевать самку, делает какие-то особенные пассы, пританцовывает и двигается соответственно своим инстинктам. Самка, в свою очередь, старается противостоять, показать свою

незаинтересованность, но в то же время готовность и активное участие — мол, ты продолжай, не останавливайся.

Животные всегда придают огромное значение процессу ухаживания и дальнейшего соития. Ведь что они могут сделать за свою жизнь? Жрать, срать, попадать на стол? Пора размножения у них — самый интересный и захватывающий период жизни. Яркое приключение. Размножение им кажется очень важным процессом. Может, самым важным событием в жизни, потому они так стараются.

Смотрю на Вову, на Рому. Стопудовые индюки. Всё та же мотивация, координация движений. Выгибаются, машут руками, прикасаются, делают движения, увиденные в кино.

Пристально посмотреть в глаза, приспустив веки, нежно провести рукой по волосам партнёрши — это страстная комбинация. Им не важно, от сердца или нет, главное — это считается страстной комбинацией.

Что он думает, когда так проводит рукой по её волосам? Неужели он воспринимает себя всерьёз? Ведь это смешно.

Психологи утверждают, что волосы женщины — очень интимное место и, подпуская мужскую руку к своим волосам, она подсознательно подпускает его гораздо ближе к своему телу.

Инстинкт. Чисто животная поебень.

Вова с Ромой исчезли в неизвестном направлении. Я сижу с девушкой, курю сигарету, рядом кальян. Не люблю кальяны. Люблю сиги и кубинские сигары.

— О чём ты думаешь? — спрашивает девушка.

— О разном, — говорю я.

Она симпатичная, у неё приятный голос, и запах её пота меня совсем не тревожит. Мне даже приятен её запах, он не режет нюх. Естественный, натуральный, непосредственный аромат разогретого молодого тела.

— Я болею, — говорит девушка и кашляет детским кашлем.

Да мне похуй.

— Знаешь, меня парень бросил, — говорит она спокойно. — Он поиграл со мной, как с игрушкой, и бросил. Он очень богатый, и ему на всех насрать. А я не могу его забыть, я люблю его.

Она говорит слова, которые ясно дают понять — ей плохо. Всё у неё заебись, ей насрать на этого парня. К тому же бабы любят тех, кому насрать на них, так что она вообще должна пребывать в гармонии.

— Напейся, — говорю я ей.

— Я уже напилась, — буднично говорит она. Ровной речью, с прекрасной детской интонацией обманывает меня, не придавая тому значения.

— Нет, ты ещё не напилась.

— Я болею, — виляет девушка.

— Тебе плохо? — спрашиваю я её.

— Мне отвратительно и гадко. Мне никогда так плохо не было. Я люблю его. Так паршиво, что хочется умереть.

— Убей себя, — советую я.

— Я пробовала. Я пила таблетки. У меня не получилось, — уверенно посвятила меня девушка в тайну своего суицида. Так, словно она каждый день занимается самоубийством.

Расстёгиваю ширинку, достаю вялый хуй.

— Зацени, — говорю. — Хуй.

Она недолго смотрит, без особого интереса трогает, грустно говорит:

— Хуй как хуй.

И уходит.

Убираю хуй обратно.

Вернулись Вова и Рома.

— Пойдём, — говорит Вова. — Нас Даша с подругой ждут на улице.

Смотрю на часы:

— Через семь минут будет завтрак. Я хочу омлет.

Люблю омлет. В омлете — яйца, в яйцах — белки.

Омлет с ветчиной — отличное сочетание. Пара шотов и утренний пивас.

— Пошли, они там мёрзнут. — Вова нетерпеливо поглядывает на часы.

— Пусть войдут. — Я сильно хочу омлет.

— Мы зайдём ещё куда-нибудь, и ты покушаешь омлет, — говорит Рома.

Ненавижу слово «кушать». Уж лучше «жрать», «хавать», «точить», «кишковать». Но только не «кушать». «Кушать» я не стану. «Кушают» пусть пидоры.

Неохота оставаться одному.

Мы расплатились и вышли на улицу. Там и вправду стоит мулатка Даша с подтанцовкой из подруги. Они ждут нас.

Понятно, куда они делись и куда съёбывали всю дорогу Рома и Вова.

Даша с Ромой, старается не смотреть на меня. Да ты хоть с собаками ебись, я просто спустил тебе на живот.

На улице холодно, охота омлета. Раздражают тощие плечи Даши и её измождённое лицо.

— Давайте зайдём куда-нибудь, где есть омлет, — говорю.

— Пойдёмте лучше погуляем, — говорит Даша.

Вова с Ромой, ясен хуй, пиздуют за ней, они же безвольные. А мне неохота быть одному. Больше, чем охота омлета.

Лицо Даши какое-то нереально тревожное. Как будто скоро произойдёт что-то страшное, а она не знает, предупредить ли копов.

Такое выражение, как у ребёнка, которому сказали, что готовится заговор против Деда Мороза, но не сказали, в чём именно он заключается.

Раздражает.

Мы гуляем по утренней Москве. Дашина подтанцовка придумала игру: зайти в определённое заведение и узнать имя хозяина и телефон для связи. Какая-то глупая игра.

На улице холодно, Рома с Вовой бесят бесхребетностью, Даша +1 просто раздражают.

Да и вообще заебал.

Даша спрашивает меня о моей бывшей работе.

— Как звали учредителя?

— Иван Иванович Иванов, — говорю. Который ходит без штанов.

— А не Андрей? — Она строит крайне заинтересованную физиономию, чем ещё больше отталкивает меня.

— Нет. Не Андрей, — говорю.

— А кто тогда Андрей? — спрашивает. — Он представлялся мне учредителем. — Её лицо сверх меры удивлено.

— Наверное, он просто хотел тебе вдуть, — говорю я и смотрю на изменения в лицах моих спутников. — И судя по всему, вдул. Прощайте.

Я удаляюсь в тишине, слушая шорох своих шагов.

Москва. Таганка. Шесть утра.

Нащупываю в кармане бумажку, достаю:

«89264950247. Позвони мне. Даша».

20 августа

Сижу на собрании в ресторане. Оно посвящено открытию после ремонта.

Света, ебучая тощая хуйня в ботах, вещает услышанное по телику:

— Мы одна команда! Я дорожу каждым из вас!

Да стопудов, овчина. Ты только свистни, тут каждый впишется.

Она втирает о любви и привязанности к нам, об общем деле, о «гостях». Не ведутся даже стажёры. Хотя, по идее, те ещё лохи.

Когда они будут открывать ресторан после ремонта, дадут рекламу. Им нужно, чтобы персонал работал как швейцарские часы. Чтобы прибыль выросла и место стало ещё более модным. Сейчас сюда ходит только Зверев, потому что его парикмахерская рядом. А нужно, чтобы подтянулись и остальные. Для этого персонал должен фигачить будь здоров за те же деньги.

Поэтому Света выбрала доктрину «Команда».

Ей всего-то надо стать командой, начать дорожить каждым, быть внутри. Всего-то спустить себя с пьедестала, засучить рукава и делать свою работу. И всё получится. Но хуй там. В её пустой черепушке нет мысли о том, что требуется подтверждать слова делом. Она уверена, что слов достаточно.

Тоска.

Я напою любого, наши повара накормят любого, а наши халдеи залезут любому в очко без мыла, потроша бумажники на парфе, суфле и канеле с кайенским перцем из предместья Сорбонны. Просто дай нам нормально работать — и ты получишь всё, что нужно.

Тебя похвалят, купишь себе следующую понторезку, может, даже дадут пососать у кого-то важного.

Единственное, чем она реально может замотивировать в этот момент — бабки. Команды здесь нет, она не капитан, мы не плывём к какой-то цели. Просто башляй, дура.

Я смотрю на её вытянутое ебало, и хочется убить её только за то, что она использует методы великих визионеров, которые реально строили команды и приплывали к охуенным результатам.

Я хочу, чтобы она вышла замуж за Лаптя и чтобы он пиздил её каждый день, потому что она тупая сука.

Собрание закончилось. Я, пара халдеев, пара официанток и гей Саша пошли на озеро через «Макдоналдс».

Сидим на берегу, точим бургеры под пиво, слегка поливаем дерьмом Свету. Просто лето, просто прикольно.

Звонит Таня.

Внезапно.

Я работал с ней в «Распутине». Поначалу она сильно понтила, но позже пришла в себя, и мы неплохо общались. Она даже звонила мне на Новый год с поздравлениями. У Тани прикольные губы: слегка выпирающие, рельефные, в меру тонкие, при этом достаточно податливые и с чётко очерченной границей. Я называю их «аристократические». Мне нравятся такие губы. У них ещё как бы белая обводка от природы. Одни эти губы можно фоткать и выставлять на выставке под названием «Женственность». Остальное просто в норме: титьки — третий, по возрасту — свежачки, фигура — то же самое, булки — переходные из девичьих в бабы. Сама Таня — как будто деревенская. Не в смысле лохушка,

а в смысле размашистая, рубленая в движениях и эмоциях. Немного даже грубоватая. А я люблю, чтобы было изящество. У этой её деревенскости есть хорошая обратная сторона — она искренняя и преданная. Со своими. И беспощадная с чужими. Таня нападает сразу. Разумеется, не физически. Хотя и физически, думаю, может. Своим языком она сразу бьёт в самое слабое место, без прелюдий. Зато своих так же пускает в свои самые слабые места. Снаружи она кажется закрытой и агрессивной, но стоит попасть внутрь — удивляешься, насколько это чувствительная натура. Максималистичная девушка.

Между нами ничего не было, и когда я ушёл из «Распутина», мы перестали общаться. У меня и номера её нет. Поэтому звонок внезапен.

Несёт какую-то хуйню про то, что соскучилась, что делать ей сейчас нехуй.

Гей Саша предлагает зайти в один бар, говорю Тане, чтобы подтягивалась.

Остальные разошлись по домам.

Я, Саша и Таня в баре.

Обстановка в стиле советской кухни. Шаблонные стулья, скупые столы, элементарные комоды, простые шторы. Утилитарность как в целом, так и в деталях. Минимализм, по которому сложно не узнать мебель советского периода. Такой как бы мини-завод по производству быдла.

Каноничные советские бармены, повара и официантки: сидят за столом, бухают, закусывают. Периодически бармены ходят в бар пополнить себе кружки, а повара — на кухню принести себе закусок.

То же самое с сервисом: заказывай самое дорогое, жди, жри, не мешай предаваться разьебайству.

Позже бармен так надрался, что вообще отказался наливать, говорит:

— Сам налей себе, деньги оставь на стойке.

Прикольно.

Пьём водку, есть сельдь. Бармен спит пьяный, повара ползают под своим столом, официантки с голыми титьками лижутся с охранниками. Больше в баре никого. Класс.

Мы чисто формально треплемся обо всякой хуйне, припитее, между Сашей и Таней соревнование. Оба неровно ко мне дышат. Каждый ждёт, пока другой уйдёт. Хотя шансы неравные: я не ебу парней.

Пара слов о Саше: высокий, тощий, манерный. Похож на избалованную мужским вниманием дамочку нежного возраста. Он не похож на парня, и только некоторые элементы одежды выдают в нём того, кто рождён с хуем. Черты лица исключительно мягкие, движения гибкие, и сам он — плавный, как кошка. Азиат. Классика.

Вдруг кто-то выключает свет.

На обеих моих ногах оказывается по руке. Одна — Сашина, другая — Танина. Обе гладят и двигаются к ширинке. Забавно. Стараются быть незаметными друг другу. Я не хочу ни одного, ни другую. Сашу — понятно почему, Таню — хуй знает почему. Как-то по-дружески отношусь к ней. Трахать Таню — это как трахать своего пса. Не в смысле что Таня собака, а в смысле что совать в преданность — это как-то цинично. Но я их не останавливаю.

Градус растёт, Таня прилипла и шепчет на ухо:

— Сделай меня шлюхой! Поимей меня! Я шлюха! Я хочу быть шлюхой!

Вот это корки!

Таня! Что за хуйня? Что за неожиданности? Слышать прикольно, но как-то не думал, что ты так можешь. Таня мнёт мой хуй, лижет ухо и зовёт в какой-то клуб, где можно уединиться и потрахаться. Она хочет, чтобы это было особенно блядски. Прямо чтобы я шпилил её, как конченную шалаву, а потом спускал в рот. Кто бы знал?

Саша сдержаннее. Но только до того момента, когда Таня уходит в туалет. Я не решаюсь идти с ней.

Теперь уже Саша мнёт мой хуй, лижет ухо и зовёт в закрытый гей-клуб. Я припит, так что похуй — пусть лижет. Он делает это как баба, приятно. Рассказывает мне, какой я красивый, как сильно он хочет мне отдаться. День открытий.

— Тут рядом есть закрытый гей-клуб, там собираются только сливки общества. — Саша падок до пафоса. — Пойдём со мной, для нас всё бесплатно, а потом ко мне... Я покажу тебе такое, чего не умеет ни одна девушка...

Моя ширинка уже расстёгнута, Саша мне дробит. В натуре мягко, в натуре бабы так не умеют. Ощущения — как будто это не рука, а качественная юная пилотка.

Таня возвращается и смотрит на Сашу строго. Она пьяная и может ему вбей. Саша, по ходу, чувствует опасность и убирает руку. Между ними происходит небольшой конфликт.

— Давайте тройничок, — говорю.

Но Таня не станет с Сашей, потому что он пидор, а Таня традиционна. А Саша не станет с Таней, потому что он «утончённый и продвинутый», а она «грубая и традиционная» и для него это скучно. Они оба хотят меня одного. Я уже не против отдолбить Сашу, своими действиями он уже обманул мои инстинкты, и я вижу в нём бабу. А я вообще любитель азиаток.

И против Тани уже ничего не имею. Потому что интересно заценить её прикольные губы.

Таня сурово смотрит на Сашу, готовая уебать ему, потом говорит:
— И похуй.

Залазит под стол, видит мой хуй вне штанов и со словами:
— Да тут уже всё готово.

Начинает сосать.

Она говорит это с интонацией женщины, которая всё время готовила и содержала дом сама, пришла домой после встречи коров с пастбища, думая о том, что нужно накормить семью, а стол вдруг накрыт, а муж и дети, умытые и опрятно одетые, смотрят на неё и улыбаются. Она рада, но вот уже за двадцать лет хозяйства разучилась показывать эмоции.

Это удивительно, но ртом она не умеет делать того, что Саша умеет рукой. Несмотря на это, её рот несколько не проигрывает Сашиной руке: всё по классике, плюс её губы, чуть острые на краях, открывают какие-то новые ощущения в месте прикосновения к коже члена. Грубоватые, более плотные, более тугие. Это не податливость, это какая-то властность. Вроде как: ну всё, хуй ебанный, пизда тебе. Прикольно. Ну и разумеется, это женский рот, не мужской, что чисто ментально приятнее. Отсасывает Таня самозабвенно, в натуре как шлюха. Это даёт дополнительный прикол. Более физиологичный. Как будто есть устриц с шабли гран-крю или говяжий стейк с кровью. Танин отсос — явно стейк. Такой животный, биологический, нажористый.

Саша какое-то время сидит закрывшийся, потягивает, что он там пьёт, курит тонкие сиги и смотрит вдаль. Потом кладёт хуй на свою обиженность, лижет мне шею и лезет рукой играть с моими шарами. Таня находит его ладошку, что-то там с ней делает, Саша убирает её, и на том же месте оказывается Танина рука. Как контрастный душ.

Сначала мягкая, податливая тёплая вода, потом жёсткая, холодная, от которой мурашки по коже. По яйцам потекла Танина слюна. Не хочу долго. Так что загоняю ей в глотку и какое-то время поддалбливаю. Её голова бьётся об стол снизу, пивас разлился, Таня подкашливает. Саша гладит у меня под футболкой, лижет шею, Таня сосёт и дёргает яйки, её слюни уже затекают мне в область задницы, и я спускаю ей в рот. Долго, с ощущением, как будто комками. Как-будто всё сливается, что накопилось. Ну так и есть, в общем-то.

Таня вылезает и лезет целоваться. Бабы постоянно лезут целоваться после отсоса. Наверное, потому что они как бы хотят удостовериться, что ты их не разлюбил за то, что они отсосали. Я так думаю. Как бы отсос — это унизительно, и она хочет убедиться, что ты относишься к ней нежно, как к девушке, а не грубо, как к шлюхе. Но у меня никогда не было желания пробовать свой член на вкус, так что я всегда этого избегаю. Обнимаю Таню.

Таня смотрит на Сашу типа: «Можешь так?»

Саша корчит ебало типа:

— Пфф.

Корки.

Ради интереса идём в Сашин гей-клуб. Там на лестнице несколько пидоров, сосутся. Фу, нахуй, не прикольно. Какое-то время гуляем с Таней и по домам.

То, что произошло этой ночью — вполне обыденное событие в моём нормальном мире. Для меня это не что-то из ряда вон выходящее, а нормальное, потому что есть проявление естества, пусть и уродливого. В том мире, в котором я живу, это большая редкость. Неординарность, необыденность, изменённое состояние реальности. Подобное в этом мире происходит с людьми, находящимися в изменённых состояниях сознания. Когда люди пьяные, отчаявшиеся, на выезде, то есть вырванные из своего

ежедневного контекста, находятся в непривычной среде. Особенно когда всё вместе: курорт, вырывающий из контекста, бухло, ночь, и вокруг пьяные люди, предающиеся разврату.

Как-то я работал в Геленджике поваром. И в отель, при котором я работал на кухне, заехала молодая классная самка из моего города. Как-то сразу между нами проскочила искра, и однажды ночью мы трахались на набережной. Мы сидели на парапете лестницы, точнее я на парапете, а она на мне. И трахались. Вокруг было полно людей, они проходили в метре мимо нас, одни не замечали, другие показывали большие пальцы вверх, один парень подошёл и похлопал по плечу. Была ночь, все были пьяные, весёлые и не местные. Потом мы пошли с ней в отель и по дороге ещё раз потрахались на дороге, лёжа. Тогда, там, в этих обстоятельствах это было совершенно нормально. Потом мы встретились с ней уже в Челнах. Встретились пару раз и разошлись. Потому что она стала обычной бабой с требованиями и несвободой.

Часто так бывает — люди на курортах или фестивалях становятся собой на время, а потом возвращаются в кандалы. Это всегда так дико. Их них в такие моменты вырывается какое-то извращённое естество. Забродившее, закисшее, мутировавшее и токсичное. Потому что бóльшую часть времени они держат своё истинное внутри насильно и отпускают только тогда, когда уже не могут держать.

Эти моменты похожи на обнажённые «лотосовые» ноги древних китайских модниц. Исковерканные в угоду культуре, тем не менее живые, настоящие.

Раньше я удивлялся, что в людях вообще есть что-то настоящее, логичное. Потому что не знал, что они могут держать внутри то, что любят. Я думал, какие люди внутри, такие же и снаружи. И если снаружи они злые, то и внутри них зло, а если снаружи они

улыбаются, то и внутри полны нежности. Не знал, что вообще может быть такое: кто-то что-то любит и держит внутри, не отпускает наружу, испытывает при этом дискомфорт, но, сука, держится изо всех сил. Примерно тогда же я удивлялся, откуда берутся педофилы, почему взрослые такие злые, почему есть маньяки-убийцы.

Я реально не понимал, почему некоторые пьяные начинают гнать и лезть драться, иные забиваются в себя по накурке, а некоторые девчонки плачут после оргазма.

Теперь же меня просто угнетает, что никто не видит связи между культурой сдерживания в себе себя и возникновением в этой культуре психопатов. А понимание того, что мир всегда будет таким же ебанутым, убеждает в необходимости покинуть его.

Таня, которую я узнал сегодня, могла родиться только в этом мире. Родиться в смысле извращённого самосознания внутри той, которая с детства была естественной и непосредственной.

Мама, мы все тяжело больны. Мама, я знаю, мы все сошли с ума.

21 августа

Встретил сегодня парня, с которым когда-то работал в одном баре. Гулял по улице, зашёл в книжный и увидел его у витрины с популярными в настоящее время книгами.

Этот чел невысокого роста, тощий, у него худое скуластое лицо, острый подбородок и горбатый нос. Сухопарое тело, которое, кажется, сломается от щелбана, держится на тонких, нескладных ногах. Может, он недоедает, может, болеет — он сложен крайне хрупко и несуразно. Глядя на его тощенькие плечики, хочется накормить, дать выспаться и вообще пожалеть. Однако испытывать к нему жалость мешает одно «но»: взгляд. Самодовольный, вычурно горделивый, надменный. Складывается впечатление, что он, несмотря на свою физическую слабость, считает себя если не венцом творения, то хотя бы рубином в этом самом венце.

Захожу в магазин. Стоит, разглядывает модную книжку. Пустую, тупую, лишённую мысли хуйню, весь смысл которой укладывается в одно предложение.

И это просто корки, как он одет: узкие джинсы, заправленные в клоунские сапоги. Mind-код выдержан идеально, просто это ему совершенно не идёт.

Узкие джинсы обтягивают выпирающие коленные суставы, как два шарнира, мотня на плоской заднице висит, как будто он обоссался. И эти сапоги чуть ли не на половину длины ноги, как будто собрался на рыбалку. По топям, блять, да по болотам.

«Как подстреленный» — сказала бы моя мама.

«Воробушек» — сказала бы моя бабушка.

И ебало такое уверенное-уверенное. Стоит как ни в чём не бывало, гордо подняв голову, на его лице взгляд всепоглощающей самодостаточности, он себя уважает. Он одет модно, и совсем не важно, идёт ему этот шмот или нет. Так модно, так носят все. Этот конкретно прикид создан производить впечатление цельности натуры твёрдо стоящего на ногах молодого человека. Надеваешь эту одежду — и это впечатление как бы надевается по умолчанию.

Настолько нелепо он выглядит в своей одежде, что я рассмеялся.

Подхожу к нему, он спрашивает:

— Чего ржёшь? — Он думает, это не связано с ним.

— Ебать ты корочный, — говорю. — Что за прикид на тебе?

— Мне так нравится, — говорит.

А-а-а, сука, нравится! Ко-о-орки!

— Ты себя в зеркале видел? — спрашиваю я.

— А ты Fashion TV смотрел? — спрашивает он.

Фэшен, блять, тиви, сука!

И он уверен, что я просто отсталый чел. Что с ним порядок, а я деревня.

Как? Как это происходит? Почему я живу в одном мире с такими долбоёбами?

Илья, это не та планета! Тебя наебали!

Тут заправляют «компетентные товарищи». Тут есть рупор, в который все слушают — что делать, что думать, что носить, как себя вести, к чему стремиться. Тут всё уложено в минимальные шаблоны, и всех это устраивает. Тут достаточно просто быть и совершенно не нужно думать. Этому миру нужно колесо, чтобы возить жопу в супермаркет, и сотовая связь, чтобы в нём не потеряться. Другие планеты этот мир рассматривает только как место для жизни, если эта планета переполнится. Тут беспроводная связь была внедрена

только через пятьдесят лет после её изобретения, потому что в кабельных компаниях ещё не умерли хозяева. Тут люди, в совершенстве владеющие телом, менее популярны, чем шлюхи, которые посредственно отсасывают.

Не смотри в зеркало, не ищи своё. Просто вот. Просто на. Просто спасибо. Будь проще. Думать сложно, от этого снашивается голова. Дожди посылают боги. Не переключай канал, чтобы быть в курсе.

Это ебучее Пиноккио посмотрело телик, увидело шаблон, надело. Оно отдало за эти сапоги столько же, за сколько можно купить новый пиздатый ноут. Они ему не идут, и это не важно. Он надел их, чтобы быть принятым в определённое общество. И это общество его приняло. Потому что состоит из таких же. Они смотрят на его боты и понимают: свой. Бабы знают ценник этих ботов и раздвигают рогатку. Чтобы дать этому уёбищу плодить таких же дегенератов, которые будут делать абсолютно то же самое.

Рабу не нужна свобода, рабу нужны свои рабы.

Больше, чем то, что мне здесь нехуй делать, меня волнует только один вопрос: почему их это устраивает?

Почему они не хотят оставаться индивидуальностями? Почему так быстро меняют аутентичность на возможность быть правильным поленом? Какая субстанция заставляет отказываться от естественной эгоцентричности в пользу унификации? Знать бы ответ на этот вопрос, был бы хоть какой-то смысл жить — уничтожать это дерьмо.

— Я не хуже.

Блять. Да тебя вообще нет. Не существует того, что не оставляет следа.

Что, блять, делать в этом мире, в котором нет ничего интереснее бухла и ебли? Какой смысл к чему-то стремиться? Тесла умер в гостиничном номере рядом с голубкой — единственным существом, демонстрирующим верность, хоть что-то чистое

и позитивное. И то только потому, что он держал для неё тучу зерна и постоянно кормил.

Ненавижу!

22 августа

Есть такое выражение: жизнь — это борьба.

Оно никогда мне не нравилось. И теперь я знаю почему: я не считаю правильным бороться со всеми остальными людьми. Я вижу Землю общим домом, в котором все мы равны. Я считаю, что если кто-то сделал что-то, он прав. И единственная правильная реакция любого человека на любые действия другого человека — уважение. Уважение не в смысле «я уважаю тебя за то, что ты выпил кофе». А уважение в смысле — ты не судишь кого-то за его действия. Принимаешь как есть. Это его выбор. Он так считает нужным. А так как все равны — он прав. Каждый человек, сделавший что угодно, прав. Нет плохих, нет хороших. Правы все.

Мир не должен быть плоским. Не существует одной истины. Многообразие мироощущений, точек зрения, взглядов и их равноценность — естественное состояние бытия и единственно верная истина.

Попробуй я сказать это обывателю, рабу, он сразу спросит: Чикатило тоже был прав?

Сразу, мгновенно, раб найдёт негатив. Он не станет искать что-то позитивное. Например, не спросит: Третьяков тоже был прав? Он спросит про Гитлера, про Чарли Мэнсона, про Джека-потрошителя. Про зло, про негатив, про «плохое».

Когда я говорю о прекрасном мире и его единственном фундаменте — абсолютном равноправии, обыватель ищет негатив.

Когда я говорю о нынешнем мире и его фундаменте — расслоении со взаимным сраньём сверху вниз, он ищет позитив.

Обыватель станет оправдывать своё рабство и отвергать свободу. В «Мандерлее» фон Триера об этом сказано исчерпывающе.

Так что насчёт Чикатило?

Разумеется. Он прав. Я же сказал — любой прав. Каждый человек прав. Каждый человек рождён личностью, каждый рождён совершенным. Дальше уже всё зависит от того, как человек поступит со своим совершенством.

И Гитлер прав. Более того — за ним пошла целая нация. Он прав. Да, мой дед воевал. Да, он терпел лишения. Да, миллионные жертвы. Он прав. Был прав.

Совсем другое дело — моя реакция. Мне лично неприятны серийные убийцы, тираны и насильники. Мне противны Чикатило и все эти Теды Банди. Меня психически выворачивает от фотографий того, что они сделали. Мне противны до тошноты люди, променявшие собственное совершенство с возможностью реализации своего потенциала на реализацию низменных страстей, возникших вследствие обиды на общество.

Недавно я прочёл в «Википедии» о каких-то школьниках, убивавших женщин, детей и бомжей. Будь у меня возможность, я убил бы их. Уничтожил. Растоптал бы их лица прямо с костями.

И тоже был бы прав. Вместе с ними. Они правы, и я прав.

Эти двое парней выросли в постоянном издевательстве в школе. Это повлияло на то, кем они стали. Но всё равно убивать слабых, издеваться над ними в качестве мести за унижение другими детьми в школе — это их личный выбор. Они так решили. Не мир такой, мы такие.

С другой стороны, будь мир здоровым, эти люди никогда бы не стали такими. Человек изначально не запрограммирован на разрушение. Взять любого ребёнка до года — разве он разрушитель? Разве в нём можно увидеть, что когда он вырастет, то

станет калечить, убивать или создавать шедевры? Мы все по умолчанию умолчательны. Уже потом, со временем, когда мы знакомимся с миром, мы начинаем встраиваться в него. Каждый по-своему.

От того, каков мир, во многом зависит то, как мы в него встроимся.

До фашизма Гитлер был художником. Он не собирался никого захватывать и уничтожать. Но однажды разозлился на евреев. *Mein Kampf* не читается как исповедь тирана. Она читается как откровения человека, не принимающего существующий порядок. Видящего мир неправильным и желающего сделать его правильным. Отбросив эмоции, именно это можно увидеть в этой книге объективно.

В мире без лжи не могут возникать плохие люди. И этот мир — не утопия в своей идее. Он утопия в реальности.

В той реальности, в которой мы все враги и на скорость рвёмся к финишу, ставя друг другу подножки. Одновременно осуждая тех, кто вырвался к финишу, поставив подножку нам. Только финиша нет.

Эта реальность пропитана ненавистью, завистью и желанием обладать. Это дерьмо, а не реальность.

С другой стороны, при тех же условиях выросли такие люди, как Тесла, Паганини, Достоевский. Так что нет оправдания тем, кто сломался. Но и нет оправдания тем, кто ломает. Зло — в любой ипостаси зло. Добро — в любом виде добро.

Как я могу говорить о добре, ведь я такой социопат? Как можно так ненавидеть людей и говорить о любви в принципе? Вот так:

Этот мир создан прекрасным и удивительным, а всякий смрад своим потребительским отношением к нему делает его помойкой. За это я ненавижу всё это стадо, пиздующее по пути наименьшего

сопротивления даже тогда, когда этот путь усеян трупами
нераскрытых потенциалов.

25 августа

Иногда я ощущаю себя несуществующим.

Тем, чьего исчезновения никто не заметит. Если меня вдруг не станет, никто не скажет: «Эй, а где Илюха?»

Менеджер в баре просто увидит, что за стойкой никого нет, и именно в этот момент рядом будет стоять бармен, который займёт моё место.

А я не буду занимать места в чьей-то памяти. Меня не станет бесследно. Как будто не было.

В такие моменты меня не замечают даже люди, которые проходят рядом со мной по улице. Иногда они даже проходят «сквозь» меня, реально не видя. И очень удивляются, что сталкиваются со мной.

Они говорят:

— О, простите.

И идут дальше.

Иногда я настолько становлюсь невидимым, что меня не видят даже те, кто физически со мной сталкивается.

В такие моменты я остро осознаю, что не знаю о мире совершенно ничего.

Не знаю, к чему стремиться, что делать, как думать. Иногда как будто сбивается моя программа, и я как персонаж присутствую в игре, но остальные персонажи меня не замечают.

В такие моменты я изредка подслушиваю разговоры других людей и слышу:

— Шшшшшшшшшшшшшшшшшшшшшшшш...

Больше ничего.

Я слышу тексты, которые они передают друг другу голосом, и не вижу в них совершенно никакого смысла. Даже посыла. Сплошное:

— Шшшшшш...

Как белый шум в телике.

Я хочу понять: о чём нужно общаться, чтобы быть своим, какие тексты произносить, какие реакции демонстрировать? Я подслушиваю чужие диалоги, чтобы потом воспроизводить нужные ответы на определённые вопросы, демонстрировать правильные реакции, открывать темы, которые обычный человек будет поддерживать. Я делаю это, чтобы научиться быть своим среди нормальных людей, но... Воспроизводить такую чушь — бессмысленная трата времени. Их ответы, реакции и темы — просто потрясающе плоский хлам. Не хочу тратить себя на то, чтобы быть картонным.

И противостоять тоже не хочу. Хотя бы бороться, переучивать, революционировать. Всё больше познавая идею, которой живёт общество, я всё меньше хочу быть его частью. Я не хочу даже бунтовать против этого.

Это общество настолько плоское, что лишена смысла даже борьба за глубину. Она изначально проигрышна. Как битва с ветряными мельницами.

Я сижу на лавке в парке и смотрю, что делают люди, которые здесь точно свои. И это просто рябь. Цикл бесполезных действий, в которые даже сам исполнитель не закладывает смысла. Эти действия просто механически выполняются. И я чертовски неправильный, потому что считаю, что действие без смысла совершать бессмысленно.

Эй, я чертовски неправильный поэтому.

Я смотрю рекламу на плакатах и не могу уловить: почему они используют именно эти образы, эти слова, эти метафоры? Ведь они ни к чему не ведут. Это же пустота.

Я вижу людей, делающих работу, и не понимаю: зачем? Зачем они её делают? Ведь ничего не меняется. Зачем вести трамвай? Ведь люди, которые едут в нём, едут туда, куда можно не ехать. Потому что нет смысла туда ехать. Потому что там будут пустые разговоры, бессмысленные действия и бесцельные результаты.

В такие дни меня угнетает одиночество. Потому что всё вокруг бесполезно. А что во всём этом делаю я? Зачем я здесь? Почему я нахожусь здесь? Почему не исчезаю? Ведь мне бесполезно здесь быть. Я не нужен здесь. Не в смысле «эй, пожалейте меня», а в прямом смысле, без подтекстов: я здесь не нужен. И мне это всё не нужно.

То есть это не какой-то плаксивый негатив, а вполне конструктивное понимание: мне здесь нечего делать.

Сотрясать воздух в пустоте ради сотрясания воздуха в пустоте — потрясающе бестолковый способ жить.

Я тот самый парень, который не спрашивает «как дела?» без желания узнать как дела, и который не отвечает «нормально» на вопрос «как дела?», а реально рассказывает как дела. Каждый раз. Прикинь!

Что мне делать дальше?

28 августа

Это предел.

Я не хочу больше сдерживаться.

Я хочу убить их всех. Мочить одного за другим, парами, группами, всех разом. Я хочу рубить их так, чтобы трупы ограничивали размах топора. Хочу ощущать под руками холодеющую кожу на чьей-то шее.

Я ненавижу их всех по отдельности и мир, населённый ими, в целом.

Я еду в автобусе или стою в очереди в магазине и ловлю себя на том, что если из меня сейчас пойдёт зло, я просто не услежу за моментом его реализации. В какой-то миг я обнаружу себя мочащим тех, кто находится рядом, выдавливающим их глаза, втаптывающим в землю их лица. А когда обнаружу себя в этом процессе, назад пути не будет.

Уже практически постоянно я отдаю себе отчёт в том, что сейчас зло внутри меня выйдет наружу, и, поняв это, спешно ретируюсь. Потому что боюсь того, что может сделать демон, лезущий из меня. Потому что я уже видел этого демона:

Впервые это произошло в первом классе. Один мальчик сказал что-то плохое про меня. Я тогда ещё не знал, что нельзя бить кого-то, поэтому, даже не думая о том, что последует наказание от взрослых, просто взял стул и ударил его туда, откуда он это сказал. В памяти отпечаталась только его вмятая глотка. Это был школьный стул, и ему ножкой попало в горло. Ему повезло, что я тогда был очень слабым, потому что мне было только шесть. Меня тогда наказали, и я понял, что так делать нельзя. И впредь держался.

Но однажды, когда мне было уже девять или десять, один мальчик во дворе назвал мою сестрёнку «шлюшкой». Сестрёнка была одета в зелёное, и он сказал: «Лягушка-шлюшка». И побежал. Я догнал его и бил ровно в то место, откуда он это сказал, до тех пор пока меня не оттянули. Несколько лет назад я видел этого парня, он уже вырос. Нос у него расплющен на пол-лица. С другой стороны, он рэпер и косит под негров, так что ему идёт. Пидарас ёбанный. Отлично помню момент: он лежит на баскетбольном поле лицом вниз, чуть приподняв голову, и ревёт. Под ним лужа крови, и с него капает ещё кровь. Видимо, в детстве кости сплющились, а так как пластическая хирургия была в Советском Союзе не в моде, то так и срослись. С другой стороны, каждый раз, когда он смотрит в зеркало, он может вспомнить о том, что нехуй говорить такое про чужих сестёр. Пусть маму свою так называет. Сраный пидор. Единственное, о чём я жалею — что не успел плюнуть в его разбитое ебало.

На следующий день у нас во дворе, под моими окнами, собралась целая толпа пацанов разного возраста. Они кричали, чтобы я выходил и заплатил своим носом за его нос. Их было очень много. Или мне тогда так казалось. В любом случае у меня тогда было ощущение, что они заняли весь двор. Я до сих пор не понимаю, как такое могло произойти. Что это за люди? Это было честное «один на один». Он оскорбил мою сестру. Я ему втрёпал. Да, жёстче, чем принято. Но это уже моё дело, как бить. Несмотря на всю нормальность моего поступка, я вынес для себя урок: никогда никого не бить.

И нарушил его в 15. Я заканчивал школу. Мне предстояло поступление в медакадемию. Я понимал, что нихуя не знаю и своими мозгами не поступлю. Не потому что тупой, а потому что мне ни в одно место не упиалась эта сраная медакадемия, а тратить всё

время на изучение унылого, не возбуждающего дерьма для меня всегда было извращением. Но всё семейство ждёт, что я туда поступлю. А учитывая жесточайший комплекс вины, привитый мне отцом и родственниками по его линии, я чувствовал себя обязанным учиться в медакадемии. Мне было 15, я ещё не понимал, что всех их можно послать нахуй. Что я сам решаю, сам выбираю, что мой путь — это мой путь. Тогда я считал, что я обязан. Что я ёбанный мешок с дерьмом, если не поступлю. Охренеть, какие идиотские мысли были тогда в голове! Я позвонил в Пермь, узнал, сколько стоит обучение. Оно стоило 12 тысяч рублей в год. В 1999 год. И нужно было быстро найти эти деньги. Потому что выпускной был через месяц.

Получилось так, что я познакомился с новым соседом, который появился в подъезде недавно. Рассказал ему о своей проблеме, и он предложил быстро заработать 20 тысяч долларов. Я загорелся мгновенно. Он сказал, что нужно просто забрать долг. С оружием. Я был за. В принципе был «за» оружие. Тогда я не видел в ограблении ничего зазорного. Главное — не попадаться. А сам процесс — вполне. Но прежде чем забирать долг, сосед сказал, что нужно меня проверить. Через день после знакомства мы подъехали с ним к одному магазину. Был день, люди были на работе. Магазин был вроде как на виду, но в нём была только продавщица. Не знаю почему, но всё то время, что я пробыл в этом магазине, в него ни разу никто не зашёл. Только я со стальным пестиком. Таким, которым перемалывают специи. Только не деревянным, а стальным. Как короткая стальная дубинка. Моей задачей было взять кассу и съебать. Недалеко от магазина в машине ждал сосед. Я зашёл, прошёлся по магазину пару шагов. Продавщица, не знаю почему, вышла из-за кассы и встала у двери. Наверное, она думала, что я

что-то украду. Я посмотрел на неё, и она отвернулась, как будто на меня не смотрит, как будто смотрит на улицу.

Тогда я и увидел своего демона, впервые вылезшего полностью.

Я точно знал, что должен взять кассу. Потому что тогда меня возьмут на дело с ценником в 20 штук баксов. Мне очень нужны были эти деньги, чтобы заплатить за медакадемию. Иного расклада я даже не мог себе представить. Я понимал, что вот прямая цель — нужно оглушить продавщицу, забрать кассу и съехать к соседу в машину. Во мне включился какой-то демонический режим. Неконтролируемый мной. Я видел себя, как чужого человека, как будто это не я. И этот чужой человек бьёт продавщицу стальным пестиком по голове. И бьёт, и бьёт, и бьёт. Продавщица орёт, а я просто забиваю её по голове. Потом внезапно ко мне приходит рассудок, и я вижу себя, бьющего человека по голове. А она уже просто лежит и не двигается. Не орёт. Как будто из меня вылез демон и забил эту женщину к ёбаной матери. Я понимаю, что это сделал я, но не представляю, как это произошло. Не могу осознать, каким образом я способен на такое.

Этот эпизод — единственный в моей жизни, от которого я бы отказался.

Сегодня, когда уже прошло время, я отлично знаю своего демона. Я видел его, я знаком с ним и знаю в точности, на что он способен. Знаю, как он появляется, как себя ведёт. И уверен в том, что если выпустить его наружу, то не смогу его контролировать.

А просится он уже постоянно. Уже не то чтобы каждый день, уже каждый час.

Он так лезет, что когда высовывает голову, мне приходится срочно уёбывать туда, где никого нет. Где нет тех людей, которые не ожидают его появления. А если бы и ожидали, то не были бы

готовы к нему, потому что ни разу в жизни не видели демонов, даже не представляют, на что они способны. Как овцы, не видевшие ножа.

Я не знаю, что мне делать. Не знаю, как жить с ним дальше. Однажды он вылезет наружу навсегда. И тогда мне пиздец.

Видимо, единственный способ справиться со злом внутри меня — убить себя. Убить того, в ком живёт демон.

Это контрольная точка. Совершенно логичное продолжение моего существования: завершение.

Меня не устраивает мир, в котором я живу. Я не знаю, как в него вписаться. Меня в этом мире не устраивает всё и не держит ничто.

Это общество, в котором может жить только мой демон. Это общество заслуживает, чтобы мой демон рвал его до тех пор, пока его не пристрелят, как бешеную собаку. Во мне нет столько жажды жизни, сколько было в Достоевском. Он искал причины остаться и нашёл. Я не нахожу. Не вижу смысла.

Зачем искать? Чтобы умереть в нищете? Я не впишусь в эти ценности. Они в корне мне чужды. Я всю жизнь буду работать каким-нибудь барменом, который сидит на минус первом этаже и ждёт зарплаты. В то время как сука, недостойная даже упоминания, машет руками под любимую песню.

В этом мире так устроено. В нём выживает только мерзота. А нормальный человек разлагается от рефлексии. Такой расклад.

Даже если представить, что я приложу усилия и встроюсь, то кем я стану? Мерзотой. Я стану тем, кого ненавижу. Буду соблюдать правила, глотать и унижаться. А после — отыгрываться на унижении других.

Нет. Спасибо, но нет. Нахуй такую жизнь.

Да и честно говоря, нахуй такого меня. Депрессивного, злобного уёбка. Я здесь такой не нужен. Если объективно посмотреть на меня со стороны, представить, что я ошибаюсь, что все вокруг правы,

а я — нет, то кто я? Неудачник, я виню окружающих в том, что у меня ничего нет, что меня не ценят.

С другой стороны, как может быть кто-то правым в принципе? Ведь правды не существует. Не существует ни добра, ни зла. Мне сложно с этим согласиться, но объективно вокруг меня не мерзкие пидарасы, а люди, ведущие образ жизни, который я осуждаю.

Хуй там! Они сраные пидарасы! Дегранты, потребители, лицемеры!

На кой хрен мне вообще мучать себя этими вопросами? Кто прав, кто нет? Кто хороший, кто плохой? Что такое зло и что такое добро? Зачем искать ответы?

Я просто уйду в свой космос до конца. В единственное место, где я испытываю бесконечную гармонию. Без мыслей.

2 сентября

Я сижу в поезде Москва — Набережные Челны. Со мной рюкзак, в котором ноут, чутка одежды. И в лопатнике три кредитки на сотку штук в сумме. Это чтобы гульнуть напоследок. Поезд едет.

Кредиты застрахованы, самоубийство в страховку входит, так как именно банки с этим пунктом в страховке я и выбирал. Долгов маме от меня не останется. Только моё творчество: два романа, несколько рассказов, несколько сценариев и кое-что из музыки. Не знаю, есть ли у кого ещё записи, у меня лично в рюкзаке единственная аудиокассета, на которой более-менее слышно записана «Болен алкоголем». Это единственная запись, оставшаяся у меня от моей рок-группы.

Когда-то давно я сидел на какой-то лекции в медакадемии. В большой аудитории, вокруг меня усердно записывали или убивали время ребята в белых халатах, мои сокурсники. На сцене, или как там называется эта хуйня, стоял профессор и пиздел что-то медицинское, или химическое, или биологическое — не помню. За окном было прикольное начало октября. И внезапно я услышал текст в голове. Полный текст песни. И этот припев:

«Послушай друг, я болен, я болен алкоголем».

Прямо с интонациями этот припев звучал тогда в голове. Причём алкоголем я не был болен ни тогда, ни сейчас.

Я принёс текст своим пацанам, наш гитарист почитал, переписал себе — и вроде как текст и текст. На следующую репетицию гитарист принёс музыку.

— Я всю ночь не спал, эта песня не выходит из головы. Просто бомба. — Так он тогда сказал.

Когда он это сказал, Вова, наш вокалист, обратил внимание на песню. Гандон, он вечно со мной соревновался. Вова попробовал попеть, гитарист подыграл. А на следующую репетицию уже Вова принёс свою версию «Болен алкоголем», в которой он подправил рифмы. Мы стали играть эту песню. Сисян, наш барабанщик, подобрал бит, я его поправил. И на третий или четвёртый проход Сиська выдал охуенную комбинацию тарелками в припеве. Так, взаимно друг друга поправляя, мы за репетицию отыграли «Болен алкоголем» до состояния, из которого ничего нельзя выкинуть и в которое ничего нельзя добавить. Чистый минимум, сухой и резкий. Чёткая гитара, чёткий бас, текст, ударные. Когда мы играли её, по мне ручьём текли вибрации.

Вован, конечно, кривил ебалом, как обычно: его тексты всегда были топорные, мои всегда приживались, но он не мог принять как факт, что я в чём-то круче него. Причём Вована тоже пёрли мои вещи, но до «Болен алкоголем» он не готов был это признать даже на секунду. Эта песня получилась настолько, что Вова засунул свой язык в задницу и активно играл её раз за разом. Через пару репетиций мы её записали.

На этой кассете есть «Кухонный панк» Сиськи, какая-то муть гитариста и парочка топорных вещей Вовы, просто потому что Вова — тот самый чел, который потратил все свои деньги на инструменты и место для репетиций. И моя «Болен алкоголем». Звук говно, но мурашки по коже бегут каждый раз, когда я её включаю.

Потом, когда гитарист уходил от нас, он сказал, что забирает «Болен алкоголем», так как он написал музыку. Но мы пришли к нему с Серийным и Праситутотом на репетицию, дали пизды ему, его новой группе, побили их инструмент, так что он заткнулся. Потом, когда я уже уехал из Перми, Вова звонил, говорил, что это

его песня. Сисяну всё было до лампочки, так что он единственный на неё не претендовал. Ни с одной другой нашей песней такого не было. Никто не хотел присваивать себе другие наши песни. Может, кто-то её сейчас и использует, но один хуй — она моя. Тащусь от неё.

За два года рокерства «Болен алкоголем» — единственный мой след в музыке. Который сейчас даже нельзя найти в инете, он есть на одной-единственной кассете у меня в рюкзаке. Изданный роман, неотредактированный сценарий фильма «Дикая поездка», несколько рассказов, в двух из которых живёт мой любимый персонаж Батон Батонович Батов. А также туча набросков в тетрадях и на листочках и этот дневник, который тоже можно считать произведением.

Это всё, что останется после меня. Эй, блять, это просто фраза, не цитата.

Прямо так же, в рюкзаке, и оставлю возле кровати.

Остальное исчезнет. Воспоминания обо мне вместе с людьми, которые меня знали. Вещички истлеют.

Будет ли кому полезен оставленный мной след, будет ли он сразу же затёрт ногами или поставлен в рамочку — не важно. Я сделал часть из того, что хотел. Создал то, во что верю. И для меня этого более чем достаточно.

Когда я был школьником, я верил в то, что жизнь детектива состоит из погонь, разоблачений, шикарных ресторанов и курортов, роковых красавиц, пистолетов и драк с отпетыми негодьями. В которых детектив побеждает. Более того — в схватке с детективом шансов нет ни у кого. Даже у многократного чемпиона по боям без

правил и одновременно чемпиона по спортивной стрельбе, который побывал на всех возможных войнах и там всех победил. Детективу он обязательно просрёт.

Джеймс Бонд — это ценитель искусства, гурман, любую женщину может уложить так, как ему вздумается. Знает всё о машинах, вертолётах и прочих яхтах. Может водить их, закрыв глаза. С первого взгляда на здание понимает детальный его план. Был везде, где только можно побывать. Знает каждое значное место в каждом городе и каждого влиятельного человека, который только есть на земле.

Эти двое — сверхлюди, и всё, что им даётся, даётся легко. Просто становишься детективом — и понеслась.

Когда я был школьником, я верил в то, что на самом деле очень легко грабить банки, пороть подругу в гостинице через дорогу, а потом с лёгкостью съёбывать от копов на ворованной тачке. Бонни и Клайд были причиной этой веры.

Когда я учился в институте, я верил в то, что жизнь рок-звезды есть череда всех разновидностей удовольствия: огонь-тёлки, наркотики, алкоголь, вечеринки, концерты и гонорары размером в годовой бюджет Боливии. Жизнь рок-звезды — это бесконечная проба всего самого кайфового, что только существует.

Кино, книги, музыка, телик создали в моей голове такое примерно представление о реальности:

Бармен в ближайшем кабаке — гениальный саксофонист, знающий адреса всех подпольных революционных организаций в городе, всех тайных собраний, о которых он с лёгкостью мне расскажет за стаканом бурбона, записав его на мой счёт. Достаточно только стать взрослым и лениво присесть за стойку.

Всё лучшее достаётся самым безбашенным: тачки, бабки, тёлки, трепет толпы.

Бабки — не проблема, если ты достаточно смел, чтобы зайти в любое место, где есть деньги, и забрать их. Тот, кто их держит, отдаёт тебе свои кровные дрожащими руками. И благодарит, что не застрелил.

Если ты достаточно обоснованно объяснишь шпане на улице, что ты бесстрашный герой-одиночка, занимающийся установлением справедливости — они обязательно разбегутся врассыпную. Если сразу не повелись, ты просто даёшь леща их главному, он потупливает взгляд, осознавая твою крутость, а остальные покорно ждут, пока ты раздашь им подсрачников. А ещё вся эта шпана одета в кожу с цепями, их волосы раскрашены, и вообще они нефоры.

Писатели живут в непрерывном контакте с музой, полностью оторваны от суеты и ежесекундно выдают необыкновенные мысли. Докапываются до недостижимой для обывателя глубины. За что издатели наперебой предлагают им крупные гонорары. Сам писатель в это время творит в порыве вдохновения за пишущей машинкой, а издатели находят его сами. Разумеется, случайные пассажиры просто благоговеют.

Существуют наркотики, которыми завтракают рок-звёзды и от которых простой человек умирает.

Бандиты могут дать исчерпывающую информацию обо всём незаконном. Только спроси.

Девушки из «Плейбоя» не срут.

В Голливуде люди божественно красивы, их жизнь — нескончаемый карнавал. Нет, там не живут разносчики пиццы.

Стоит стать взрослым — и ты знаешь решение любой проблемы. Даже если у тебя кончились деньги и ты уволился с работы — у тебя есть масса знакомых, с радостью предоставляющих тебе своё жильё со включённой едой и тачкой, которая у знакомого вторая и тупо стоит в гараже. Кстати, «мерс» купе.

Я был нормальный паренёк из 90-х, воспитанный американской культурой, которая на импорт. Я вырос с твёрдой верой в нереальную реальность.

Главное развлечение детства — синий вагончик с видаком и Брюсом Ли в деревне, где я проводил лето. Главный артефакт — фотка с фотки с фотки с постера «Кобры» Сталлоне.

А также Богдан Титомир, «МузОбоз», программа «А» с Sex Pistols в мои 14, 2 Unlimited, Nirvana и Ирвин Уэлш.

Я был полон уверенности, что обязательно встречу девушку, которая так же свободна духом, как и я, так же оторвана от земли и помешана на постоянной стимуляции нервов. Как в «Диких сердцах».

Я действительно верил в тотальную свободу, в безграничный мир, в «возможно всё».

Одно не вязалось: раз мир так прекрасен и жизнь так беззаботно легка — почему люди воют? Зачем режут вены? Ради чего рвутся в депутаты? Почему детектив постоянно занят всякой хуйнёй при своей космической невъебенности? Почему Бонни и Клайд попались на расстрел? Почему Джим, Курт и Дженис умерли в 27?

Я решил проверить всё сам:

Когда я впервые угнал машину, нам пришлось плутать дворами около двух часов, потом две недели не высовывать нос на улицу. И конечно, эта машина не была «Корветом». Это было корыто.

Когда я со своим другом попытался ограбить ларёк с пневматическим пистолетом, продавщица заорала настолько громко, что прибежали несколько здоровенных хачей и совершенно по-взрослому надавали нам по зубам, несмотря на то что мы были дети.

Девушка, с которой я испытал настоящую любовь, как мне казалось, и которой предложил совершить оторванное, полное

романтики кругосветное путешествие без денег, не согласилась съездить даже за сто километров от города, когда дошло до дела. Но каким азартом светились её глаза, когда мы обсуждали планы поездки в Амстердам!

Когда я, уверенный в своей силе и правоте, объяснил шпане их абсолютную неправоту — я оказался в больнице со множественными ножевыми ранениями. Год потом учился подниматься по лестнице. Хотя главному я уебал по всем законам жанра.

Протесты против учителей делают не бунтарём, а пацаном с синей от папиного ремня жопой.

Ударь в армии одного деда — и каждая твоя ночь превратится в пытку. Зато остальным духам будет спать спокойно.

Жизнь в медиа и жизнь в реальности — два совершенно разных мира. Жить как в кино — нереально. Я проверил.

Люди делятся на две категории — реальные и нереальные. Те герои, которых мы видим в кино — они вымышлены, пусть даже кино — документальное. Настоящую жизнь не показывают, её проживают.

Режиссёры, сценаристы, писатели, художники, поэты создают образы своей мечты. Они показывают нам только красивые стороны жизни.

Представь себе, как Бонда выворачивает в туалете. Не можешь? Я тоже не могу. Джеймс Бонд может выпить галлоны мартини, но блевать не будет.

Представь себе Элвиса, скрывающегося от банка, где он взял кредит. У него набежали жестокие проценты, и он не может их отдать. Он берёт другой кредит и пьёт, потому что его девушка бросила его. Она не верит в великое будущее рок-н-ролла, она верит в торговые палатки отца её нового парня.

Люди искусства создают тех, кем хотели бы быть, окружают их теми, кого хотели бы видеть вокруг себя. Герои — нереальны, их не существует и быть не может. Мы живём в мире, скованном законами.

То же самое — с воспоминаниями. Сейчас, через десять лет, я вспоминаю свою первую девушку. Я вспоминаю её идеальную фигуру, блеск её глаз, вспоминаю радость обладания ей. Я не вспоминаю о том, что так и не кончил, что волосатость у неё между ног была выше средней. Не вспоминаю сильное желание пропердеться, не снятую футболку из-за пары прыщей на спине, которых я стеснялся.

Я педантично вырезал из воспоминаний некрасивые моменты, чтобы создать из реальной картинки идеальную. Идеальность куда приятнее реальности.

У каждого человека есть хоть пара совершенных воспоминаний. В финальной версии. В исходном варианте это обычные вещи, которые происходят с каждым.

Оригинал всегда обычен. Запись — всегда шедевр.

Что изменилось бы, если бы я знал сразу:

Детектив — обычный раздолбай, которого не берут на работу.

Бонни и Клайд — обычные узколобые преступники.

Сид Вишес — торчок, упакованный и проданный Малькольмом Маклареном.

Боло Йенга, Джеки Чана и Чака Норриса уделает обычный профессионал, проведя пару совсем не зрелищных, но рабочих ударов.

Фразу «Ты называешь это ударом?» лучше не говорить, а бить первым.

А вот ещё интересная штука насчёт реальности:

Миниатюра «Охуенный сценарий»

В школе ты просрёшь время на подростковость и разовьёшь только один навык: быть как все. Инст ты выберешь тот, где есть военная кафедра и слабый конкурс. Так что за следующие четыре-пять лет ты заработаешь специальность, по которой никогда не будешь работать. Твоя первая тачка будет ржавая «девятка». Ты поведёшься на дешёвые запчасти, но покупать их будешь каждый месяц. Твоя институтская подруга, на которой ты женишься, настоит на собственном жилье под предлогом «пора взрослеть». Ты возьмёшь ипотеку. Для ипотеки нужна стабильность, так что ты выберешь работу со стабильностью. На стабильной работе платят мало. Гораздо меньше, чем, как тебе кажется, ты стоишь, но если ты прокрутишь в голове историю своей жизни объективно, то поймёшь, что платят адекватно стоимости. После первого ребёнка твою жену разнесёт, в лайт-версии — только жопу, в хард — всё остальное тоже. Семь-восемь лет брака — и она больше не такая милая, а ты не такой смелый. Вы обычные мужланы, над которыми вы же оба ржали в школе, а в инсте говорили: «Мы же никогда такими не станем». К 35 стали. Ты понимаешь, что теперь у тебя двое, они пошли в школу, им нужна стабильность. Даже понимая, что что-то пошло не так, ты не станешь это менять — на тебе дохуя ответственности. Твоё мнение есть только внутри тебя, снаружи ты делаешь то, что говорит жена, а она говорит то, что подсказывает ей её мать. Единственное, что у тебя остаётся личного — футбол. Смотреть, не играть. Если разрешает жена. Так ты существуешь до старости, а потом умираешь.

Сейчас мне 27, мои друзья понаженились на институтских подругах, набрали ипотек и кредитных корейских «внедорожников», все работают на стабильных работах. А в школе казалось...

К этому сценарию готовили меня родители. Он популярный, реальный, так у всех. В то же время мои идеалы оказались нереальными. В итоге у меня есть реальный охуенный сценарий и выдуманный кем-то мир, в котором я хотел бы жить. То есть первое — просто дерьмо, а второе — невозможно.

Что было бы, если бы я сразу всё это знал?

Думаю, как минимум — я чувствовал бы себя наёбанным. А как максимум — покончил бы с собой.

Москва...

Когда я ехал сюда, то считал, что именно она реализует мои амбиции.

Это звучит смешно для местных и абсолютно адекватно для тех, кто никогда здесь не жил. Настолько адекватно, что у тех, кто прожил в Москве пару лет, есть шутка про приехавших к ним в гости провинциалов:

— Он думает, что каждому тут прям на вокзале дают чемодан денег.

Это очень известная шутка про чемодан денег. Потому что когда ты прожил в Москве пару лет, к тебе приехал твой приятель из не-Москвы и увидел твой быт, он сильно удивляется: «Ты чем всё это время занимался?»

Потому что на вопрос про «пожить» ты говоришь ему:

— Знаешь, я снимаю комнату, и квартирная хозяйка тебя не пустит.

А когда он спрашивает про работу, ты говоришь ему:

— Зайди на Работа.ру.

А он и правда считает, что у тебя гора связей и ты живёшь в пентхаусе, как и показывают в российских фильмах. В этих фильмах же все даже самые захудалые герои живут в пентхаусах.

Когда ты едешь в Москву, ты думаешь: ну вот, дело сделано, осталось получить своё признание и чемодан денег из рук стоящих на коленях моделей из «Максима».

Тем более если ты писатель, которому мама сказала:

— Сынок, ты гений!

Это я про себя. Это мне так сказала мама. Это я в Набережных Челнах был самым продвинутым парнем во дворе, меня любили самые кайфовые тёлки на районе. Это я сделал на пустом месте панк-группу в Перми, жил в двушке в центре, одной из комнат которой пользовался всего раз — потрахать подругу для разнообразия. Потому что всё время тусовался по интересным местам с интересными людьми и редко бывал в этой квартире.

И это я прожил в Москве четыре года, работая барменом, живя в съёмной комнате, куда невозможно привести бабу потрахаться, и постепенно понимая: я ничего никогда не добыю.

Я ехал в Москву со стойким ощущением того, что просто послав в издательство свой первый роман, я очень быстро получу полное удовлетворение своих амбиций — толпы фанатов, миллионные тиражи, встречи с читателями с очередями за автографом, приглашение к президенту посоветоваться о судьбах народа, дружба с известными и влиятельными, лучшие бары, кокс, фотомодели.

И первое время Москва удовлетворила парочку моих хотелок. Дала мне тест-драйв мечты: работа в лучшем баре, конечно же временная, конечно же для вдохновения. Контракт на издание. И всё. На этом всё завершилось.

Помню, я сидел у школьной подруги Ольги в Перово на кровати и писал свой первый роман в тетрадь. Да, я тогда был очень аналоговым. Точнее, не аналоговым, а не привязанным к вещам. Тогда мне не требовалось уходить в альтернативную реальность типа компьютерных игр, чтобы реализовать свой потенциал, его реализация происходила со мной в реале. Я сидел, писал роман, битком полный вдохновения, и предвкушал триумф.

Потом я купил ноутбук, набрал на нём роман, вальяжно выбрал пять издательств по самым красивым книжкам из магазина «Буква» на «Парке Победы», послал и... В один прекрасный вечер я сидел в баре «Стойка», пил, наблюдал за людьми, как настоящий писатель. И получил звонок от моего первого издателя Анатолия Розовского. Он же Тосс — мужик, которого очень любят российские бабы. Связь была никакой, и он попросил связаться по стационарному телефону, а такой был на съёмной хате. Я продиктовал номер, договорился на созвон через час, быстро собрался и бегом рванул с Таганки на «Войковскую», где тогда жил.

Я бежал до метро, бежал по переходам внутри метро, потом от метро до дома и понимал: вот оно! Случилось! Как я и ожидал. Москва даёт мне всё!

Я реально тогда чувствовал, что всё это очень правильно. Что мама назвала меня гением, каждое дело у меня всегда получалось, я ехал в Москву издаваться и купаться в славе, и только я закончил свой первый роман — слава стучится ко мне в дверь.

Там, на съёмной хате, Тосс позвонил мне, я сидел в туалете с проводным телефоном на полу и слышал в трубку: «Это бомба!» В туалете — потому что меня переполняли эмоции, я хотел курить, а на съёмной хате курить можно было только в туалете.

Он говорил:

— Илья, твой роман выстрелит! Это бомба! У него все шансы стать бестселлером. Удивительно, что тебе всего 23!

Как я тогда кайфовал!

Сработало. Захотел — получил. С первого раза. С первого романа.

Он так и написал на обложке: «„Жестяная карусель“ — бомба, которая должна взорваться».

Потом мы несколько раз встречались в будничных кафе, где он буднично вёл будничные разговоры об условиях контракта, роялти — жалких 7%, корректуре, редактуре, о том, что шансы на успех велики, но впереди куча работы, и не факт, что книга взорвёт рынок.

А я сидел и думал, что тут какая-то ошибка. Где модные клубы, где каждый хочет со мной познакомиться, где деньги и спорткары, где модели из «Плейбоя»?

Дальше было только хуже.

Началась редактура. Я ходил по холодной зиме к редактору Маргарите Рюриковой, думая только об одном: ну вот, скоро слава. Скоро она придёт. Только отредактируем — и...

Мы очень много работали над текстом. Я не понимал зачем — ведь этот текст издаёт Тосс, он сказал, что это бомба. Огромное количество работы. Там была создана лишняя линия Руслана, добавлена масса нетипичной для меня в то время самоиронии. В итоге роман стал совсем не тем, чем он был.

Потом была корректура, где корректор понаисправляла мои «блять» на «блядь», а потом вернула обратно потому что я объяснил смысл «ть» на конце вместо «дь». Хотя могла бы и сама догадаться: Блять это восклицание, а Блядь это баба, ебущаяся с кем попало.

Потом вёрстка, издание — и вот, через год я вижу обложку на одном из десяти моих экземпляров.

Абсолютно бессмысленная картинка, кислотный бэкграунд, убудочный шрифт, никакого стиля, глянец снаружи и туалетная бумага внутри. А спереди надпись: «„Жестяная карусель“ — это бомба, которая должна взорваться». И у меня десять копий этой штуки.

И всё же я был немного счастлив. Мой первый роман выпущен.

Первый день выхода на полки я провёл, стоя в книжном «Москва» на Тверской и глядя на свою книгу.

А потом оказалось, что роман не продаётся.

И в общем-то, издающийся писатель отличается от простого бармена только тем, что у него есть изданная книга.

Это было очень больно. Заоблачный взлёт на ожиданиях и сокрушительный полёт на самое дно бездны реальности, в которой твои ожидания — только фантазия.

Бармен, живущий в съёмной комнате, куда нельзя даже привести бабу.

Помню, ездил тогда в Челны на Новый год, привёз роман маме, папе, сестре, Цурику. Цурик потащил меня в клуб с тёлками, которым представил:

— Илья, московский писатель.

Тёлки потекли.

После клуба у меня дома Цурик показывал пьяному Паштету свой экземпляр «Жестяной карусели» с автографом, а пьяный Паштет пнул мою книгу со словами:

— Да что он там написал!

Потому что пьяному Паштету было неприятно осознавать, что не он, а я добился успеха.

Паштет не понимал реальность. И Цурик не понимал. Они все думали, что я теперь полубог. И на мои истории про то, что издание ничего не значит, задумчиво молчали. Они не верили. Они думали,

что я просто какой-то запредельный настолько, что даже целая изданная книга для меня ничего не значит.

А она и правда не значит. Ничего.

Руководитель отдела по продаже ВАЗов в Челнах — влиятельнее издаваемого писателя в Москве. И Цурик об этом, возможно, никогда не узнает. Никогда он не скажет тёлкам: «Я руководитель отдела по продаже ВАЗов», он скажет: «Илья — московский писатель». И они потекут.

Когда я ещё писал «Карусель», я познакомился в «Распутине» с чуваком, который лично знал Павла Тетерского. Человека, которого такие, как я, знают под ником Собакка. Автора «Больше Бена». Я взял у этого типа личный номер Собакки и позвонил. Когда-то, когда я учился в меде, я считал Тетерского полубогом. Тут я разговаривал с ним по телефону, и он сказал мне:

— Писатель — это ничто. Всем на тебя насрать. И на то, что ты написал.

Я не верил ему. Я спрашивал про модели, модных друзей, крутые тусовки, деньги.

А он говорил, что всего этого нет. И это говорил человек, книге которого было посвящено несколько номеров «Птюча»!

Теперь я знаю сам: книга — ничто, издание — ничто, реальность — дерьмо, Москва не меняет ничего, всем на тебя насрать. А главное — впереди пусто, там нет твоего успеха. И для реальности ты сам — пустота.

Курт Кобейн, Джимми Моррисон, Дженис Джоплин умерли в 27. Виктор Цой — в 28. Есенин — в 30, Иэн Кёртис — в 23. А дальше — длинный-предлинный список тех, кто жил быстро и умер молодым.

Когда мне было 17, я думал: как так, они добились большего, чем другие, они реализованы и обожаемы — зачем?

Сегодня у меня нет этих вопросов.

Когда-то я не знал, что такое больные зубы, одышка и трескающиеся пятки. Я мог запросто проснуться, встретиться с пацанами во дворе и побежать на спортплощадку, чтобы чувствовать себя кем-то вроде Брюса Ли. Потом позавтракать и пойти в школу.

Когда-то я не знал, что такое врачи, которые ставят пломбы, выпадающие через месяц, и вырывают зубы, сворачивая челюсть. Так, что месяц потом питаешься через трубочку. Я правда был уверен, что врач лечит, а учитель учит.

Когда-то я много чего не знал:

Что я не могу ударить унижающего меня препода или начальника без последствий. Да что там начальника — просто пацана с улицы, который меня оскорбил. Потому что даже если ты невъебенно прав, а друзей у этого пацана больше, ты будешь втоптан в грязь. Да, когда-то я реально не знал, что решает не правда, а сила. Я прям по-настоящему верил, что правда вообще существует, что истина есть и она объективна.

Когда-то я считал, что в мире так много непознанного, интересного, захватывающего. Я и представить не мог, что каждый следующий город будет похож на предыдущий, почти каждый встреченный человек будет копией всех встреченных ранее. И что отличать их всех друг от друга будут только названия хобби, имена, наличие или отсутствие общего списка привычек. Внутренний мир в них будет один и тот же, и в целом, чтобы узнать что-то о людях, достаточно будет пожить рядом с десятерыми.

Ведь когда-то я правда считал, что впереди огромный удивительный мир и каждый день будет полон открытий. Я

и представить себе не мог, что реальность — это выживание.

А самое главное — я верил, что могу всё изменить. На самом деле не могу изменить даже хоть что-то.

Однажды я пришёл в школу с накрашенными губами и клипсой на ухе. Это было какое-то кольцо, и на него я повесил католическое распятие. Был примерно 97-й. Я сделал так в качестве протеста околобандитской культуре, царившей в моей школе в то время. Я никогда не поддерживал пидоров, все эти ЛГБТ мне всегда были до барабана. Но меня дико раздражало, что мир внутри меня раскрашен красками, в нём допустимо абсолютно всё, а все мои одноклассники побриты наголо, половина ходит в зоновских фуфайках, вторая половина — в спорткостюмах. Я думал, что все начнут смотреть на вещи иначе. Какой дурак! Какой наивный! Не то что все, а вообще никто даже на секунду не задумался о том, что мир не такой, каким он видит его ежедневно. Вся школа собралась вокруг меня толпой, орала и улюлюкала. Они называли меня дебилом, долбоёбом, сумасшедшим и ходили за мной по школе, пока кто-то из учителей не отправил меня домой. А меня до сих пор поражает, насколько примитивно общество, насколько не приемлет оно инакомыслия. Для них любое отклонение от узкой нормы — system error. Для меня социум, счастливо живущий меж узких рамок — system error.

Я даже не подозревал раньше, что наступит тот день, когда я пойму: лучше не станет, будет только хуже. Организм начнёт медленно умирать, ничего нового не будет происходить ежедневно, я закроюсь от мира, потому что он закрыт от меня, и в результате смысл жизни будет потерян окончательно. В моей голове потерян, в реальности его никогда и не было.

Взрослость.

Это дерьмо называется взрослость. Состояние, когда развитие остановилось и каждый день ты что-то теряешь — здоровье, нервные клетки, знания, желания. Но ты уже так разросся, что каждый день нужно тащить себя. Своё тело, свой быт, свой социальный статус. Нужно поддерживать организм функционирующим, одежду — опрятной. Мыть плиту и пол, ходить в магазин за продуктами, готовить еду, покупать запчасти и быть наёбанным в автосервисе, работать ради денег, здороваться с соседями. Тысячи ежедневных обязанностей.

А хочется одного — делать то, чего никогда не делал, пробовать, развиваться, находить новое, испытывать стояк к жизни. И именно для этого одного в дне не остаётся времени.

Пик силы, возможностей, восторженности жизнью, веры в мир и людей, уверенности, что ты можешь всё — звучит как нечто очень классное. Пик. К сожалению, это значит, что дальше — только спуск. Только угасание всего, ради чего стоит жить. Медленная мучительная смерть тела, идеалов, возможностей.

Где-то в области 27 наступает этот пик, рубеж, начиная с которого ты каждый день умираешь и вынужден каждый день работать над тем, чтобы жизнь продолжалась. Просто продолжалась. При этом ты понимаешь, что лучшее, что ты можешь сделать, никем не будет принято.

И это самое разрушительное. Чем старше становишься, тем меньше ресурсов остаётся, и каждый день забирает физические силы, которые до пика в тебе зрели. Чем меньше сил жить, тем тяжелее, тем сильнее должен быть смысл. При этом каждый день веры во что-то позитивное становится всё меньше. И от этого ещё сложнее становится найти стимул жить дальше.

Нет смысла умирать в палате под стоны и хрипы безнадежно больных.

Взрослость — это состояние сознания, в котором ты наблюдаешь, как камень катится с горы вниз, и понимаешь: когда он достигнет низины, ты снова потащишь его на вершину.

Впервые в жизни мне сказали «ты взрослый» в ситуации, когда мои родители хотели, чтобы за поступок отвечал только я. Нужно было что-то сделать, родители не хотели отвечать за последствия, а «ты уже взрослый». Мне тогда было четыре, и уже в этом возрасте я возненавидел понятие «взрослый» как нечто порабощающее, угнетающее и неизбежное. Порабощение с угнетением — хрен с ним, но неизбежность, невозможность изменить делали понятие «взрослость» чем-то максимально ненавистным. Нельзя избежать, нарушить, сломать, обойти, не обращать внимания. Вот тебе кол в задницу, живи с этим. А через год мы принесём тебе ещё один. И так каждый год.

И в рот бы ебать ответственность и рефлексю. От них возможно избавиться — плюнуть на ответственность, плюнуть на рефлексю — и их нет. Просто вынуть их своего самосознания и выбросить.

Но в пиковом возрасте тело начнёт медленно разрушаться, а мир останется всё таким же ублюдочным. Только если раньше ты мог брать от него всё, что вздумается, не оглядываясь на последствия, то теперь нужно ещё и тащить своё тлеющее тело.

Заниматься спортом, пить БАДы и не пить алкоголь, ложиться рано, вставать рано, есть супы и каши, когда хочется мяса. Эта туша разлагающейся плоти с каждым годом всё тяжелее, ей нужно всё больше внимания.

Я не могу больше позволить себе детскость в полной мере. А какая жизнь может быть без инфантильности? Без возможности ошибаться хоть тысячу раз, ставя безрассудные эксперименты над чем угодно. Детскость — это желание делать, пробовать, открывать новое, создавать несозданное. Это страсть жить.

Всё, я больше не могу быть безрассудным, делать, не думая о последствиях, делать как хочется и быть тем самым собой. Каждый жизненный ресурс, которым я владею, неуклонно идёт на убыль каждый день, каждую секунду. Я не могу больше позволить себе эксперименты, необдуманные поступки и инфантильность. Детскость.

Когда-то я ехал в деревню к бабушке, зная, что там может произойти чудо. Когда-то с теми же ожиданиями шёл на рок-концерт. Когда-то я заходил в кабинет к местному депутату с демо моей рок-группы, считая, что этот чел может стать социальным лифтом в моей музыкальной карьере. Когда-то я послал свой первый роман в пять издательств и, как чумной, бежал к телефону, когда книгой заинтересовались.

Нет чуда.

Его нет. Чудом кажется всё то приятное, что пробуешь впервые. Когда ты толком ничего не пробовал, очень просто получить кусочек сказки: поел мороженое впервые — счастлив. А что делать, когда перепробовал уже все простые источники счастья?

Я вбухал год жизни, чтобы моя первая книга вышла тиражом 5 000 экземпляров в убудочной обложке. Сколько мне нужно потратить ресурсов, чтобы она стала популярной? И станет ли вообще? Ведь я затрагиваю темы, которые интересны лишь узкому кругу. Потому что весь мир интересуется Чемпионатом мира по футболу, мультиплеер в компьютерных играх и как Иванов ебал Петрову, пока оба они снимались в сериале «Заговор конской залупы».

В 20 я считал, что всё могу изменить, что могу повернуть жизнь как угодно. В 27 я знаю, что это не так. Потому что моя жизнь неразрывно связана с людьми. А люди не хотят ничего менять, пробовать новое, быть нешаблонными и вести себя естественно с нешаблонными людьми.

Сегодня я заметил выступающие вены на левой ноге, около месяца назад я ходил чиниться к зубному. А что будет через 10 лет с моим телом? Что — через 20? Каким моё тело будет в 50? Неужели я так же буду сидеть на таблетках и травяных чаях? Неужели я буду тусоваться в очередях к доктору, морщинистый и седой? Или, как мудака из «Последнего танго в Париже», буду подтягиваться каждый день, только чтобы поддерживать свои угасающие чресла в рабочем состоянии? И подтягиваясь, смотреть на себя со стороны глазами Марлона Брандо, взглядом, полным презрения.

Что дальше станет с моей верой в человечество, если я уже в него не верю?

Какие новые стороны может показать мне жизнь?

Десять лет назад я открывал целый новый мир, переезжая в Пермь. Москва стала привычной за две недели. А дальше? Нью-Йорк — за час и Сидней — за пять минут?

Станет лучше...

Вот уже 27 лет как я активно двигаюсь к этому «лучше». Не стало. Станет ли?

Курт добился всего и застрелился.

«Я слишком странный угрюмый ребёнок» — эти слова из предсмертной записки Курта Кобейна мне очень подходят. Лучше быть мёртвым, чем взрослым.

Мне 27. Я выбираю смерть.

3 сентября

Ну вот, мой последний город. Набережные Челны.

Когда-то мне было очень приятно переехать в Пермь, потому что он был больше Челнов и в принципе не был Челнами. Мне нравилось поехать в Елабугу, Альметьевск, Чебоксары, Казань, Анапу и кучу других городов. Я был рад служить на Дальнем Востоке, в совершенно другой, как мне тогда казалось, культуре. По кайфу ехал в Геленджик работать и оттуда по кайфу обратно. Нравилось переехать в Москву. Из неё — в СПб и обратно в Мск.

Я испытываю много эмоций от поездов, трепетно отношусь к дороге. К тупо физической автомобильной дороге между городами. Сам процесс переезда прочно ассоциируется у меня с полноценностью, постоянным ростом, возможностями. Я охуенно люблю переезжать.

Больше переездов не будет.

Этот — мой последний. Физический последний. Потому что через какое-то время я навсегда покину этот мир и перееду в другой.

У меня будет совсем другое путешествие. Туда, где всё настоящее. Где нет фальши, глупости, ложных ценностей, пустой траты времени, бессмысленных смыслов. Переезд в правильное место, полное реальных возможностей.

4 сентября

Утро. Прохладно. Светло. Свежо.

Я лежу на своей прикольной кровати.

Прикольная не в смысле «смешная — обожаться». А в смысле — на ней было много занимательного. На ней я вдул Наде в задницу на утро Нового 2006 года. Потом, когда струя осела у неё в кишке, она взволнованно вытирала зад салфетками. Потому что струя осела неплотно. На ней Вика брала у меня в рот, прикрывая лицо волосами. Как будто я через хуй не чувствовал, что она это делает, и как будто она такого не делает в принципе. На этой кровати я пытался взломать одну мелкую татарку. Мелкую в смысле возраста, рост у неё был в самый раз. Она так волновалась, что вся покрылась гусиной кожей, потела и пердела. А ещё активно ёрзала. Как будто специально, чтобы я не попал в неё. Несмотря на то что я попадал, несмотря ни на что, вдуть так и не получилось — она так сжалась, что даже палец не входил. Я выдавил ей в пизду вазелина из тюбика, и это тоже не помогло. Эта девочка уж сильно переволновалась. А я предлагал ей выпить.

На этой кровати я лежал вечерами с закрытой дверью и выключенным светом и слушал «Ежи и Петруччо». Этот диск я нашёл в «Оскаре», в стоковой груде «Всё по 50». Совсем уж незаслуженно он оказался в той корзине.

Около месяца вечерами я лежал в темноте, за закрытой дверью, горели китайские благовония, и я просто слушал «Ежи и Петруччо».

Иногда ко мне приходила Белоногова. Она лежала рядом, и мы вдвоём слушали «Ежи и Петруччо». Но с ней медитация не получалась. Она сразу начинала трогать, прижиматься, и вечер

транса переходил в обычную еблю. Хотя нет, не совсем обычную. Она шпилилась как-то самоотверженно, с изображением подвига на лице. Она делала это как революцию, как на плакат. И на её животе прорисовывались кубики, которые она заработала плаванием.

В один из визитов Белоноговой мой батёк заценил, как мы трахаемся на этой кровати. Я, как обычно, тогда приставил к двери банкетку, включил прикольный музон. Мы шпилимся, Наташа сверху, без одеяла, конечно. И тут звонит какая-то другая моя деваха. Батёк лезет в комнату и что-то там ласковым голосом: «Илюша, Илюша, тебе звонят». Он знает, что мы ебёмся. И его голос — прямо олицетворение радости предвкушения зрелища. Он прямо из всех сил хочет посмотреть. Я сразу, громко, резко кричу ему: «Батя, не заходи!» Вообще-то, мне насрать, что он увидит, я себя не стыжусь. Но Белоногова приличная, будет стесняться потом. Короче, кричу ему, дверь прям рядом, так что слышно меня отлично. Батьку похуй, он, блять, лезет. Банкетка стоит прочно, но батёк лезет настойчиво — и вот, уже появляется щель в двери. Белоногова побелела, очкует, сидит на мне и не двигается. Я ей говорю: «Да не очкуй, банкетка стоит плотно». Оказывается, недостаточно плотно. Оказывается, батьку настолько сильно хотелось посмотреть, что он, наверное, даже выломал бы дверь тогда. Короче, на пару секунд он вроде успокаивается. Белоногова приходит в себя, продолжаем. И резко дверь открывается. Как будто батёк её пнул. И вуаля — папа, ты получил бесплатное порно, которое так стремился увидеть. Белоногова, корочная, говорит: «Здравствуйте». Батёк говорит: «Извините, я не знал». И посмотрев ещё немного, уёбывает. Но Белоногова — молодец, первые пару дней пообламывалась, а потом вела себя независимо. Люблю в ней это умение.

На этой кровати Олегодруг на моих проводах пытался взломать мою сестричку. На нём был гипс, и он не смог надеть презерватив. Не потому что гипс, а потому что долбоёб. Это надо же быть настолько дебилом, чтобы не смочь надеть гандон. Вот же олень, в натуре. А гипс был на ноге. С другой стороны, это надо же отморозить такое — дать Олегу. Сестричка отколола так отколола.

Тут я вдувал одной прикольной пилотке, которую уже не помню, как зовут. Но отлично запомнил вот что: она пиздой вытворяла такое, чего не выразишь рукой. Я просто погрузил в неё хуй, и необходимость делать что-то дальше отпала, благодаря её таланту. Кроме этой девочки, я ни у кого не встречал ничего подобного. Она мышцами, не двигаясь и даже не корча ебало, сжимала, засасывала, выталкивала, крутила. И делала это в порядке вещей. Как будто все так умеют.

Прикол в том, что эту цыпу обхаживал один тип. Звали его вроде Жуковский. Ну, он так себя называл, типа никнейм. Этого типка я впервые увидел у Шимпа. Шимп — тоже тот ещё псих. Как-то раз зависли у него с бабёнками, одну шпилил Цурик, другую должен был шпилить я, но я съехал, так как она была училка и вообще какая-то тусклая. Короче, Шимп разделся до трусов, чтобы она ему дала. А она даже не обратила на него внимания. Псих. Наутро после этого мы у него завтракали несолёной овсянкой на воде, потому что безумец Шимп был непьющий, не употребляющий соль веган и вообще пёрся от такой овсянки. Короче, точим это дерьмо, заходит здоровый хуй в очках. И стоит в прихожей. Потом он начал нести какие-то ему одному понятные шутки в мой адрес. Из чего я заключил, что парень не в себе. Мы же даже знакомы не были.

Потом мой сосед Артур знакомит меня с этой цацой — пёздной виртуозкой. Он к ней подкатывал, но она ему не раздалась. А потом я провожаю эту деваху до дома, и у самого её подъезда стоит

Жуковский с цветами. Зачем? Почему? В чём приколы? Он ждёт её. Вот это корки. Этот долбоёб ждёт деваху, которую я отжарил на первом свидании. Он сочиняет ей стихи, носит цветы. А она вытворяет с моим хуем такое, что другим бабам и не снилось. У меня просто в голове не укладывается, зачем в принципе бабам носить цветы и сочинять стихи. А ещё более не укладывается — зачем это делать, ни разу не вдув, даже без намёка на вдув. Это же надо быть настолько пиздострадальцем.

Потом он где-то нашёл мой номер телефона, звонит и давай рассказывать, что он ФСБшник, что он умеет убивать, что он меня убьёт, посадит, и всё такое. Причём чел физически и по поведению в натуре похож на образ. Это не какой-то дрищ. Он крепкий, нормально одетый парень. В своё время он создал проблем Паштету, а Паштет — нормальный типок. Так что этот Жуковский по всем параметрам не пальцем деланный пазик. Но он несёт в трубку всю эту ахинею про ФСБ. А я чисто ради корок рассказал ему, что она умеет делать пиписькой. Бля, вот он тогда разошёлся. Вот это были первоклассные корки. Короче, она ему так и не дала, и знает он о её способностях только из рассказа.

Что-то много всего интересного у меня уходит корнями в еблю. Я, по ходу, помешан на этом.

5 сентября

Иду в магаз.

После Москвы Челны кажутся вымершим городом.

День, на улице ноль людей. Машины не ездят. Только пара татарских бабок сидит у одного из подъездов, обсуждая на русско-татарском какую-то бабкинскую хуйню:

— Мин буген рынок барасын. Картошка, морковь, укроп сатып алу.

Это русско-татарский. Единственно возможный вариант татарского языка. В Татарстане никто не разговаривает на татарском, а вот это сочетание очень популярно. Татары не знают татарского. И русского тоже не знают.

Помню, в школе учительница русского, татарка, учила меня правилам русского языка, а я объяснял ей, что вместо «ты ошибка писать» надо говорить «ты написал с ошибками». И она ставила мне двойки. Собственно, вся учёба.

Тишина даже рядом со школой. То ли у них каникулы, то ли все умерли. Мёртвые дети в школе. Крипота.

В магазине тишь да гладь. У входа местные алкоты. Парочка. С чекушками. То ли водка, то ли детские слёзы.

Из этого магазина я, Олег и Цурик однажды съebuли сумочку продавщицы. Чуть позже потом у этого же магазина встречались с дяханом, которому продавали документы, спиженные из машины его друга. На «Н» как-то фамилия. Назибуллин, Назауллин, Назитдинов. Хуй знает. Короче, ночью обчищали тачки и нашли в бардачке целую стопку документов. Потом в газете «Челны ЛТД» появилось объявление, что чел ищет документы. Позвонили через

тряпку, нам тогда было что-то очень мало. Шестой или седьмой класс. Забились у этого магазина. Мы с Цуриком стояли в безопасном месте, а Олегодруга послали на сделку. Охуели тогда от того, что этот мужик отдал деньги без вопросов. Но Олег, один хуй, тупой. Таких пизды мог поймать.

Нафиков! Того чела фамилия Нафиков.

Потом в этом же магазине, когда это стал не магазин, а ночной клуб, я проходил стажировку поваром. Когда восстанавливался после ножевых, делать было нехуй, и мама сказала, что лишняя профессия не помешает. Я тогда был овощ почти, и мне как раз было в тему тупо сидеть на курсах и изучать куличики. Из этого клуба шеф-повар потом позвал меня в «Бона Фиде» делать пиццу, откуда я, полюбив итальянскую кухню, поехал в Москву — работать у Сергея Ключанского. А стал барменом. В первую же, блять, неделю. Полгода копил на это, приехал и резко изменил курс.

В этот магаз я в детстве мечтал сделать подкоп, чтобы набрать бесплатных конфет.

Сегодня захожу в магаз, и здравствуйте:

На прилавок обвисает куча. Болезненно покрасневшая, покрытая густым слоем белил поверх оспяных рытвин, жирная куча лица. Между ней и прилавком — то, что биологически называется руки, физически — скорее тухлые рульки, разлагающиеся прямо сейчас от отсутствия в суставах хрящей, в коже — коллагена и в целом — нормальных условий эксплуатации. На эту штуковину надета тряпка из китайских химических отходов, которую эта хуйня называет «блузка». На голове сало с жидкими остатками выжженных краской по полрубля пачка волос, в которых кусочек ядовитого пластика создаёт то, что это называет «причёска». В борцовских варениках, которые изначально назывались «уши» — фрагменты крашеного

алюминия, для украшения. И в целом в эту кучу те двое алкотов с радостью бы засунули.

Причём строго в один смычок. Потому что нихуя себе, я вам не шалава.

Меня повергло в транс.

Слово «повергло» тут не для красоты. Оно именно объясняет глубину эффекта. Я повержен.

Я стою в беличьем трансе, и всё во мне остановлено.

Кто-то запускает ракеты в космос, на последние деньги создавая коммерческие космические рейсы. Кто-то выжимает и пьёт воду из слоновьева говна, доказывая, что выжить возможно в любых условиях. Кто-то продолжает расщеплять атом, когда все остальные считают, что хуй расщепишь дальше. Кто-то не берёт миллион долларов за открытие, потому что считает, что труды, лёгшие в основу открытия и созданные другими авторами, должны быть вознаграждены больше. Я хочу умереть, понимая, что все мои стремления — это бухло и ебля только чтобы занять себя чем-то.

А эта штукавина просто смотрит вперёд, обвисая гнилой тушей на прилавок. В ней нет мыслей. Ни высоких, ни низких — никаких. Нет рефлексии, желания менять или меняться, потребности в знании или стремления к незнанию. В ней есть только то, что есть — изваяние.

Это гипнотизирует.

— Чё надо?

— Ничё, ёбта. Соси хуй.

Ухожу.

8 сентября

Возле соседнего подъезда постоянно сидят бесцельные люди. Это группа людей разного возраста, объединённые стилем жизни — бесцельным. И оправдание этого стиля жизни:

— Я нормальный пацан.

Вроде как «базару ноль, я ничем не занят, но я нормальный пацан».

Большинство из них сидело в тюрьме за то, за что обычные люди не сидят. Например, за пизды, вломленные максимально левому телу максимально глупым способом. Например, по пьяни или потому что: «А почему у тебя волосы длинные? У всех пацанов короткие, а у тебя длинные». Или за воровство какой-нибудь вещи, на которую можно заработать за неделю, купить и продолжать жить на свободе.

Все они отлично знают такие слова, как «петух», «лох», «чёрт», «авторитет», «ништяк».

Кстати о ништяках. В России извращена трактовка этого слова. В России ништяк — это еда. В Татарстане всё правильно: ништяк — это фрагмент бабской плоти между дыркой пизды и дыркой жопы. Ну так, к сведению.

Эти парни и дяханы целыми днями сидят возле подъезда и обсуждают очень важные вещи: насколько обвисли сиськи у какой-нибудь низкопробной дуры со двора, которая в их кругу считается «нормальной девчонкой», поскольку такая же бесцельная. «Лада» как автомобиль, и её несомненные достоинства перед отсутствием автомобиля. Классифицирование прохожих на «чертей», «козлов» и «братанов».

Целыми. Днями.

Они сидят у подъезда и прожигают жизнь секунда за секундой.

Физически они в порядке. Есть здоровье, могут вломить пизды, подвешен язык. Но им некуда себя применить. Физическая работа им не по понятиям. Для умственной нет ума. Делать бизнес не могут, но называют это:

— Э, я чё, фраер?

Я называю такой тип людей «плесень».

Плесень — это не только дяханы, выросшие на приподъездную скамейку. Плесень — это и выросшие на кассу друзья кассирши. И часами выбирающие стиральный порошок посетители магазина. И школьные учителя, с огромным энтузиазмом пьющие чай в учительской и со злостью «учащие» учеников.

Плесень — это всё то, что застряло где-то в физической точке, ничего не производит, ни к чему не стремится, а просто существует, налипнув. На учительскую, на скамейку, на полку в магазине, на цех на заводе.

Проходил сегодня мимо приподъездной плесени и услышал за спиной:

— Москвич.

Пренебрежительно.

Последний раз я слышал эту фразу в «Бона Фиде». Её сказал повар, с которым я работал. Тогда я собирался переезжать в Москву, чтобы издаваться, и откладывал на это деньги. Цурик тогда говорил ещё, что сначала надо издаться в Челнах, а потом уже пробовать Москву. Корки. В Челнах и издательства-то нет. Короче, собрался переезжать в Москву и, понятное дело, рассказал об этом поварам, с которыми работал. Их отношение резко поменялось. Внезапно я перестал быть своим и стал «москвичом».

Для плесени любое перемещение чуждо. Любое изменение условий обитания опасно. Если положить плесень на чистый стол,

она высохнет и умрёт.

19 сентября

Когда-то я мечтал стать рок-звездой.

Прям всерьёз.

Я сознательно связывал всю свою будущую жизнь с рок-сценой, концертами, фестивалями, записями, репетициями, игрой на инструментах, пением в микрофон. В слиянии с группой, публикой, организаторами. С энергией, которая содержит в себе все эти физические субстанции и пульсирует в такт играемой музыке.

Музыка никогда не была для меня только звуком, гитарами и людьми. Все эти внешние атрибуты есть инструменты извлечения и транслирования чистой энергии в разных формах: пучках, сгустках, вибрациях. А рок-концерт я понимал и понимаю как синхронное движение разнородных энергий, которые именно для этого и собрались в этом месте. Люди, которые пришли на концерт, музыканты, которые пришли и принесли с собой гитары, организаторы и само звуковое оборудование. И лидер группы – тот, кто создаёт направление. Поток, в котором движется вся эта масса.

Двигается ради самого движения, ради состояния. Ты не можешь объяснить, зачем ты идёшь на рок-концерт. Ради музыки? Ты можешь послушать её дома в более кайфовом качестве. Ради тусы? Тогда ты не будешь ждать «Металлику», ты пойдёшь на любой концерт. Ты идёшь на Prodigy ради того, чтобы на три-четыре часа слиться в сплошном энергетическом потоке, движущемся под управлением Лайама Хоулетта. Не ради чего, а потому что. Потому что эйфория, кайф, возвышенное состояние духа, которое необходимо для ощущения полноты жизни.

Поэтому же я так любил рок-концерты.

Поэтому же искренне не понимал людей, которые ходят на концерты пообщаться или выпить. Зачем? Зачем отказывать себе в нирване? Вливайся, это потрясает!

Поэтому же я никогда не понимал музыкантов, уделяющих внимание марке гитары, технике игры, в то время как духу, энергии эти же музыканты не уделяют внимание вообще.

Однажды ко мне в общежитие зашли пацаны, которые отлично играли. Это были мои новые знакомые, я позвал их, чтобы они помогли мне написать музыку. Эти парни смеялись над тем, как я играю. Они охуенно играли сами, у них были быстрые пальцы, профессиональная техника и чёткие инструменты. Но совсем не было духа. Мне было удивительно, почему так важно умение играть, если ты не заряжаешь. Один из них дал мне элементарный перебор. Я тогда сказал:

— Заебись. То, что нужно.

Он посмеялся надо мной, как над школьником, в духе: «Это же просто пример, это не перебор».

Я почувствовал, что этот перебор отлично заряжает, и сделал его центром песни. Через пару месяцев с этим перебором я выступал перед своим инстом, и зал был в экстазе. На том концерте были тонна позитива и публика, пульсирующая в такт этого «игрушечного» перебора.

Тот чел смеялся, что перебор простой и никудышный не техничный. А он выполнил свою миссию — зарядил поезд из людей в нужное направление.

Именно так я воспринимал рок-звёздность: лидерство над тысячами энергий, движущихся синхронно в этот момент в этом месте ради того, чтобы побыть счастливыми.

Для меня единственными рок-звёздами всегда были Nirvana, Doors, Sex Pistols. Я никогда не делил рок-звёзд на культовых

и обычных. Какие-нибудь «Ночные снайперы» я вообще никогда не признавал. Они же не управляют процессом! Они не ведут, не создают движение. У них кайфовые инструменты, у них всё организовано, билеты распроданы. Но после их концерта не останется ощущения, что произошло нечто великое. Эпохальное. Культовое — это такое событие, которого ты понимаешь, что не произойдёт больше никогда. Но это лучшее, на что ты мог потратить тот короткий отрезок своей жизни.

Как «Вудсток».

Он никогда не повторится. Несмотря на то что свободно можно организовать сейчас такое же. И делать это по сто раз в год: взять профессиональную технику, популярных рокеров, нагнать пиара. Свободно можно организовать «Вудсток», верно? Чисто технически.

Но он никогда не повторится. Потому что главное — не техника. А сильные энергии, собранные в одном месте в одно время. Энергии лидеров, ведущих процесс за собой, энергии публики, которые связывают это событие с глобальными переменами. Энергии организаторов, которые из всех сил надеются, что это всё изменит. И оно на самом деле меняет, пусть и не кардинально — оно даёт миру новое, расширяет границы реальности так, как ничто другое не может. Это — важно, остальное — атрибуты.

Я уверен, у них были дерьмовые по современным меркам микрофоны. Чисто технически Дженис и Джимми тогда звонко отсасывали у какого-нибудь «Би-2» сейчас.

Когда я хотел стать рок-звездой, то был уверен, что достаточно моей страсти. У меня и тексты были нацелены больше на передачу эмоций, чем на смысл или технику. Я писал припевы, которые слушались сердцем, чем-то внутренним. И которые мог спеть только я, потому что именно эти звуки лучше всего передавали ту энергетику, которую я хотел через них передать. Новую для других

людей энергетику, новые смыслы, моё уникальное чувствование мира.

Блять, ну было же достаточно Моррисону спеть «Убей отца, изнасилуй мать» с охуенной отдачей, чтобы начать записываться у парня, который пришёл на этот концерт и увидел эффект.

Я реально тогда верил в то, что мне достаточно проявлять харизму, которая есть во мне, давать миру новое, чтобы быть замеченным. А значит, и приглашённым в мир рок-музыки. Со всеми его концертами на стадионах, записями в студиях и платиновыми дисками.

Beatles так и играли бы по кабакам без Брайана Эпштейна. Sex Pistols спились бы к чёртовой матери без Малкольма Макларена. Джим Моррисон так и остался бы мечтателем без Пола Ротшильда.

Мир остался бы без Imagine, God Save the Queen и The End.

Дружище, брось всё и представь — мир остался бы без этих песен.

Я носил свои записи на концерты, рассылал в студии, продюсерам, выступал изредка где попало. Но меня никто в упор не замечал. В то время как публика отлично всё замечала на паре сраных концертов в дерьмовых залах, где я успел выступить до армии. На людей это действовало. Потому что только это и действует — дух, новое мироощущение. Не инструменты, не техника, не освещение и не бухло в баре. А харизма, которую ты раздаёшь без остатка.

Они все только смеялись. Все эти продюсеры, организаторы, звукорежиссёры и владельцы студий.

Ебать у тебя сырой звук, ебать у тебя дерьмовый микрофон. Да похуй! Похуй звук, похуй микрофон. Это не главное. Если есть флоу, остальное найдётся. Было бы ради чего искать.

Потом я пошёл в армию. Написал там тучу песен, несколько прям охуенных.

А когда вернулся, опять старая история — инструменты, техника, формат.

Потом надо работать, потом больница, и... И всё как-то ушло не туда. Да потому и ушло, что зачем делать рок, когда его качество измеряется качеством твоей гитары? Когда собираешь группу, а им важно то, как ты завываешь. Как ты правильно тянешь. Эта хуйня была и в Перми, в моей первой группе, и с теми пиздюками в Челнах. И с Ричи — челом, с которым я неформалил до инста, а потом пришёл после армии влиться к ним в группу вокалистом.

Если честно, и группа — хуйня. Можно было бы найти. Если бы я знал, что есть смысл. Что получится.

Но пока я шарахался в Перми по студиям, понял, что это бессмысленно. Достаточно посмотреть на российские группы — и сразу понятно: какой смысл? Ничего культового не делается. Ни одной группы, которая останется в памяти, ни одной песни, которая через двадцать лет будет трогать, как «Мы ждём перемен» или Smells Like Teen Spirit. У «Кирпичей» была потенция, но успешно похерена нашей музиндустрией и логичной потерей мотивации Васей Васиным. «Тараканы» до сих пор не в топах, хотя Спирин лезет из кожи вон.

Один-единственный Шнур, который, как исключение, только подтверждает правило.

Ебашить до последнего?

Я уверен, что если что-то должно произойти, оно обязательно произойдёт. Не бывает рокеров, замеченных на десятом году существования. Либо это происходит сразу, либо никогда.

Всем похуй. Никому не нужен Илья Чернецов, поющий «Болен алкоголем». Хотя песня охуенная. Я знаю это, потому что я весь

вибрирую, когда её пою. Это то, что нужно, самый рок. И он нахуй никому не нужен. Так что нахуй всю эту музыкальную движню. Лучше не быть, чем быть как все.

1 октября

В Челны приехала Эля.

Девчуля, с которой я встречался до отъезда в медакадемию в Пермь и пару месяцев перед армией.

Девчуля с самой классной пиздой из всех, которые у меня были. С мягкой, аккуратной, краснеющей пиздой. Пизда Альбины на втором месте. Она у неё тоже кайфовая. Но более упругая, спортивная. А у Эли — податливая, нежная. Эля — сама как пизда. Это мне в ней всегда нравилось больше всего. Трепетность. За её взгляд моя мама называла её оленёнком. Очень ей подходит. В ней всё мягкое, от тела до характера. Хотя после моей армии она изменилась. Но основные черты остались. Думаю, если бы осталось всё, я бы не хотел больше никого, кроме неё.

Мы сидим в кофейне, я ебашу эспрессо, она пьёт капучино. Я ебашу, она пьёт. Я хуярю один за другим, а она долбит одну чашку.

— Ты думал о будущем? — спрашивает она.

Ну да, скоро я убьюсь. Вот такое интересное будущее.

— Моя мама хочет с тобой встретиться, — говорит.

— Зачем?

— В последнее время она очень позитивно к тебе относится.

С чего бы? Эта старая татарка всегда меня не любила. Сколько я помню её мать, она всегда относилась ко мне как к насекомому. Хотя нет, не всегда. А начиная с того момента, когда её муж резко поднялся в бабках. До этого её мать относилась ко мне как к обычному парню.

Она знает о том, что я издаюсь, и считает, что это ебать-успех. Лол.

— Она хочет, чтобы я на тебе женился? А ты что об этом думаешь?

— Ну... Я думаю, что мне пора.

— Как так — «пора»?

— Возраст пришёл.

То есть шёл, шёл и пришёл.

Как так вообще может быть, что пришёл возраст жениться? Каждый сам хозяин своей судьбы. А не кто-то и не что-то. Возраст не решает, выходить тебе замуж или нет и выходить ли вообще когда-нибудь.

— Детей пора, — говорит.

Да как-то похуй вообще, что там пора. Прикинь, я могу вообще по своей воле отказаться от детей. Ты можешь себе представить? Нет, ты не можешь. Практически никто не может.

— Прикинь, если я не захочу детей, у меня их не будет. И я не буду чувствовать себя убого. Я вообще могу отказаться от детей.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Да, сейчас. Я не могу говорить в прошлом или будущем.

— Я имею в виду — потом ты будешь говорить по-другому.

— С чего ты взяла?

— Все так.

— Я не все.

— Конечно.

С самого моего рождения мне постоянно говорят: «Вот будет тогда-то, и ты будешь то-то». Ванги, блять. Нет. Пока ничьи предсказания со мной не сбылись. Ни одно предсказание. Значит, что? Все ошибаются.

Никто всерьёз не может поверить, что я могу отказаться от детей и это не будет для меня событием. Ни один человек не может поверить, что я это всерьёз. Потому что как так — без детей? Как так — без жены?

Это настолько вжившаяся идея, что все считают, что иначе невозможно.

Возможно. Представь — возможно. Прикинь. Без детей, без жены, без машины, без квартиры, без карьеры, без Нового года, без родственников. Всё возможно.

12 октября

Выхожу из дома. За бухлом. Ясен хуй, за бухлом.

В соседнем подъезде на пятом этаже баба выкидывает из окна вещи и орёт про то, что:

— Все мужики — козлы!

Она выкидывает вещи мужа и орёт:

— Пидарас! Гандон! Ублюдок!

И ещё:

— Сволочь! Скотина!

А этот мужик — мусор, так что на улицу летят фуражка, мусорские рубахи, погоны и личный хлам.

Корочно.

Мужик — такой мусор в натуре мусор. У него серьёзная заточка. Практически героическая. И ходит он важно. И говорит веско. И поворачивается увесисто.

Я бы у такого не спросил прикурить. Потому что хуй знает — может, достанет сейчас табельный пистолет и застрелит к ёбаной матери.

Вообще-то, я ещё ни разу не видел, как он разговаривает. Он всегда приезжает на личном водителе. И из машины сразу в подъезд.

Конечно, скорее всего, он обычный дяхан. Но напускает на себя важности, поскольку, как он считает, его статус подразумевает напускание на себя важности.

Справедливости ради: к нему никто не подходит. Потому что хуй знает — может, достанет сейчас табельный пистолет и застрелит к ёбаной матери.

— Хуесос!

Так называет сейчас его жена.

А также как бы оповещает:

— Ноги твоей в этом доме не будет!

А может, он из тачки сразу в подъезд, потому что единственный в доме мусор? И как бы очкует?

А на улицу летят его вещи.

Балалайка? Он играет на балалайке?

Под окнами собрались местные дети. Они собирают его барахло, надевают на себя и выглядят счастливыми.

Вот мимо меня прошёл хуй лет двадцати в фуражке. Ебать олень. Гордый, в фуражке.

Она орёт:

— Что вы там собрались? Стадо баранов. Идите в жопу!

И кидает телефон. Какой-то убогий мужичок ловит, отбивая пальцы, и быстро уёбывается.

Представляю, как её огромная жопа раскрыта, и это «стадо баранов» в неё идёт. Кору.

Закуриваю вторую сигарету. Это как попкорн, только для писателей.

Что-то мне подсказывает, что лет так несколько назад сидел он с ней в кафе и она говорила что-то типа:

— Пора уже. Возраст. Ты когда-нибудь задумывался об ответственности? О взрослой жизни? О детях?

А потом у этой суки было белое платье, а у этого мусора — заточка, как у дурака, которому только что выдали фантиков. Целую гору фантиков.

И они потратили за один день больше, чем когда-либо в жизни потратят за день. И сделали это только потому, что эта пизда мечтала об этом моменте всю юность.

Я всю юность промечтал о Кэти Холмс. Где, блять, традиция, удовлетворяющая эту хотелку?

— Точно говорю — чокнутая, — говорит бабка, стоящая недалеко от меня. Другой бабке говорит, не мне.

Потом она готовила хуже, чем в столовке, а он молчал, так как нельзя же бабу же.

А потом она стала требовать от него за всю хуйню, он заебался и...

Дальше все и так всё знают.

Весь этот беспонтовый путь одна половина людей уже прошла, другая пройдёт. Разница только в том, что кто-то возьмёт на себя ответственность за сделанный шаг и заткнётся, а кто-то не станет брать и будет выкидывать вещи в окно. Или пилить, ебать мозги, разводиться, пиздить, ну и в таком духе.

Моя школьная программа состояла из писем Татьяны Есенину. Или кому она там писала? Маяковскому? Короче, похуй, её письма там. Из правил буравчика. Из расположения на карте мира города Наманган и подобных бессмысленных городов. Из истории строительства БАМа. Из каких-то стачек — до сих пор не понимаю, что это, и не вижу ни единой причины лезть в Google, чтобы узнать. Из стихов Габдуллы Тукая на татарском. Из хаерле ирте, иптацлар. И ещё из длиннющего списка ёбаной неведомой хуйни, которой место в мусорке, а не в моей голове.

Собственно, поэтому у меня были вытянутые в последний момент из двоек тройки и никакого желания учиться в школе. Больше скажу: учиться — это запоминать информацию, которую потребуется использовать. Так что в школе меня не учили, а заставляли запоминать ёбаную неведомую хуйню. В основном. Потому что русский зашёл заебись и я его использую. Хотя по русскому у меня было самое худшее положение.

Зато про то, что баба может выкинуть твои вещи из окна, меня никто не научил.

И ещё много чему не научили такому, что мне реально требуется.

Ну например: я не вижу смысла жить дальше — это значит, всё, или есть варианты?

Стоп, стоп, стоп, ответы с Mail.ru сверните в трубочку и суньте себе в очко. В самое, блять, дристалище. Мне нужны достоверные данные. Ебучая молекула кислоты состоит из атомов водорода и кислотного остатка. И это конкретно. Это выбито чёрными буквами по белому фону в единственном источнике — учебнике. Если произнести это дерьмо, тебе поставят пять — удостоверение верности этой информации.

А как насчёт потери смысла жить дальше?

Поймите правильно — это важно, поскольку когда я умру, всё остальное станет не важным.

Скажем так: важнее знать, что делать, когда хочешь умереть, чем что-то остальное, потому что когда ты мёртв, всё остальное не важно и не может быть важным. Вообще всё. И эти ебучие стачки тоже теряют смысл, хотя я до сих пор не понимаю, что это.

Но хуй с ним — со смертью и образованием, я вчера удачно избежал раннего брака, который с высокой долей вероятности закончится разводом. Даже несмотря на то что её пизда — лучшая из когда-либо мной пробованных, этому браку предначертан пиздец, как и любому вообще браку. Брак — от слова «бракованный».

Избежал вообще отлично: мне похуй на брак. Я скоро умру. Чёткая стратегия.

То ли шмотки закончились, то ли она заебалась, но под окнами всё ещё шароёбятся пиздюки и собирают выброшенное, а эта дура

сидит под окном и воет. Ревёт. Воя. Завывает, ревя. У себя там, на пятом, под окном.

Для чего вообще нужен брак?

Любовь? Я вот люблю бухло, и эта любовь не проходит. Люблю кино и сколько лет уже смотрю, а всё продолжаю любить. У меня был пёс, Принц, я до сих пор его люблю, хотя он умер. Поддержка? Раз браки часто распадаются — значит, это проходящая потребность. Значит, стоит перетерпеть свою слабость и не марать себя безответственностью. Дети? Сперма не спрашивает у тебя штамп в паспорте. Ты просто заливаешь её в пизду — и вот они, дети.

Первый брак Цурика распался, мои родители не в разводе, но живут порознь и наверняка скоро разойдутся. У Петрушина — то же. Дядя Коля был женат раз сто. От тёти Вали муж ушёл. Тётя Наташа разведена. Все вокруг — кто в разводе, кто не живёт друг с другом. Так смысл привязывать себя к одному человеку, ущемлять себя ради него? Эля стопудов начнёт выёбываться насчёт моего бухла, если я женюсь на ней. Я буду пиздить её, чтобы она заткнулась. А потом мы разведёмся. Ради чего мне давать ей усложнять мне жизнь? Стопудов её мамаша ещё насядет, придётся пиздить обеих. Зачем это всё?

А этот мусор сидит вон на той скамейке через четыре подъезда. Так как, видимо, стрёмно. И курит. Пойду узнаю о жизни ещё одну главу, не рассказанную мне в школе.

— Здоров, отец. Чокак?

— Да пиздец!

Пока он сливает на меня обиды в духе «а я ей, а она мне, а я, а она», я смотрю, как растаскивают остатки барахлишка ублюдочные дети этой ёбаной системы. Так как мне, в общем-то, насрать, в какие выражения и действия они облекали взаимную ненависть.

— Это всё понятно. Скажи: зачем ты женился?

— Ты женат?
— Нет.
— Не женись.
— Ок.
— Пацан, отвечаю, не женись. Не делай эту ошибку.
— Да не буду. Скажи: ты зачем это сделал? Чисто для себя хочу знать.

— Дембель, она ждала, залетела сразу. Ну и...

Охуенная история.

— Да нет. Вообще... Она другой была вначале. Совсем другой человек была.

Он рассказывает мне, какая она была вся трепетная, ласковая, утончённая. Как ловила каждое его слово, старалась угодить. Готовила, уважала его и ценила. Была ровно тем, кого мужик ждёт от бабы — вдохновением.

— И она такая миленькая была вся, такая лапочка! А потом — раз! И всё! Но не сразу. Вот сука-гадюка. Мать её. И она. Она же такая вся была миниатюрная, такая — в рот заглядывала. «А, Серёженька, тебе положить? А вот, Серёженька, тебе сделать? А вот Серёженька — молодец». А потом, когда поженились... Вот отвечаю. Только, блять, поженились. И так, потихоньку, потом посильнее... Мать её как приедет, так эта начинает: «Вот, Серёженька, маме поспать надо. А, Серёженька, маму в больницу свозить». И пиздец. А сейчас вообще хуй слово скажешь. Там такая жирная отожралась, такая сука. Не, не гадюка. Удав, ёбта! Жирная, блять, наглая змея! Раньше я думал, что это всё её мать. А потом понял — нихуя! Нихуя это не мать! Это самая бабья суть. Заманить, а потом потихоньку всё забрать. Женат?

— Ну нахуй.

— Не женись, братан. От души тебе говорю — еби их, пизди их, а потом бросай.

— Лады, лады. Давай, удачи.
Иду за бухлом.

18 октября

Сажу в баре. Жонглирую стопками и пивом. Не так давно открыл для себя эту комбинацию — водка и пиво. Раньше не мог сочетать из-за вкуса, потом эффект в голову и скорость пьянения перевесили специфичность вкуса, и теперь уже рецепторы привыкли.

Мой бывший одноклассник по ту сторону барной стойки:

— Если ты что-то решил, то должен сделать любой ценой. Если начал, надо закончить, — говорит он.

— Если я бросил — это тоже, считай, закончил, — говорю я.

— Нихуя. Бросить — не значит закончить. Закончить — значит прийти к цели. Получить то, ради чего начал.

— Но закончить — само слово — оно же не означает финиш на цели. Оно значит всё, закончилось.

— Не придирайся к словам. Если начал, надо закончить. А закончить — значит закончить.

Я вполне себе лоялен к получению желаемого любой ценой. Но если меня больше не прёт — зачем продолжать?

— Да блять. Я больше не верю в этот ебучий рок-н-ролл. Я не вижу смысла играть эту музыку и стремиться ко всем этим концертам.

— Да похуй. Ради принципа. Потому что ты мужик.

— Ну бля. У меня нет такого принципа.

— Это хуёво.

— Это нормально.

— Братан, это нихуя не нормально. Это вообще не по-мужски. Начать что-то и бросить. Это неправильно.

Это дерьмо всегда, везде и у всех. Бляяя.

Постоянство. Обязательное постоянство, навязываемое как единственно возможная форма существования. Наличие постоянства и стремление к его сохранению.

В 99 случаях из 100 ты то, что ты попробовал впервые.

Зачем менять город, в котором родился? Зачем менять институт, в который поступил? Зачем менять работу, на которой платят? Зачем менять бабу, которую выебал? Зачем менять квартиру, в которой начал жить самостоятельно? Зачем менять мебель? Зачем менять курорт, на котором оказался впервые?

Затем, что ты ошибался. Ты на 100% ошибался и, пока не поймёшь этого, будешь медленно идти в пустоту. Потому что полнота, полноценность — только там, где ты развиваешься. А развитие — там, где новое. Потому что развитие — это когда картина мира становится шире. Ты не станешь лучшим в мире поваром, готовя кебабы в одной и той же кебабной хоть сто лет. Но даже через сто лет кебабов ты станешь в разы более развитым, если хоть раз приготовишь котлеты вместо кебаба.

А что, если ты даже не повар по жизни? Что, если ты лепишь кебабы из года в год только потому, что тебя не прёт эта профессия, а ты не ищешь другую, так как на этой тебе стали впервые платить деньги, достаточные для выживания?

Один, блять, раз человек самостоятельно выбрал вуз, поступил в медакадемию — и он до смерти занимается медициной, не испытывая к ней стояка. Ну пиздец же!

99% людей считают, что так правильно. Что нормально просто работать. Без трепета. Без стояка. Буднично. Все они ошибаются, потому что все они безмозглые уёбки.

— Ты должен закончить. Бросать — это поступок слабого человека. Это слабость, — говорит бывший одноклассник, бармен. Который станет бар-менеджером и им же умрёт. Он никогда

не узнает, что в нём спит скалолаз, потому что никогда не попробует лезть на скалы. А не попробует — потому что не догадывается, что в нём в принципе может спать скалолаз. Или балетмейстер, или капитан корабля, или геолог. — Нельзя отступать перед трудностями, если ты сильный человек. Нужно найти в себе силы и, сжав зубы, идти к своей мечте. Ты говоришь, что потерял смысл. А как ты можешь его потерять, если раньше он был?

— Когда-то я даже шнурки завязывать не умел. Так мне что сейчас, тоже не уметь?

— Ну ты хуй с жопой не путай. Это несерьёзно.

Отчасти отсюда и появляются люди-зомби, безликие обыватели. Они никогда не пробуют новое, никогда не бросают начатое. Они всю жизнь корпят над удержанием постоянства.

Посмотри на огородника: весь цикл его жизни картоха растёт на одной и той же грядке, занимает ровно одно и то же количество квадратных метров земли. Он хуй посадит ананас или сакуру. Да даже ебучие баклажаны.

— Ладно, что такое, по-твоему, слабость? — спрашиваю.

— Слабость? Это когда ты чего-то хочешь, стремишься и даже сильно стремишься, но отступаешься.

— Отступить от цели, потому что она потеряла смысл, а не потому что видишь, что не осилишь — это тоже слабость?

— Ясен хуй.

— В чём она?

— Я же сказал: сильный идёт до конца. Всегда.

Старики смотрят одни и те же фильмы, которые смотрели, когда впервые стали самостоятельными, сделали свой первый самостоятельный выбор. Они слушают одну и ту же музыку, под которую танцевали на своих первых дискотеках. Они рассказывают

одни и те же истории. У них нечему научиться, хотя они прожили жизнь.

Потому что надо закончить. Никогда ты не закончишь. Ты не сможешь разлить все возможные напитки во все возможные стаканы. Ты не откроешь все бары в мире. Ты не станешь лучшим в мире барменом. Ты не закончишь. То, что ты называешь закончить — это тупо не бросать, тупо продолжать. Конца не будет, потому что его в принципе нет.

Раз нет конца, невозможна цель — зачем это всё? Чтобы не бросать. Ради постоянства. Ради охуенно названного оправдания своего страха потерять то, что есть.

— Чем так хорошо постоянство, что ты так рьяно его отстаиваешь? — спрашиваю я.

— Во-первых, я отстаиваю не постоянство. Я говорю, что надо заканчивать начатое. Это во-первых. Во-вторых, постоянство — это хорошо, — говорит, возможно, спящий капитан корабля, мой бывший одноклассник, бармен.

— Чем?

— Это смешно. Ты разве не понимаешь, что хорошего в постоянстве? Это все понимают.

— Я не понимаю. Скажи.

— Так не объяснить. Это просто нормально, так должно быть. Это правильно.

— Так чем оно хорошо?

— Вот же заладил. Это правильно. Так правильно. Вот чем.

Борщ хорош тем, что насыщает организм необходимыми для его жизнедеятельности питательными элементами и витаминами, обладая при этом приятным вкусом и неагрессивной субстанцией, которую организм принимает беспрепятственно. Он не раздражает

слизистую и обладает приятным запахом. Этим и хорош. А не тем, блять, что он правильный и нормальный.

— Это не причина, не объяснение.

— Вот ты доебался. Короче, поживёшь — поймёшь. Ты ещё даже не женился.

Все они уверены на сто процентов в том, что они считают правильным. Когда задаёшь такие вопросы, они считают тебя юнцом. Потому что если ты не принимаешь правду, которую приняли все взрослые поголовно, то ты не взрослый, а не взрослый — значит, юнец. Нет, не просто съезжают с темы, называя тебя юнцом, а реально считают тебя юнцом. Без причины, без оснований — ты юнец, потому что твоё поведение не соответствует стандартному поведению взрослых. И они смотрят на тебя, как ёбанные гуру, знающие всё обо всём. Впились в единственную доктрину, никем к тому же не доказанную, и это фундамент уверенности в их правоте. А они даже не могут объяснить, чем хороша эта доктрина, потому что не знают, не понимают, не догадываются и даже не пытаются. Пидарасы блять.

Никто из них не знает, нахрена отстаивать постоянство. Никто из них не знает его плюсов. Просто потому что они не знают альтернативы. На каком-то подсознательном, что ли, уровне они все стремятся сохранить что-то приобретённое. Не потому что оно обладает ценностью. А потому что что-то внутри заставляет их это делать.

Стадо коров не уйдёт с луга, на котором ещё есть трава. Возможно, если они переместятся, то найдут ещё более пиздатую траву. Клевер там. Они же любят клевер. Но хуй они сдвинутся с места, пока не исчерпают эту траву.

Меня просто бесит это дерьмо. Бесит, потому что для меня постоянство — это смерть. Постепенная потеря накопленного без

приобретения нового. Тоска. Уныние. Я не могу обитать в постоянстве. И моё мировоззрение никогда не будет разделено большим количеством человек. Понимание этого меня угнетает.

И он же, блять, уверен, что мыслит правильно. При том что невозможно мыслить правильно. Даже если ты знаешь всё на свете, ты не можешь мыслить правильно, поскольку всё относительно. А у этого одноизвилинного твёрдая, непогрешимая уверенность, что он прав. Сука, вот взять бы стопку и воткнуть тебе в глаз. Чтобы, блять, взгляд на мир кардинально изменился. Чтобы хоть крупца сомнения поселилась в голове. Ведь через стопку мир видится совсем иначе. Я имею в виду её дно — оно толстое, так что искажает. Это без подтекстов, дословно я сказал.

— Ладно, я скажу по-другому: допустим, ты хочешь сажать клубнику, а потом узнаёшь, что это яд. Но ты гуманист и не хочешь убивать людей. Ты знаешь, что твоя клубника обязательно кого-то убьёт, и что же? Будешь сажать дальше?

— Это уже крайности.

Ещё одно клише. Крайности. Да, крайности. Крайности как раз заебись показывают вопрос с другой стороны. Но это бесполезно. Там слабость, тут крайности, а между — удержание постоянства. Бесполезный разговор. Бесполезный — в смысле не дающий пользы. Бесполезно ждать от мира того, что мне от него требуется — пользы.

22 октября

Когда я играл панк-рок, у меня была веская причина это делать: протест. Против пресности, стандартности, обычности.

Меня настолько раздражала обыденность в окружающем меня обществе, что я находил единственное применение всей своей жизни — играть громкую, агрессивную музыку и орать в микрофон тексты, унижающие пропитанное бытовухой общество и возносящие тех, для кого быть обычным унижительно.

Ключевой смысл тут в «тех, для кого». Меня было кому слушать. Не знаю точно, слушал ли кто-то из публики мои тексты или их слушали только те, с кем я играл в группе. Это не столь важно. Важно, что атмосфера, создаваемая мной и моей группой, заходила в публику, как вода в растворимый кофе.

Музыка, тексты и поведение. Стиль жизни, который я вёл, никого не оставлял равнодушным. Мой панк-рок был не только на сцене, бумаге и репетициях. Он был в каждом движении, в каждом лоскуте одежды, в каждом слове.

Одних это раздражало. Других восхищало. Третьих забавляло. Историю про то, как я ездил на ванне по лестнице в медакадемии, могли придумать только про меня. Нет, я не ездил на ванне по лестнице. Во-первых, такое не пришло мне в голову. Во-вторых, где бы я взял ванну, когда в общежитии были только душевые?

Тем не менее эту историю и многие другие студенты ПГМА рассказывали друг другу и, возможно, продолжают рассказывать.

Я всю дорогу до армии жил против правил ради постоянного создания прецедентов и демонстрации их окружающим. Прийти в школу накрашенным в 90-е в Татарстане — можно. Выкинуть

на себя мусорное ведро посреди урока — можно. Ходить в рваных изрисованных джинсах с цепями, когда за одну только серьгу могут покалечить — можно. Попасть в медакадемию и положить на учёбу, потому что хочется бухать и трахаться — можно. Получить в институте место для репетиций, инструмент и выступление перед всем вузом с песней про «нахуй систему» — можно. Кстати, трахаться на пляже, где полным-полно людей, днём, при детях — можно.

Каждый день я делал то, что было не принято, многим хотелось, а главное — опровергало принятые обществом нормы поведения. Музыка была производной этого образа жизни. Вся картина в целом находила сильно живой отклик от тех, кто видел и слышал всё это.

Пусть одни осуждали, другие считали за дурачка, третьи тащились. Это не было важно. Важно было — показать, что можно иначе. Что любой образ жизни возможен. Что рамок нет. А если есть, то ограничиваются только физикой. А это очень широкие рамки, гораздо шире известных.

В том поведении был этот смысл: показывать другую реальность и менять сознание окружающих.

Потом я сходил в армию, вернулся, и оказалось, что протест теперь — коммерция. Панк-рок, секс, наркотики, непристойное поведение — товар. Который транслируют, продают, и... Он ничего не меняет в сознании употребивших. Люди стали просто потреблять рафинированный протест в дозированных количествах.

Панк-рок играют в качестве внеклассных занятий. Мамы и папы поддерживают гаражные группы их детей и даже покупают им инструменты. Одежда принята любая, любое количество татуировок и пирсинга — норма. Даже трахаться где угодно и с кем угодно — норма.

Покрытый татуировками и пирсингом человек, играющий панк-рок, вполне обыденно играет пару часов, потом грязно трахает свою подружку с полчаса, они идут в кафе, потом смотрят «Камеди Клуб» и курят гаш, спят, а утром идут на работу, читая в общественном транспорте новости в соцсетях. И даже комментят! Лол, блять, ахах, ёбта!

Для них протест — развлечение. Прикольный текст, прикольное звучание, прикольная символика. В их исполнении протеста ровно столько боли и ненависти сколько крабов в крабовых палочках.

Весь мой доармейский протест, раздвигающий рамки и опровергающий нормальность обыденности, стал обыденностью. То, чем я когда-то шокировал и сеял тем самым зёрна вопроса: «Может, мир другой?» — сегодня стало бытом. Тем самым бытом, против которого это было придумано.

Я делал панк-рок, чтобы хотя бы вокруг меня пространство искажалось, становилось более насыщенным, более живым и, соответственно, более подходящим для свободной, интенсивной жизни.

Сегодня делают панк-рок, потому что «нравится музыка». Нравится музыка? Она должна шокировать! Она придумана, чтобы каждый день мог быть единственным и неповторимым, чтобы в как можно большем числе людей убить обывателя и открыть уникама. Чтобы твой дух закипел и извергся наружу, как лава из вулкана.

Панк-рок перестал менять сознание, его смысл потерян. Поэтому я перестал его делать.

Мне периодически говорят мои друзья-знакомые: «нужно идти до конца» и прочее «начал — закончи». Так вот, невозможно закончить тем способом, которым начал. Этот инструмент уже не работает. Так что нахуй он не нужен.

29 октября

Вокруг меня живут миллионы людей.

Чёрные, красные, белые, толстые, худые, здоровые и нездоровые. Огромное количество самых разных людей живёт в одном со мной мире.

А я одинок. Я вообще один.

Они все чем-то заняты, они все что-то ценят. Машину, сервис, поездки за границу, работу, вечера после работы, друзей, сериалы. Они все стремятся к чему-то, и эти их стремления для них ценны. Они боятся потерять то, что у них есть. Материальное, духовное, душевное. Друзей, вещи, положение и статус, образование, трудовой стаж. И естественно, жизнь они тоже боятся потерять.

Я не с ними. Мне не жалко потерять даже жизнь. Что уж говорить о потере одежды, работы, стремлений или увлечений? Мне не жалко потерять друзей. Даже к факту, что моя мама однажды умрёт, я отношусь спокойно — все когда-нибудь умирают. Я одинок в первую очередь тем, что ничем не дорожу. Для меня нет в жизни ценного в принципе. Я не держусь ни за что. Сейчас у меня есть несколько шмоток, денег, комната, в которой я живу в родительской квартире, Цурик, несколько профессий, жизнь. Если сейчас забрать у меня всё это, я по инерции, наверное, расстроюсь. На пару часов. Может, на целый день. А потом опять буду в норме.

В Москве я однажды жил короткое время в одной съёмной комнате. Меньше месяца. Там в моём ноутбуке была вся написанная мной литература. Однажды я пошёл гулять, и мой ноут спиздили. Ноут, что-то ещё из вещей, а документы разложили по кровати. Как бы намекая, что «а в целом мы неплохие ребята».

И что? Я парился ровно до следующего утра. А уже через две недели, когда мне позвонил мусор, который расследовал это ограбление, я даже не захотел приехать опознать ноутбук. Через две недели мне уже не нужен был этот ноутбук. Нет, я не купил себе тогда новый. Новый я купил только через год где-то. Через две недели я тогда уже жил другой жизнью, в которой не было ноутбука. В этой новой жизни было много прогулок, встреч с людьми, а писал я в тетрадь, как раньше. И мне не нужен был ноутбук.

Интересно, но эпизодов, где я что-то терял, в моей жизни было четыре или пять. Все их я могу вспомнить и пересчитать по пальцам. В институте у меня на пьянке украли фотоаппарат и джинсы. Я тогда парился потому, что мне было жалко родительских денег, потраченных на эти вещи. Сама потеря джинсов и фотоаппарата меня мало тревожила. Перед родителями было стыдно, что из-за моей безалаберности их деньги, потраченные на вещи для меня, пропали зря.

А вот моя сестрёнка любит вещи. И теряет их очень часто. Я не ценю и не теряю, а она ценит и теряет. Люди от меня не уходят. Девушки меня никогда ещё не бросали. С работы меня не увольняли. Я не ценю всё это и не теряю. Другие ценят и теряют.

И даже жизнь. Я готов умереть в любой момент. Но когда меня порезали, я не умер. Другие, когда их режут в сердце, умирают. Я не умер. Хотя другие жизнь ценят, а я — нет.

Начиная с того момента, как меня порезали, я всё принимаю как должное. Каждое своё приобретение и потерю я воспринимаю просто как данность. По первости я, конечно, испытываю эмоции, но довольно быстро я привыкаю к тому, что это просто есть.

Помню, приехал как-то в Челны с изданным первым романом. Цурик каждому встречному говорил про меня «московский

писатель». А мне было даже как-то неудобно, потому что в том, что я издаваем, нет ничего особенного.

По каждой моей девочке мне завидовали парни. Данность. В армии, в учебке я был фельдшером в ПМП, мой призыв завидовал. Данность. Медакадемия, своя группа, личный заработок в палатке выше, чем у одноклассников. Через две недели после приезда в Москву я работал в «Распутине». Через несколько месяцев — контракт с издательством на пять следующих книг. Все, кто был со мной рядом, мне завидовали. Да нет в этом ничего особенного. Это просто данность. Нет, не нужно было цепляться за эти возможности, влезать в задницу без мыла, только чтобы удержаться.

Я глубоко одинок в своей позиции по отношению к приобретениям и потерям. К стремлениям. К постоянству. Я тотально не такой, не для этого мира.

В смысле — не для этого мира людей. Потому что мир в целом мне очень нравится. Я люблю дождь, снег, ветер и его отсутствие, траву, деревья, маленькие деревья, реки, озёра, моря и океаны, хотя у океана я не был, но люблю по фоткам. Я люблю мир со всем его многообразием. Люблю человеческие эмоции и моменты открытости. Форму человеческого тела, мимику, взгляд, наличие способности думать и решать сложные задачи. Мне очень нравится этот мир. Только я одинок в нём со своими взглядами.

Мир населён теми, кому важен не мир, а собственность. Иметь стенку в зале, большой телевизор, диван, квартиру, машину, должность, связи, телефоны влиятельных людей, одобрение со стороны как возможность занять материальное. Брак как способ на долгое время получить в собственность человека. Когда у людей этого нет, они стремятся это получить. Называют это целью и верят, что нужно добиваться её любой ценой: выйти замуж, накопить

на машину, сделать карьеру, выиграть приз. И даже природу они ценят, которая в собственности, в несколько сот квадратов.

Я не разделяю эти принципы и поэтому одинок. Друг купил машину — я делаю вид, что радуюсь. Сестра вышла замуж — я делаю вид, что мне не всё равно. У соседа сгорел дом — я играю сочувствие.

Я умею это делать — мимикрировать. Я могу выслушать любую радость, злость, негодование, счастье, грусть. Так выслушать, что человек будет видеть во мне глубокое сочувствие. Снаружи. Внутри я буду бесконечно спокоен и лишён эмоций.

Никогда ещё в жизни я не встречал таких же, как я. Людей с таким же отношением к жизни — бесконечная любовь к миру в том виде, в каком он есть, и бесконечная же безразличность к собственности. Окружающие меня люди весь мир в целом и в частностях ценят гораздо меньше, чем взятые на время в собственность его крупы. Для меня эта позиция полностью чужда. А главное — если я расскажу об этом кому-нибудь, я буду чуждым.

Во всём этом мире с миллионами людей я одинок, и скорее всего, это навсегда.

2 ноября

«Ты не знаешь, чего хочешь».

Мне часто это говорят.

И это правда.

Я не знаю. Мне всё подходит и всё не подходит. Я могу заняться любым делом, освоить любую профессию, стать кем угодно и делать это успешно. Но это никогда не будет частью меня. Ничто пока не становилось делом моей жизни. Никакая цель ещё не была для меня исчерпывающей. Не было в моей жизни ещё стремления, кроме которого ничего не нужно. И никогда я не занимался чем-то, кроме чего мне ничем не хотелось бы заниматься.

Какое-то время я считал, что литература — абсолютное моё. Довольно долго так считал. Года три или четыре. Что это единственное, в чём я реально силен и в чём моё призвание.

Пока не понял, что литература — мой способ вынести мысли наружу.

В сценариях я создаю миры, в которых хочу жить, в кухне — блюда, которые хочу есть, в дизайне — реакции публики, которых хочу добиться, их эмоции, восприятия объекта дизайна.

Все мои занятия, профессии — инструмент реализации моих потребностей. Не более. Как повернуть кран, чтобы получить воду, которой можно помыть руки. Это не дело жизни, это не то единственное, чего я хочу. Я вообще не хочу писать, рисовать или готовить. Я хочу просто жить.

Моё умение складывать смыслы в слова, строки, абзацы — не достижение. Это не то, над чем я готов корпеть целыми днями. Развитие моих навыков просто происходит, когда я подбираю

предложение для мысли, музыку для передачи настроения или перец для раскрытия вкуса. Я не развиваю свои навыки ради развития навыков. А в целом не стремлюсь развить навыки ради того, чтобы однажды мне поставили памятник и сказали: «Он лучший». Меня бы прикололо это звание, но я не считаю литературу настолько важной, чтобы тратить на неё всё своё время. А памятник... Ну какой прок от того, что где-то стоит кусок металла, засранный голубями?

Думаю, в мире вообще нет чего-то такого, что стоило бы всего времени или хотя бы максимального его количества.

Поэтому у меня так хреново со спортом. Чтобы добиться более-менее заметных результатов, нужно каждый день заниматься. А я периодически смотрю на себя в зеркало, думаю, что нужно бы подкачаться, заряжаюсь этой идеей и подкачиваюсь. Пару дней. А потом перестаю. Бросаю.

Я часто бросаю занятия. Потому что что-то заинтересует, потом нет быстрых результатов — и становится рутинно, пресно. Каждый день делать что-то, чтобы увидеть результат через пару лет? Ну нахрен.

А ведь у каждого, по идее, есть занятие на всю жизнь. Много кто из умных так говорит. Джобс вон говорил: ищите, пока не найдёте.

Честно говоря, заебало уже искать.

Что же я люблю по-настоящему? Периодически понимая, что Джобс, наверное, не порол чушь, задаюсь этим вопросом.

Трахаться? Какое-то время я так считал. Честно. На полном серьёзе я одно время считал, что ебля — моё любимое занятие. Если бы это было так, я бы трахался постоянно. Как Ларри Флинт. Был бы порноактёром.

Кто-то говорит: смысл жизни — в детях. Точно нет. Смысл жизни не может быть в ком-то, кроме тебя. Потому что единственное, чем

обладает каждый человек — это он сам. Близкие умрут, вещи истлеют, события завершатся. Смысл жизни — нечто самоценное, никак не зависящее от других людей, вещей, обстоятельств.

Квартира-машина-дача? Куршавель-«Феррари» -шлюхи? Пиздец смыслом. Я не знаю, для чего я создан, не знаю, чему могу себя посвятить.

Сейчас мне просто нравится писать. Я не считаю писательство делом жизни. Просто нравится.

3 ноября

Может, нет никакого дела жизни?

Может, его и не должно быть?

Как и смысла жизни.

Я бы хотел, чтобы мир был открытым. Чтобы можно было довериться первому встречному и чтобы первый встречный мог довериться тебе. Чтобы можно было без денег и визы поехать куда угодно, не думая о том, что нужно на что-то жить. Больше всего на свете я хотел бы, чтобы мир был полон любви, непредвзятости и абсолютно лишён собственности. Не насильно, типа: «Так, холопы, отныне собственность запрещена». А чтобы каждый не хотел чем-то обладать. Чтобы материальное не имело ценности. Чтобы ценность была истинной — отношения с людьми, животными, природой, космосом, самим собой.

О! А ещё самое, наверное, охуенное — чтобы все всё воспринимали как данность. Чтобы не ревели на похоронах, чтобы беременные бабы не хамили в духе: «Я беременная! Съеби, нахуй!» Ну и более мелкие вещи: разбилась ваза — ну и хуй с ней, день рождения — ок, пошёл дождь — норм, нет снега на Новый год — да и так заебись.

Потому что:

В Новый год никакого настроения отмечать после того, как сначала ты носился как угорелый за подарками, потом вылизывал хату, потом гора готовки — и вот, все взмыленные, заёбанные, сидят, как наркоманы, со стаканами «Советского» в ожидании президентского «С Новым годом!». А потом спать.

Дождь, снег, слякоть. Да ты хоть обпричитайся — это ничего не изменит. От того, что ты ноешь, что на Новый год нет снега, он не появится. А настроение сам себе убил.

От того, что беременные и детные хаят, почтения к ним больше не становится.

И даже несмотря на то, что многие посчитают сказанное логичным, чтобы мир стал полностью таким, каким я хочу его видеть, нужно тотально его изменить.

Это же просто ебануться, какая задача! Она не то чтобы колоссальна, она утопична!

Нет, это не смысл жизни, это безумие.

12 ноября

Был сегодня в магазине, подслушал разговор двух продавщиц. Из посетителей были только я и один старый пердун, сравнивающий две бутылки масла битый час. Так что тётки свободно так общались. Хотя хуй знает, может, они всегда так.

— У меня такие гадкие дети! — говорит одна. — Старший вечно где-то шляется, младший целыми днями играет на компьютере. Всём им нужно говорить — и «вынеси мусор», и «приберись в доме». Ничего сами не делают. Что за поколение такое тупое?

— Да, да. Правильно сказала — тупое. Моя тоже. Учиться не хочет, работать не хочет. «Я, — говорит, — замуж удачно выйду». Вот не выйдет она замуж — куда пойдёт?

— Да никуда! Будет так же сидеть у тебя на шее.

— Ну уж нет. 18 исполнится — скатертью дорожка. — Последнюю фразу тётка снабдила поклоном и широким жестом руки, как бы приглашая к столу.

Причём тётки-то обычные. Самые обыкновенные. Не какие-то злобные суки. А вполне «адекватные» по меркам этого социума.

— А я знаю, почему они такие. Это всё телик. И этот Youtube их. Я тут недавно услышала, что они слушают. Там парень с наколками на лице, выглядит — ну точно пидорок. Говорит что-то типа: «Она жрёт мой хуй, как гамбургер».

— Что? Ты серьёзно? Они такое слушают?

— Да. Там песня такая. Ну это у них называется песней.

— Вот так вот они и хотят жить: жрать хуи, бухать и колотиться.

— Они ещё и хорошо хотят жить!

Тут я не буду писать, кто что говорит, потому что один хуй, это пиздец какой-то:

— Ну значит, жрать золочёные хуи.

— А потом валяться в своей блевоте после пьянки.

— Да уж, детишки.

Похоже, мать дочери представила, как её дочь валяется бухая в блевоте, нажравшись золочёных хуёв в попытке удачно выйти замуж.

— И целыми днями у них эти игры. Дынь-дынь-дынь, дынь-дынь-дынь. Недавно к старшему приходила одноклассница. Закрылись в комнате, музыка играет. Ну, думаю, трахаются. Мне же интересно, я же мать. Заглядываю. И что ты думаешь? Сидят, играют в приставку. Ты представляешь! К нему пришла девочка, а он сидит с ней и играет в приставку. В пиписьки надо играть в таком возрасте!

— У меня девочка, так что лучше пусть играют в приставку.

— Ну да, а то в один прекрасный день принесёт тебе комочек. А сама ни хрена не знает. Даже пелёнку поменять не сможет.

— Тихий ужас.

— А помнишь, какие они были маленькие? Такие прям уси-пусечки, такие персики.

— Маленькие все классные. А потом вырастают, и начинаются одни проблемы. Ладно хоть не колется.

— Ты уверена? Я вот — нет.

Тут у неё прилетело сообщение в WhatsApp:

— О, пишет.

— Что пишет?

— Зовёт в ресторан. А потом ебаться.

— Что, прямо ебаться?

— Дура. Конечно не прямо. Но ясно-понятно, что им всем надо. По-ду-ма-ю.

Это она произнесла вслух ответ, который набрала в WhatsApp.

— На чём ездит?

— На «Приоре».

— Ну хоть на «Приоре». Ко мне на днях один подкатывал.

Пешеход.

— Надо же быть дебилом, чтобы без тачки — и подкатывать...

— Лучше уж так, чем никак.

— Да мне ещё должен один написать на «Солярисе».

— «Солярис»? Да ты мажорная чика.

— Ну, ёпта.

Внезапно:

— Суки драные! Чтоб вы сдохли! — крикнул дед, кинул на пол обе бутылки с маслом и спешно съехал из магазина.

— Пердун старый! — крикнула ему вслед мама двух мальчиков.

16 ноября

Любить жить, радоваться жизни, найти своё применение в жизни. Всё это производные одного навыка — уметь жить. Такая мысль меня посетила сегодня.

Уметь жить — такой же навык, как уметь снимать кино или печь хлеб. Он состоит из некоторого числа производных. Как, например, расстаивать хлеб или выпекать в печке. Тут и отдельные производные навыки, и фундаментальные знания, и умение обращаться с техникой.

Всё как в жизни — навык общения с обществом, знание себя и своего внутреннего мира и много чего ещё.

Люди, любящие и ценящие жизнь, хотят жить не как-то с воздуха, а именно развиты во всех составных процессах жизни, успешны в них, а в целом, благодаря своему развитию, хотят жить дальше. То есть желание жить не возникает ни с того ни с сего.

Я понял это, проанализировав тех моих знакомых, которые по-настоящему хотят жить. Раньше я не замечал этого. Но сегодня я сравнил, чем они похожи, и заметил: они все развиты в составных процессах любви к жизни: они умеют общаться, ценят себя и знают, чего хотят, отстаивают своё, и так далее.

В моём детстве никто не учил жизни, да и сейчас никто не учит. А зря. Этому нужно учиться. Это умение не даётся просто так.

Да, конечно, вокруг полно пидарасов, которые «учат жить». И это «учение жизни» не имеет ничего общего с реальным научить жить. То есть они не скажут ничего полезного, а попытаются навязать тебе поведение, удобное для них. Чтобы ты им не мешал. Или был полезен. Или чтобы тебя наебать.

А по-настоящему никто не научит. Кроме...

Родителей, школы, родственников. Короче, старшего окружения, имеющего на тебя влияние.

Я всегда любил читать биографии великих людей. Тех людей, которые настолько любили жить, что всех себя вложили в свою деятельность и в результате сделали для человечества много полезного и нового. Ну и сами отлично провели время, само собой.

Вот что их всех объединяет — поддержка родителей. Не в смысле дорогие игрушки и конфеты с мармеладом. А именно поддержка в каждом начинании, привитие чувства собственного достоинства, развитие навыка решать самому, выбирать свою дорогу. И прочих, прочих нужных вещей.

Мать Джона Леннона, мама Элвиса Пресли, приёмные родители Стива Джобса. Этот список очень длинный. Если посмотреть на истории воспитания великих, ни у кого не встречается выбор дороги в жизни за него. Каждый выбирал сам, потому что у каждого был любящий родитель или близкий, который говорил что-то вроде: «Что ты выберешь, то и будет». А потом просто поддерживал в выбранном направлении.

Вот такой и должна быть учёба. Так и воспитываются великие люди. В целом великим человека делает его дело. Какая-то тема, которая больше всего ему нравится, в которой он растёт всю дорогу и в итоге становится лучшим. А чтобы человек выбрал себе дело, нужно с детства дать ему такую возможность.

Дело жизни за меня выбрали родители. Уважать себя... Нет, это я начал только сейчас понимать сам, всю дорогу взросления из меня это выбивалось. Общение? Какой нахуй? Всю мою юность меня учили только слушать. Вместо отстаивания моих интересов мне привито благоговение перед интересами старших. Вместо заниматься чем хочется я обучен заниматься чем положено. Я

обучен оправдываться, стыдиться, молчать, стараться завоевать чью-то похвалу, делать, что скажут, когда скажут и сколько скажут.

Я успешно закончил школу раба. И теперь не хочу жить, потому что что-то внутри меня говорит: ты не раб, ты свободный. А я не знаю, как это — быть свободным. Я умею быть только рабом.

Много печали в том, что умению полноценно жить вообще не уделяется внимание в обществе.

Когда-то, когда я разговаривал со своим батком о моём воспитании, он сказал две потрясающие фразы:

— У нас не было времени воспитывать, мы работали и учились.

И вторая:

— Мы не знали как.

Внимание, вопрос:

— Нахуй лезли?!

Если ты не знаешь, как вырезать аппендицит, ты же не полезешь к человеку в живот со скальпелем. Даже если ты охуенно сострадательный и вообще испытываешь ответственность за каждого, просто потому что ты невъебенно ответственный.

Все знают, что медицине нужно учиться. Но, блять, никто не считает, что воспитывать людей тоже нужно учиться. Именно людей, не детей, потому что дети неминуемо становятся людьми и воспитание — это как раз делание людей из детей.

У меня уже очень много детных знакомых, и они говорят мне:

— Когда ты сделаешь детей?

А я не знаю, что с ними делать. Я не знаю, как воспитывать. Мне страшно навредить. Им — нет. Никому не страшно сделать из своего ребёнка очередного раба. Это нормально.

Наверное, потому что сами не умеют жить. Сами так воспитаны.

Как бы там ни было, я не умею жить, потому что меня не научили. И чтобы хотеть жить дальше, мне нужно научиться самому. Вопрос

в том — хочу ли я уже учиться.

Это довольно долгий и тяжёлый путь. Мало того что нужно научиться правильно, нужно сначала вынуть из себя всё неправильное. Выковырять из своей головы и мышечной памяти рабское воспитание, переформатироваться, полностью стать чистым, а потом уже начать обучение.

Да и где? Как? Получится ли? Не знаю, что с этим делать.

17 ноября

Я бухаю. Целыми днями. У меня бывает такое. Я вот сейчас пишу: «У меня бывает такое» — а сам не уверен, что это пройдёт. А сам в кромешной депрессии без шансов на свет в конце туннеля.

Это даже не депрессия, а какая-то бесконечная пустота. Снаружи и внутри.

У меня ничего нет, я никто, вокруг ничего интересного, я никогда никем не стану, и я совершенно не представляю, что с этим делать.

У меня в холодильнике туча фасоли в томатном соусе, гора замороженных котлет в морозилке и несколько банок маринованных огурцов.

У меня большой пакет водки, большая сумка пива и пара блоков сигарет. Я даже не доставал их из пакета, как поставил в коридоре, так и стоят. Я просто беру очередную пару бутылок, несу на кухню и пью вместе с фасолью и котлетами. Я смотрю в пустоту и вливаю-вскидываю в себя бухло с закуской. Мои мысли при этом особо не движутся.

Периодически я хожу блевать. Шатаюсь, держась за стены и иногда падая. Блевать уже даже не неприятно. Я просто наклоняюсь над очком и скидываю излишки. Чтобы потом снова доставить лишнее в организм.

Периодически меня посещают мысли из серии: «Кто я, что я, что делать дальше?» — и тогда я плачу. Громко так. Слёзы текут по моим щекам, я кричу, прошу пустоту о помощи и испытываю в такие моменты настоящее отчаяние.

Вообще-то, это довольно мучительно — ненавидеть себя.

Хотя нет. Себя я как раз люблю. А ненавижу то, во что я превратил свою жизнь.

Да. Я. Кто же ещё? Неправильный мир? Неправильные люди? Хуй там. Это всё я, это моя заслуга. Это я с собой сделал. Не важно, что в меня вбивалось с детства. С момента рождения каждый сам ответственен за себя. Потому что всем остальным плевать на твои истинные стремления. Только я могу повлиять на свою жизнь. Никто не поможет. Да, очень много лишнего вживлено в моё самосознание за 27 лет, и только сейчас я понимаю, что нужно перестать плыть по течению и всерьёз взяться за самовоспитание. Но шанс есть. Всегда есть. К тому же — мне всего 27, большинство не понимает самобытность как единственную форму продуктивной жизни и к старости. Так и умирают, не проснувшись. А у меня прямо сейчас есть шанс.

А вместо того чтобы что-то сделать со сложившейся ситуацией, я кладу руки на огурец со стаканом и последовательно погружаю в себя сначала одно, потом другое.

Это моя жизнь, ребята. Та самая, бесценная, единственная. Именно она прямо сейчас пробегает секунда за секундой. Каждый миг приближает меня к смерти, и я непременно не успею сделать всего. Я не успею сделать даже сотой доли того, что планировал сделать с детства. О чём мечтал. И никто не запрещал мне, заноса секиру над шеей, никто не сковывал цепями. Это я сам, только я сам не достиг того, чего очень хотел бы. И сейчас могу. А вместо того чтобы двигаться, я двигаю рукой стакан ко рту, потом глотаю. И постепенно довожу себя до состояния, в котором мозг выключается.

Я заливаюсь. Глушусь. А через какое-то время умру. Так ничего и не достигнув.

19 ноября

«Смейся — и весь мир будет смеяться с тобой вместе. Плачь — и ты будешь плакать один».

Это из «Олдбоя».

Это правда. У меня куча знакомых и несколько друзей. Никто не поможет. В моей внутренней борьбе помочь могу себе только я сам.

До этого дня я считал себя отзывчивым. Я считал, что если кто-то психологически напряжённый и убитый придёт ко мне и попросит помощи, я помогу.

Неправда.

Не помогу. Не хочу и навряд ли смогу. А если бы смог, то не стал бы. Потому что не хочу.

Наверное, даже если кто-то реально предложит помощь мне, я откажусь. Потому что мне не нужна чья-то помощь, мне нужно плечо, чтобы поплакаться. Или потому что я никому не доверяю. Это так — я никому не доверяю. Я очень хотел бы довериться кому-то, перестать нести ответственность за себя хоть чуть-чуть. Но будет только хуже.

Потому что всем похуй. Никто не станет по-настоящему вникать. И всё испортит в какой-то момент.

И наверное, это правильно.

Хотя внутренняя слабость радуется мысли скинуть на кого-нибудь свою неустроенность, тем не менее победу я не хочу ни с кем делить. А стало быть, не нужно мне помогать на пути вверх.

Наверх...

Есть ли у меня шанс попасть туда? Понятное дело — у каждого есть этот шанс, в том числе и у меня. Есть ли у меня достаточно

желания биться за «наверх»? Достаточно веры в себя?

Посмотри на себя, Илья. У тебя живот, у тебя совершенно средние, ненакачанные руки. А самое главное — страх в глазах. Неуверенность в себе и своём праве на успех.

Дайте мне «верх» прямо сейчас, и я скажу:

— Нет, вы, наверное, ошиблись.

Окружите меня вниманием, течными фанатками с моим лицом на футболках — и я почувствую себя неловко.

Я очень хочу популярности, внимания и влияния снаружи, но внутри не считаю, что я этого достоин. Даже если всё самое лучшее в мире достанется мне, я посчитаю, что это ошибка, и скорее отдам кому-нибудь, пока ошибка не вскрылась и люди не начали надо мной смеяться, типа: «Этот уёбок так обрадовался, что всё досталось ему, ха-ха-ха».

И дело не в животе и самых обычных руках. Не такой уж у меня и живот, и мускулистые руки далеко не обязательны. Дохуя парней в мире с животами больше моего и руками худее моих. А в топах. И чувствуют себя в топах на своём месте. Сет Роген, например. Трумен Капоте. Жерар Депардьё.

С другой стороны, я видел в жизни много грузчиков с прекрасными фигурами и смазливymi лицами.

Дело не в теле. Кроме того, мне с моей генетикой грех жаловаться.

Вот мой взгляд. Моё внутреннее неприятие успеха. Тут реальная проблема.

Если посмотреть объективно — что именно заставляет меня бояться успеха?

Страх того, что я его не достоин, наверное. Только представь — ты на вершине, тебя все слушают, а тебе нечего сказать, и вот — тебя

уже пинками сгоняют обратно. Потому что ты пустышка, фейк, наебалово.

А потом все смеются. А ты плачешь.

3 декабря

Трахаться.

Не представляю, что ещё такого есть в мире, чтобы он ощущался как мой. Как мир, в котором я хочу находиться. Прозвучит странно, но процесс сексуального удовлетворения наполняет меня эмоциями, которые в мире, в котором я хочу жить, испытываешь постоянно, ежесекундно. И они никогда не кончаются, они продолжают перманентно. Мир, в котором я хочу жить, эмоционально похож на процесс сладкого, протяжного секса.

Шесть утра. Я сижу в кресле, догоняюсь пивом, общаюсь на «Мамбе» с бабой с прикольной фоткой. Я зову её к себе и по дороге захватить пива, потому что у меня на исходе. Через полчаса она у меня на коленях, я всё так же в кресле. Мы пьём принесённое ей пиво из баллона. «Челнинское». Оно всё такое же насыщенное, как когда-то, когда мне было 15.

Бабёнка пухлая. Ну ясен хуй, кто ещё притащится трахаться в шесть утра к знакомому десять минут в интернете парню?

Зато моложе меня, позитивная и нормально пахнет. Да, это попытка оправдать факт: я буду пороть то, на что не взглянул бы ещё месяц назад. Какая, нахуй, разница?

Я трахаю её на кровати, на которой раньше спали мои родители. И если закрыть глаза, то ощущения самые чёткие, классные, естественные, те самые, что я называю «жить». Эмоции от трения члена о стенки женской письки — самая подходящая ассоциация состояния «полная жизнь» в моём мире. В моём твёрдом понимании от по-настоящему полноценной и любимой жизни ты ежесекундно испытываешь те же состояния сознания, которые чувствуешь

нервными рецепторами кожи члена, трущегося о влажные, тёплые и мягкие стенки влагалища. Только не точечно, а всем своим существом. Таково моё видение, которым я реально живу. Каждый раз, когда я трахаюсь, я вспоминаю это состояние. Каждый такой раз — как проблеск единственной реальности, которая для меня естественна и полноценна.

Возможно, поэтому я трахаюсь часами. Я не хочу выходить из этого состояния, я хочу жить в нём. Навсегда. Бесконечно испытывать это ощущение, заполняющее изнутри и пропитывающее всё, что находится снаружи. Каждое мгновение пребывать именно в этом эмоциональном и энергетическом бытии.

Мало какая тёлка выдерживает мои трахательные марафоны. Только Альбина могла трахаться как следует. Не часами, а сутками.

Эта уже сдулась. Пару раз спустила и успокоилась. Лежит бревном. Пухлым бревном, зато моложе меня, позитивная и нормально пахнет. Плюс пилотка пирожком и розовая. Хотя у пончиков часто встречаются такие, так что удача невелика.

— Ну ты ещё не всё?

Блять, ну как это трахать дальше? Заливаю её живот, титьки, лицо. Она вертится, как будто от удивления, что её что-то залило, на самом деле обтирая тело от спермы о постельное бельё. Она думает, что я воспринимаю её верчение как что-то типа попытки сбросить с себя жуков, которых на неё насыпали. Я всё понимаю как есть — она вытирается о бельё так, чтобы я не подумал, что она вытирается о бельё.

Мы лежим рядом.

— Ещё этот дурацкий день рождения сына готовить. Так неохота уходить, — говорит она.

— У тебя есть сын?

— Да. И муж.

- Сколько сыну?
 - Сегодня будет семь.
 - И во сколько тебе туда надо?
 - Сейчас. Только давай ещё побудем вместе. Там надо готовить, суетиться, эти одноклассники придурочные, родственники. Так неохота. Давай хотя бы ещё полчаса полежим вот так.
 - Ты же вроде сдулась трахаться.
 - Нет, не трахаться. Ну я уже всё, я больше не могу. Давай просто так полежим.
 - Вали нахуй, пока не переебал. Я серьёзно. Пиздуй отсюда.
- Она смотрит на меня очень круглыми глазами, а мне, в общем-то, насрать, далеко не впервые кто-то смотрит на меня так.

4 декабря

Я еду с Цуриком к молодой и несколько ебанутой тёлке, которую через какое-то время мы будем трахать вдвоём в «Дельфине». О том, что она ебанутая и вообще что такая тёлка есть, я узнал от Цурика. У меня был выбор: поехать с Цуриком к этой тёлке или с Паштетом в Менделеевск — тоже к тёлкам. С Цуриком или с Паштетом — выбор очевиден. Паштет — весёлый малый, а с Цуриком у меня дружба с детства. Хотя он и выебал Элю, пока я был в армии.

Да...

Выебал.

Мою трепетную Элю с глазами, как у оленёнка. Трахал единственную девочку, к которой я хоть что-то испытывал. Без насилия, по согласию. То есть сама отдалась ему.

Не так давно узнал это от неё же. «Он, — говорит, — воспользовался тем, что я выпила».

Блять, ну это настолько банально, что имея высшее образование из престижной нью-йоркской школы, просто позорно использовать в качестве оправдания. Не в смысле — я не поведусь, а ей самой логично бы стыдиться таких оборотов. Она написала диссертацию про феминизм, а на более адекватную своему умственному развитию версию мозгов не хватило?

Я прям представляю, как где-то между надрывных строчек душевной опустошённости в письме мне в армию она подмахивает Цурику задом, пока он пялит её своим членом в пол моего пальца. Да хотя бы нашла равноценную замену моему хую. Равно-ценную — а не то, что Цурик использует для ссання.

Вот от этого факта я недоумеваю: Эля, такая вся утончённая, такая трепетная — и Цурик, который выебал жену в жопу через печень, и она с ним из-за этого развелась? Меня не парит сам факт наличия в их жизненном опыте эпизода взаимной ебли. Люди не принадлежат друг другу, к тому же секс — примитивное физиологическое занятие, каждый день человек удовлетворяет массу физиологических потребностей, и плюс одна — это капля в море. Меня не парит, что Альбина поролась в дымоход, пока я был в армии. Белоногова тоже наверняка еблась. Хотя все три говорили: «Я дождусь». Ну трахались и трахались, каждый принадлежит только себе и сам решает, как собой распорядиться.

Меня парит, что Эля дала Цурику, пока я был в армии, потому что я считаю себя умственно и эмоционально более развитым, чем он. Охуенный я друган! Мы стоим друг друга. Не важно — она раздвинула ноги обоим, а я считал, что наши отношения эксклюзивны. Значит, она обычная, и нет в ней сказки. Вот это, наверное, осознавать неприятнее всего. Или то, что я повёлся на обычную, как на сказочную?

Да какая, нахуй, разница? Нахуй вопросы! Прочь из моей головы! Мы у подъезда, там прикольная дурочка, которую минут через двадцать мы будем пороть в два смычка с другом детства. И может, эта пизда выдавит из моего мозга рефлексию первобытными инстинктами.

Выходит, красивая. И правда прикольная. Похожа на порноактрису Foxu Di. Ростом метра в полтора, миниатюрная, с маленькой попкой. Надеюсь, круглой. На голове вьющиеся каштановые волосы, округлые губы, детское лицо и где-то второй размер под фиолетовой кофтой. Люблю фиолетовый.

Садится в машину, поехали в «Дельфин».

Трогаю титюшки. Она специально раздвигает джинсовку. И это неожиданно. Я стал трогать-то, потому что мне уже в принципе насрать на приличия. А она и согласна. Да, у нас есть общий знакомый, она знает, что мы везём её трахать, но всё равно: пиздец она блядь!

Цурик тоже тянет руку. Корки. Трогаю её промежность. Тепло.

И всё как надо. Рядом со мной на заднем сиденье красивая молодая блядь, которую я трогаю за самые классные области тела с первых секунд знакомства. Но что она несёт?!

— А ты как обо мне узнал?

— От Цурика.

— А что он тебе обо мне рассказывал? А как я тебе понравилась? А ничего, что я ниже тебя ростом? Ты красивый, ты мне нравишься. Мансур говорил, что ты красивый, а я не верила. А мы поедem в какое-нибудь место?

— Да, да, ща поедem, — говорит Цурик и везёт дальше в «Дельфин». Я прям через его затылок вижу, как он улыбается её тупинке в мозгах.

— А мы поедem в модное место? А там есть популярные ребята?

Что это всё, блять, такое? Это нереально. Я не верю, что есть баба, которая с живым интересом спрашивает и говорит подобное с таким серьёзным лицом. Мимически она как будто узнаёт у врача особенности лекарства, которое он ей только что прописал. Вот она берёт рецепт, читает и спрашивает:

— Тут непонятно написано — три капли в один приём или шесть? Какие у него побочные действия? А оно сочетается с пенициллином, который я закончила принимать три дня назад?

И вот лицо, с которым она всё это спрашивала бы у доктора, она демонстрирует сейчас. При том что вопросы:

— Мансур, а ты не против, что я сейчас на свидании с твоим другом? А ты подаришь мне цветы? Или конфеты? А мы точно сначала поедem в какое-нибудь место? Модное место.

Я в прострации. С другой стороны, демонстрация пластики рта производит на меня впечатление.

Приехали. «Дельфин». Самое блядское место на районе. То есть это детский бассейн, при нём же спортзал, куда я в юности ходил сначала на бокс, потом на борьбу. Сюда днём пристойные мамы приводят своих детей поплавать. Хотя какие, нахуй, пристойные? Половину Цурик, возможно, уже выебал. Как бы там ни было, «Дельфин» — это детско-юношеский спортивный центр, и он ну никак не связан ни с эскортом, ни с порно. Тем не менее именно он — блядско-трахательный эпицентр района. Потому что здесь Цурик работал тренером, а его мама сейчас работает сторожем. Раньше у Цурика был свой ключ, теперь он берёт у мамы под предлогом потренироваться. В целом это правда — тренировка эрекции. Но мама-то думает, что он тренирует мускулы.

Разумеется, сюда водили баб не только мы с Цуриком. Здесь побывали все наши знакомые мужского пола, наверное, со всеми возможными челнинскими блядами. Это место пропитано спермой и женскими соками, наверное, глубже, чем любое здание в городе.

Иногда это забавно: некоторые девчушки заходят сюда такими приличными, учтивыми и аккуратными, а выходят настоящими шлюхами. Так вот, забавно смотреть, как они заходят, потому что я знаю, какими они выйдут. Они все выходят одинаково.

Что за негатив? Я же люблю блядей. Я не люблю тёлочек, отрицающих свою блядскую натуру, а девчонок, откровенно любящих потрахаться, я люблю. Так точнее.

Прелюдии не было.

Никаких тебе поцелуев, принятых ласк и условностей. Зашли, закрылись, прошли в спортзал, накидали борцовских матов, кинули на них блядь. Раздели. Я — в рот, Цурик — в пизду. Поехали.

А какие прелюдии? Целовать рот, отстрочивший сотни минетов, мало желания. Везде, где хотел, я потрогал её в машине. Всякие условные поцелуи в тело не требуются и не хотят: эта девочка — просто мясо. Резиновая кукла, которую не надо подмазывать лубрикантом и переворачивать — она сама. Прямо как передача Меньшовой «Я сама». Кору.

Всю дорогу в машине хотел вот так положить её на спину и вставить в рот. Вот именно так и представлял: в центре зала маты, слева тренажёры и вход, справа окна, сзади стена с зеркалами от пола до потолка, у которой в 11-м классе нас с Цуриком фоткали с грамотами после соревнований. Нас и ещё штук 15 парней вместе с тренерами и кем-то ещё. Тогда у Цурика было первое место, у меня — второе. Я тогда проебал Цурику. Причём в первые же пару минут я положил его, но видимо, расслабился, посчитал, что всё, победа, а он бился до последнего.

Ещё пять минут назад этот рот щебетал про «модное место», пока мы раздевали его владелицу. Теперь он занят моим членом. Занят в прямом смысле — мой член занимает её ротовую полость. От неё никаких движений, я трахаю её в рот так, как хочу, и меня совсем не волнует отсутствие её инициативы. Вынул член, вставил яйца.

— Лиж.

Лижет.

Я уверен — если сейчас вынуть у неё изо рта яйца, она продолжит монолог про «модные места». Да в общем-то — пусть дуркует сколько влезет, как радио — звучит, и хрен с ним.

Цурик пялит её пилотку и смотрит на себя в зеркала у меня за спиной. Напрягая мышцы и любуясь собой, как Патрик Бэйтмен

в «Американском психопате». У него в натуре классное тело, есть на что посмотреть. После того как я через год занятий бросил борьбу, Цурик не бросил и занимается ей до сих пор.

Её рот настолько маленький, что член заходит лишь на четверть, а яйца входят, царапаясь о зубы, что не очень здорово. Меняемся местами. От пизды пахнет рыбой, так что приходится надевать гандон. Ненавижу гандоны, убивают ощущения напрочь. Не то чтобы боюсь заразиться, всё равно скоро умирать, а просто немного противно совать туда, откуда тянет не самой свежей рыбой.

Порю её в перед, пока Цурик ковыряет у неё во рту членом, как зубочисткой. Для такого маленького тела на ней слишком много волос. Так много, что не видно губ и клитора. А мне нравятся красивые письки. Мне нравится смотреть, как мой прекрасный хуй входит в не менее прекрасную пизду. Конечно, не факт, что её пилотка эстетически приятна визуально, тем не менее ввиду молодости вероятность высока.

На её лице ноль эмоций, из неё исходит ноль стонов, она даже задом не двигает. Трахать эту девочку — как отливать в общественном сортире — он принимает в себя всё, что ты в него наливаешь. И ровно столько же выдаёт реакций, сколько и она — ноль. Зато, кстати, не несёт пургу про «модные места».

Ей никто не платит, её трахают и отправляют домой. С ней никто даже в кино не ходит. Она трахается без энтузиазма. Зачем вообще она трахается? Или она всё-таки получает удовольствие? Да, как унитаза в общественном сортире.

При такой прикольной внешности так трахаться — преступление. Учитывая, что вообще трахаться без кайфа неприемлемо.

Сливаю. Как, блять, в унитаза. Расстегнул ширинку, слил, застегнул ширинку.

Спустя два часа

— Отдохнуть не желаете?

В тачку просунуто вытянутое лицо с крупным герпесом на губе. Лицо самое обычное, не считая герпеса. Да и герпес, в принципе, обычный, все чем-то болеют. Просто у кого-то это видно сразу, у кого-то узнаёшь со временем, у кого-то всю жизнь отлично скрыто. Тем не менее на земле нет абсолютно здоровых людей.

Шлюхи. Московский проспект, темно, едем вдоль дороги, останавливаемся на точках, смотрим, что предлагает блядский рынок.

— Давай следующую.

Из кустов выходит следующая. Женщина-столб. По лицу ей лет 19, по телу — все 35. Короткие толстые ноги, талия, ровно переходящая в бёдра и дальше в грудь. На груди висят две рыхлые, сдувшиеся сиськи, больше похожие на собачьи уши.

— Следующую.

Подходит мамашка.

— Мальчики, вам никто не нравится?

— Пока нет. Давай дальше.

Как это может нравится?

Жировые складки, нависшие на пояса джинс, рыхлые бока, испещрённые шрамами, синяками и растяжками. Грудь, висящие бесформенными тряпками. Разъезженные, порой элементарно грязные, волосатые или плохо выбритые и колющие дырки с болтающимися половыми губами. Женские задницы, которые привлекательны уже в качестве словосочетания: толстые, висячие, либо тощие, прыщавые.

В их притонах или квартирах грязное, пропитанное чужими выделениями бельё, в душевых грибок, на полу плесень, кругом

мусор. Ты заходишь, тебе дают полотенце для душа, а его в руки брать стрёмно. К таким шлюхам ходить — всё равно что на сафари в качестве животного — экзотический способ проверить себя на выживаемость.

В процессе она всю дорогу ноет, что у неё болит пизда, потому что затраханная, что хватит мять тело, оно уставшее. Она оттягивает еблю постоянной болтовнёй обо всякой бесполезной ерунде. И постоянно просит тебя скорее заканчивать. А когда у тебя падает член, потому что всё это дико не сексуально, она искренне удивляется: «Что с тобой не так?»

И этот взгляд — потухший, безразличный, пустой. Там, за глазами, в голове — пусто. Там нет желания трахаться, желания понравиться тебе, там нет ничего, кроме охранной сигнализации, которая фиксирует время, количество и интенсивность фрикций, возможность тебя наебать и ещё гору всякого, никак не связанного с сутью профессии — удовлетворением мужчины. Она стремится к одному — максимальной выгоде при минимальной затрате ресурсов.

Им нужны ванна, курорт и хороший психотерапевт на полгода. Но своим отношением к клиентам они заслуживают только ремня до бессознательности, быть обоссанными и выброшенными в уличную мусорку.

Среди шлюх, как и среди любых других профессий, 99% мусора. Так зачем вообще по ним ездить? Ради 1%. Который окупает весь поиск. Потому что этот 1% — классные, отвязные девочки, которые отлично трахаются и уделают твою подружку с полпинка в плане ебли.

Этот 1% ухожены, всегда вымыты, гладко выбриты. У них аккуратные ногти на руках и ногах, чистые, приятно пахнущие волосы, красивые лица, приятная на ощупь кожа здорового цвета. Упругие тела, подтянутые грудь и попа, аккуратные промежности.

У них ты идёшь в душ, ложишься на свежую кровать, в процессе тебя протирают гигиеническими составами, как в аптеке. Тебя ласкают как любимого мужчину. И в целом к такой нужно только попасть, всё остальное о чём ты мечтал дальше просто происходит.

Ни одна подруга в мастерстве удовлетворения мужчины не сравнится с проституткой, которая пошла в профессию от безостаточной любви к сексу и самоотречённого уважения к мужскому началу.

Мы едем от точки к точке, смотрим варианты, перебирая одну за другой грязных шмар. В поисках той, с кем я отлично проведу время. Со шлюхами так всегда — ты едешь и перебираешь варианты. Бывает даже, всю ночь ищешь, а потом дрожишь и ложишься спать, потому что вариантов нет. Либо сливаешь баллоны во что-то более-менее человекоподобное, просто потому что уже кипишь, пьяный в хлам и в целом плевать.

Четвёртая точка, надоело ездить, хочется в горячий душ, потом укутаться в одеяло со стаканом и забыть все эти страшные рожи.

И тут появляется она. Блядская принцесса.

Сама похоть, воплощённая в молодом женском теле. Как Дионис в форме женщины. В первую же секунду, как только мы встречаемся взглядами — соединение установлено. Как если бы либидо было интернетом, я — телефоном, а она — провайдером.

В ней нет личности, нет шлюхи или проститутки, нет женщины или девушки, нет даже физического воплощения — она сам секс. В смысле, что остальное — вербальное, ментальное — настолько незначительно по сравнению с количеством в ней разврата, что не замечается.

Мой мозг мгновенно выключается, все нервные импульсы, телесные активности за долю секунды концентрируются на члене.

И я не могу это контролировать. Оно происходит само, я лишь наблюдатель.

— Детка, ты космос. Погнали.

Я не стал смотреть её тело, не спросил о цене, не задал своих проверяющих на ментальную пригодность вопросов. Её сущность вторглась в мои желания как отпущение грехов в религиозную кликушу.

В данный момент всё, что есть я — эйфория, подобная той, что бывает, когда под ЛСД понимаешь суть вещей, только яркая и заполняющая. Это похоже на ощущение, которое я испытал, внезапно поняв природу в армии. В нём нет радости, как на Новый год в семь лет, да и не должно быть, как и вообще каких-либо эмоций. Это пронизывающее ощущение сущего, увиденного с нового угла зрения, заполняющее собой всё внутри и снаружи. Сворачивающее вселенную в один вид абсолютной энергии.

Хатка. Кровать. Полутьма. Её нежная и упругая белая кожа и огромные чёрные глаза, направленные на меня. Проникающие в меня. Гипнотизирующие меня. Её взгляд транслирует в меня сигнал, выключающий сознание и делающий меня одним сплошным инстинктом — сношать. Илья, 27, писатель, метр девяносто, рефлексия — испарилось. Я — сношающий организм, и больше во мне нет абсолютно ничего. Это состояние заняло всё моё существо, подчинило сознательные, бессознательные, физиологические процессы, импульсы и субстанции. Её большие чёрные глаза сделали меня зомби, весь жизненный цикл которого занимает только одна реальность — трахать их обладательницу. Это всё, что есть я сейчас.

Слился.

Сидим на кухне, курим. Молча. Она слегка улыбается, спокойная и уверенная.

Второй круг.

Она не берёт процесс в свои руки, не руководит действием, не показывает своего удовольствия. При этом активно откликается на каждое моё движение и предоставляет себя мне так, как мне хочется. Как будто в ней нет личных желаний и вся она создана для меня, моей воли. Так, как будто во всём её теле вообще и в голове в частности всё пространство занято одной только похотью и больше ничем. И этот наполненный похотью её внутренний мир я вижу сквозь её большие чёрные глаза. Определённо интеллектуально пустые глаза, которые выражают лишь голый секс. Большие, чёрные, красивые отсутствием логической мысли глаза, полные разврата, транслирующие разврат в виде микроволн, прошивающих меня насквозь. Она не строит себе иллюзий, не заблуждается в «уважай в женщине женщину», она физиологичная, инстинктивная, девственно чистая ментально.

Я отдаюсь ей. «Я» во мне выключается, и всё остальное становится продолжением её, а всё это в целом — ненаправленной энергией с отсутствием самосознания.

Сижу в машине, опустошённый. Цурик везёт меня домой. Оказывается, это возможно — не думать.

Ночь. Подъезжаем к Менделеевску.

Я, Паштет и два его старших брата: Солдат и Слава.

Имя Солдата кто-то произносил, но я быстро забыл. Да и не нужно мне его запоминать — сегодня первый и последний раз, когда мы вместе бухаем.

Мы пьём водку и закусываем кисло-горьким виноградом с полки над багажником. Этот виноград Солдат вырастил у себя на даче.

Огородник, блять. Слава за рулём тоже пьёт. Мы что-то орём, и нам довольно весело. Стёкла потные, воздух салона — газообразный хмельной угар.

Заехали в Менделеевск. Город totally мёртв. Дороги пустые, в закоулках ни души, во дворе, где мы остановились, ноль людей. Даже не только людей, а и звуков того, что люди здесь есть или когда-то были.

Точно здесь есть тёлки?

Стоим у двери, ждём мужика, у которого «сэм». Так Паштет назвал самогон. Здесь его так называют. Это местный магазин бухла — квартира, в которой живёт мужик, который гонит «сэм».

Выходит нечто настолько страшное, что хочется бежать: жирное, с сальными редкими волосами, огромными жёлто-чёрными зубами, в трико, натянутом на живот, и огромных очках со стёклами толщиной в палец. Оно улыбается:

— За сэмом?

Из-за этого существа выглядит маленькая, очень красивенькая девочка. Ловлю себя на мысли: «Может, купить её у него?» Причём мысль не кажется мерзкой, при том что она мерзкая.

— Да. Давай парочку.

Нечто уходит и возвращается с двумя полторалитровыми баллонами мутной жидкости. Судя по всему, от этой жидкости в голове становится настолько же мутно.

Следующая хатка — тёлки.

Что это за тёлки?!?!?!?

Одна среднего возраста, но уже настолько истаскана, что непонятно — что в её организме заставляет её жить дальше. Это жена Солдата. Вторая в возрасте, приближающемся к среднему,

с усами, в короткой мини-юбке из 90-х, активно стесняется. Это её подруга.

Сидим за столом, пьём. Сэм — пиздец пойло.

Нет, трахаться я тут не буду. Но поугорать останусь. Даже не поугорать — посмотреть на всё это, как в зоопарке.

Солдат мнёт жену, Паштет подкатывает к её подруге. Они танцуют медленный танец. В процессе Паштет трогает её за жопу, смотрит на нас и угораёт. Типа: а-ебать-коры. А коры здесь — Паштет, лезущий на усатое бестолковое нечто в джинсовой мини-юбке из 90-х в похожей на притон кухне, пронизанной запахом самогона. Только это не коры, а охуевание с данности.

Мы со Славой пьём и курим.

Паштет исчез. Солдат трахает жену в соседней комнате.

Мы со Славой встречаемся взглядами, и всё понятно:

— Поехали отсюда.

Слава зовёт Солдата. Тот плотно прижат к истасканной титьке своей втопанной в грязь жизнью жены. У меня не укладывается в голове, что держит его от бегства стремглав из этого потерянного места, от этой вглухую просравшей свою жизнь и жизнь своих детей женщины. Тем не менее он остаётся и выглядит счастливым.

Идём за Паштетом, он этажом ниже, в квартире усатой из 90-х.

Слава стучит в дверь.

Открывает Паштет. Голый. Висит его здоровый хуй, блестящий от телесных жидкостей его низкосортной новой бляди. И он тоже счастливый. Стоит, улыбается.

Мой приезд сюда — ошибка. Такая же, как просмотр первых пяти минут фильма Уве Болла, после которых спешно закрываешь вкладку и лечишь психику «Большим Лебовски» с большим количеством виски-колы. Я здесь только потому, что мне, в общем,

всё равно, где быть, я отчаян в поиске смысла жизни. И всё же из этого пристанища опустевших душ я уматываю.

А он улыбается. Минуту назад он проникал членом туда, куда мне страшно сунуть палец с тремя слоями целлофана на нём — вдруг разъест. Более того — он тёрся своим обнажённым телом об это. У маркиза де Сада в «120 днях Содома» есть описание задницы одного мужика. Что-то вроде «его ягодички были как две дряхлые тряпки». Это было описание задницы старого пердуна, который любил, чтобы его пороли. В смысле — розгами и ремнями, а не в туза. Так вот, если бы задница этого деда могла иметь самосознание, то мнение у неё о себе было бы примерно таким же, как у этой усатой мадам, которую минуту назад трахал Паштет. Потому что именно такое мнение о себе нужно иметь, чтобы превратить себя в то, во что новая Паштета пассива превратила себя за свою жизнь.

А он улыбается. И не хочет уходить. Не в смысле — не хочет ехать с нами, а именно не хочет уходить от своей пропащей суки. Это уже не то чтобы не укладывается в голову это даже на сантиметр не входит.

Ещё с полгода назад я застыл бы в беличьем трансе, прокручивая через ум одно слово: как-как-как-как? И так, пока что-то не приведёт в чувства. Сейчас я понимаю, что мир абсурден настолько, насколько это возможно. А в таком мире возможна любая нелепость. Так что просто смотрю.

— Она классная тёлка, — говорит Паштет полушёпотом. — Кору.

Он имеет в виду «кору» — типа «весело» или «кору» — типа «бля, парни, мне же надо придумать оправдание, чтобы вы меня не застebали»?

Ладно Солдат, он точно какой-то отщепенец, но Паштет — нормальный тип, с хорошей фигурой, чувством юмора, продвинутый.

Неужели это какая-то зашкаливающая шутка?

Прибежала жена Солдата и тянет Славу на выход за одежду. Типа вы уёбывайте, а Паштет пусть остаётся.

— Не мешайте молодым, — говорит жена.

Корки, блять. «Молодым». Вот это уже корки.

Слава пиздит жену Солдата. По тому, как он это делает, заметно, что пиздит он не её, а весь этот Менделеевск, уничтожает его в своей голове, чтобы в памяти даже не всплыл. Слава агрессивен. Нет, я не стал бы бить эту тётю, чтобы выгнать из сознания то, что она олицетворяет. Может, я просто лучше переносу падение на самое дно ниже зоны комфорта? Может, это не самое дно? Может, мне уже всё равно?

Я стою, курю, Солдат сидит у стены, взявшись за голову, Паштет стоит рядом голый и угорает:

— Корки, корки. Я же говорил, в Менделе корочно.

Слава пиздит жену Солдата. Долго пиздит. Сначала бил руками, теперь — ногами. Пинает её по лицу, плечам, груди, коленям, рукам, голове. Больше никуда не достаёт, потому что она сжалась. Звуки то глухие, то вязкие, то смягчённые тканями её тела.

Солдат сидит, взявшись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, Паштет угорает голый, усатая его подруга плачет на кухне. Жена Солдата подвывает.

Нет, Слава не жестит. Если бы ей было реально больно, она бы звучала иначе, Солдат не смог бы молча сидеть, а Паштет — угорать. Да и вырубил бы он её уже давно, если бы бил действительно больно.

— Коры, — говорит Паштет.

Нет, Паштет, не коры. Это не коры. Это дно. Скользкое, ядовитое, холодное и засасывающее.

Ещё полгода назад я бы грузил себя вопросом: как живут эти люди? Сегодня любой абсурд меня не удивляет, не возбуждает интерес узнать причину, понять и осмыслить. Абсурд — это просто абсурд, и мы все в нём живём какое-то время, а потом умираем.

Слава выдохся. Идём на выход. Солдат успокаивает жену. Он кинулся к ней, как только Слава повернулся к лестнице. Паштет подлизывает усатой.

Сидим в машине, прогреваемся. Ехали сюда навеселе, позитивные и полные разных желаний. Сидим в машине в обратную дорогу пустые, угасшие, растерявшие всякий стимул.

Внезапно открывается водительская дверь, и Паштет прыскает Славе в лицо из баллончика. Голый. Он прибежал голым. С газовым баллончиком. Только Паштет и газовый баллончик. Слава выскакивает из машины, быстро догоняет убегающего Паштета и пиздит.

Теперь Паштет сидит на корточках, закрывая руками голову и получая пизды от Славы. Его здоровый хуй болтается из стороны в сторону. А вот это уже коры.

Из подъезда выходит Солдат, подбегает и поддаёт Паштету пару подсрачников от себя.

Слава довольно быстро завершает начатое. Втроём мы уезжаем. Обратно в Набережные Челны.

Передо мной стоит длинноногая красотка с круглыми титьками и правильно засиликоненными губами. Она высокая и стройная, её живот плоский, а грудь стоит налитая и не падает. И не упадёт. Это своя грудь. Её пилотка гладкая, как попка младенца, а губы чем-то накачаны и твёрдые. Выглядят здорово, тактильно непривычно.

Это проститутка, которая не даёт объявлений в газету, не стоит на дороге, у неё нет мамочки. Её номер передаётся из рук в руки, она работает, когда захочет, с кем хочет, и на меня у неё всего два часа, потому что после меня уже кто-то следующий.

— Побудь моей девушкой, — говорю я ей. — Мне очень одиноко.

Мне правда очень одиноко. Настолько, что я прошу побыть моей девушкой проститутку, которая после меня пойдёт быть кем-нибудь ещё для следующего мужика. Или парня. Или деда.

Но это будет через два часа, а сейчас я полностью растворяюсь в ней. В её ласках, объятиях, поглаживаниях, в шлепках о её тело, в трении влажной кожи о её живот, спину, бёдра. В присасывании меня к ней, в горячем скольжении плоти внутри плоти, снаружи и снова внутри, в течении биологических жидкостей по телу, в её удовольствии, оплетающем моё наслаждение, в изощрённости совокупления и ранимости откровенности.

Она прекрасно знает, что такое быть ласковой и нежной. А мне было очень одиноко.

— Останься. Вот все деньги, которые у меня есть. Они твои. Останься со мной на ночь.

— Меня ждут. Я не могу.

Профессионализм. Деловая этика. Я предложил ей больше, чем стоит её ночь. Она не останется.

В любом случае напоследок я получил от секса то, что я в нём люблю.

15 декабря

Смотрел сегодня кино про людей с синдромом Туретта. Про трёх английских мальчиков. Потом про мужиков. Это типы, которые неконтролируемо выкрикивают ругательства, просто звуки, дёргают частями тела. И их от этого лечат.

Блять, ну это же так очевидно, что это не болезнь. А естественная реакция, которая вырывается наружу. Прямо то же самое, что у меня, когда я живу среди общества. Только я могу сдерживаться, а они — нет.

У меня всё становится нормально, когда я остаюсь один.

И у них станет. Просто нужно вырвать их из угнетающей среды. От всех этих ебанутых пап и мам, заставляющих быть образцовыми дегенератами. От дедушек и бабушек с их психоделическими сказками. От учителей, считающих нормой оценивать. Вынуть из этой психопатичной цивилизации и оставить наедине с собой. Там, где им комфортно, где всё настоящее и полное смысла.

Это просто смешно, как взрослые говорят: «Вот, это болезнь, она не лечится, они страдают».

Да!

Вы болезнь, не лечитесь, и ваши дети от этого страдают. Потом вырастают и страдают ещё больше. Там был несчастный мужик, который совсем не мог ничего делать корректно. Он открывает шкаф и долбит дверцу, пока не отрывает. Он берёт одежду и разрывает, пока надевает на себя. Он наливает воду и успевает сделать всего три глотка, пока не разливает на себя остальное. Он берёт вилку, разбивает ей тарелку с едой и расстраивается, типа: «Опять не поел».

Корочно смотреть, как он заставляет себя делать все эти противные его нутру действия. Всё, что есть он, уже ежесекундно бунтует против его образа жизни, а он продолжает заставлять себя быть тем, против кого непрерывно восстаёт. Потому что надо. И этим он несчастен. Тем, что надо быть тем, против кого он в открытую бунтует.

Кадр: стоит семейство. Папа, мама и сын с синдромом Туретта. Жизнеутверждающая музыка, красивый дом за спиной, солнце светит. И сынок такой:

— Bollocks!

И показывает папе средний палец.

Я не могу не смеяться над этим. Не над пацаном, а над ситуацией. Это смех одобрения.

Такой же, какой был, когда я смотрел интервью Sex Pistols.

Ведущий говорит с подъёбкой, потому что не может в открытую, а унизить хочется:

— Что за умный мальчик!

Стив Джонс отвечает прямым текстом:

— Что за сраный пидор!

Один в один те же коры. Только в качестве ведущего стандартизованные папа с мамой, стандартизованное представление о счастье в виде дома, солнышка и дебильной музыки, а в качестве «Что за сраный пидор!» — «Bollocks!» в исполнении пацанёнка. Bollocks в переводе с английского значит «яйца», англичане говорят это в смысле «чушь собачья» или «какая-то хуйня». Never Mind the Bollocks — так назывался единственный студийный альбом Sex Pistols. Что как бы переводится: «Забей на всякую чушь».

Если поставить на место пацанёнка с Туреттом Джонни Роттена, то всё встанет на свои места, будет органично, и никто не назовёт

это болезнью. Но родители, режиссёр, оператор и все остальные труженики фильма как будто не понимают, что это вообще возможно — предположить, что пацанёнком движет то же, что двигало Стивом Джонсом, который говорил: «Ты сраный пидор!» Что нельзя метафизически подставить на место пацанёнка обычного панка.

Хуй там!

Они просто не хотят отпускать от себя мясо. Не сознательно. Инстинктивно. Это наша овца!

Tourette's — моя любимая песня Nirvana.

We don't know anything.

We all want something fair.

Весь текст этой песни выражает в музыкальной форме идею, которую я тут написал. Она, блять, очевидна! Тела этих людей бунтуют. Не в них болезнь, а в мире. Их тело просто реагирует.

Семейство в магазине. Бестолочь-мамаша показывает пацану совершенно ебланский свитшот:

— Мне нравится.

С таким лицом — типа пацан должен надеть, ведь маме нравится.

А пацанёнок ей:

— Хочу, чёрт возьми, пить.

— Хорошо, дорогой, мы купим попить.

— Лучше, блять, побыстрее. Папа, ты чёртов идиот.

Ну это же так логично! Бестолковые родители таскают пацана по отстойному магазину и навязывают идиотские шмотки, а он хочет пить. И его еблан-отец молчит, когда мать давит парня своим отсутствующим вкусом в одежде. Что ещё нормальный человек должен им ответить? «Да, мама, я надену эту шмотку и буду ходить по улице, как пугало, я ведь еблан, как папа»?

В этом фильме масса таких ситуаций. Если посмотреть на каждую с действительно адекватными мозгами, все «припадки» этих «больных» выглядят как просто нормальная реакция на бред.

А они их лечат. Потому что это их овцы.

17 декабря

Несколько месяцев назад мама призналась мне, что когда я бросил вуз, она стеснялась встречаться с соседями на улице. И что ей было стыдно ходить на мои родительские собрания. Поэтому ходил всегда папа. Когда я классе в пятом украл кое-что у своих соседей с несколькими моими друзьями, мои мама, папа и родители тех пацанов собрались у нас на кухне вместе с соседями, у которых мы кое-что украли. Мать одного из пацанов сказала, что всем нам нужно отрубить по пальцу. И наши родители всерьёз обсуждали эту меру наказания. Сошлись на мизинцах. Но соседка вступилась за нас. Она сказала что-то типа: «Вы совсем больные? Они же дети. Они не соображали. Все наши деньги не стоят их мизинцев». Мне кажется, они рубнули бы нам по мизинцу, не встрянь соседка.

Мама приняла меня таким, какой я есть, где-то после армии. Батёк — не знаю, принял ли.

А я уже вряд ли приму их, мне осталось совсем немного.

Когда после девятого класса отец повёз меня в Нахимовское, то очень расстроился, что я завалил экзамены. А я был очень рад. Меня пугала мысль, что следующие несколько лет я буду там учиться. Оно казалось тюрьмой. Я очень свободолюбивый и против любой диктатуры. В 11-м, когда батёк дал мне каталог вузов и сказал: «Выбирай» — я выбрал ВГИК, а он выбрал Пермскую медакадемию. Естественно, я пошёл в мед. Не потому что согласился. А потому что выбора на самом деле не было. «Он выбрал» — это значит «он заставит». Только сейчас я понимаю, что с самого детства я мог выбирать сам и слать нахуй. И что когда я слал нахуй, это было нормально. Нормально слать нахуй, когда тебя поработщают.

Говорят, раньше было нормой делать так, как хотят твои родители. Никогда не считал, что моя жизнь принадлежит им. Подсознательно. И сейчас не считаю. Уже сознательно.

21 декабря

— Ты вообще охренел?! — говорит Эля и смотрит на меня с таким лицом, которое охуенно право, и любое сомнение в его правоте в принципе невозможно.

Блять, откуда в этих «нормальных» и «адекватных» столько уверенности в собственной правоте? В том, что их точка зрения неоспорима?

— Это моё дело. Хочу — живу, хочу — умираю.

Я рассказал ей, что собираюсь убить себя и приехал ради этого.

— Ты не можешь так поступить с матерью! Понял? Не можешь.

Бля, заткнись.

— Заткнись. Ты не можешь так со мной разговаривать. Ты не можешь упрекать меня и говорить, что хорошо, а что плохо. Блять, никто в принципе не может говорить мне, что делать и чего не делать.

Потому что ни у кого нет такого права.

Большинство считает, что может диктовать другим свои условия. Потому что «так правильно». Каким-то внутренним метрометром в головах огромного количества людей отмерено, что хорошо, а что плохо. Они не договаривались заранее, но «легенда» у всех одна и та же.

Откуда это берётся? Почему у меня не так?

Откуда...

Каннибалы едят людей, как мы — колбасу, японцы открыто покупают в магазинах обоссанные трусы школьников и дробят на них дома, финны едят тухлую рыбу, а несколько сотен лет назад людей сжигали в честь Иисуса Христа и толпы «нормальных» людей

с интересом наблюдали за этим. Современные «адекватные» собираются в огромных залах, чтобы увидеть, как два мужика пиздят друг друга, по телику всерьёз говорят, что можно пить мочу, чтобы выздороветь, а пару лет назад в раздевалке «Бона Фиде» повара́, столпившись вокруг телефона бармена, смотрели на видео, как один человек отрезает другому голову, смеялись и радовались. У каждой культуры своя система воззрений, в которой что-то норма, а что-то осуждается. Одна культура ругает другую за что-то принятое в ней. Более того — они, блять, воюют и убивают друг друга за разности в ценностях.

Итого: вопрос «Откуда?» — совсем пустой звук, ответ на него найти элементарно — статья «Культура» в «Википедии». А вот на вопрос «Почему у меня не так?» в качестве ответа есть только длинная цепочка вероятностей, часто взаимоисключающих и, скорее всего, не имеющих отношения к реальности. Учитывая, что невозможно решить проблему на уровне её возникновения, совсем не имеет смысла ломать голову на тему «Почему я другой?».

— Это даже не твои мысли. То, что ты сейчас говоришь и даже думаешь — трансляция привитой тебе системы мировоззрения. Ты даже не знаешь, каково конкретно твоё мнение на этот счёт, — говорю я.

— Да любой нормальный человек знает, что убивать себя — огромный удар для родителей. Ты не имеешь права так поступать с мамой. Ты даже не представляешь, что ты значишь для неё. И пусть ты эгоистичный ублюдок, всё равно ты должен жить ради неё, — говорит она.

Замечательная идея. Просто блеск. Жить ради кого-то. Все живут ради себя. А если кто-то считает, что живёт ради кого-то, он ошибается. В реальности эгоизм исходит от неё — это она

категорично не принимает моё мнение. Просто потому что оно опровергает одну из идей, фундаментальную в её культуре.

Если посмотреть вглубь, окажется, что мои родители сами же придумали, что я должен беречь их и не мочить себя. Ок, не сами мои родители, а вообще, в принципе родители в той культуре, в которой я вырос. А мои родители просто транслируют эту идею дальше. И она тоже. Она просто открывает рот в нужное время нужным образом. Её «мнение» — привитый свод правил, предписывающий ей определённое поведение с присущими ему переживаниями и мыслями. Даже эмоции она испытывает предписанные!

Трахать её? Трахать её.

Мы сидим с Элей в кафе развлекательного центра. Я бухаю, она ест какое-то белое мясо. У неё всё те же мягкие крупные губы нежной формы и цвета и большие глаза, которые вот-вот заплачут. Не в смысле, что она сейчас разревётся, а в смысле, они всегда такие. Как у оленёнка, как у Бэмби.

Эля — сама мягкость, сама пизда. Хочу в неё.

— Забей. Слушай, забей. Я пошутил.

Она несёт что-то про то, что нельзя так шутить. Но мы уже выпили, плюс я умею обращаться с речью, так что мы переключаемся на что там у неё происходит, потом — на воспоминания, потом — на такси.

А потом мы ебёмся.

Сначала она отнекивается, апеллируя к наличию у неё будущего мужа:

— Я не могу, мне нельзя, я испорчу карму.

Бла-бла-бла.

Я молча трогаю её везде по дороге ко мне, она воспроизводит речь, которую принято воспроизводить у таких, как она, тогда, когда

такие, как я, молча трогают их везде по дороге к себе домой в такси.

А потом мы ебёмся.

Она активно работает задом даже тогда, когда ей не особо это удобно. А зад погрозил за пару лет. Хороший. Спускаю на него. Кажется, не успел вынуть. Но это не важно — она уже идёт замуж.

В Казани её ждёт будущий муж, она чувствует себя предательницей, и может, у их первого будут мои глаза. Считаю, везение — у меня классные гены.

— Я никогда не отмоюсь. Моя карма теперь засрана по уши, — говорит она после.

Она правда расстроена. А мне понравилось.

Да и её приколото. Просто в её голове полно искусственных запретов, а в моей — ветер.

— В душе есть мочалка, расслабься.

12 января

У Цурика умер батёк.

Рано.

По возрасту Цурика — рано. Рано, когда тебе 27, а твой батёк отдаёт концы. Особенно потому что не от рака там или аварии, а из-за окончания ресурса организма. У Цурика батёка организм исчерпал себя и потух.

Из всех батёков всех моих друзей этот был единственный, которого я воспринимал как личность. Ну, не считая Абашинского. У Абашина батёк — в натуре чёткий мужик. Но поскольку я знаю его совсем уж коротко, соответственно толком не знаю, что за личность, он просто есть в памяти как бодрый тип, и всё. Остальные отцы друзей — это просто номинальные существа, которые обязательны ввиду того, что люди не самозарождаются. Это какие-то дяди в ублюдочной одежде, с убогими интересами, ни к чему не пришедшие, ничего из себя не представляющие.

Именно поэтому моё отношение к батёку Цурика как к личности необычно. Если сложить сводный портрет «отец друга», получается серая поверхность, которая есть, но её не замечаешь, если убрать оттуда друга. А у Цурика батёк — личность. Даже если убрать Цурика, батёк останется.

Когда я приходил к Цурику и его батёк разговаривал со мной, я отвечал не потому что надо ответить, пока Цурик погружает свои масла в лучший шмот, чтобы снять девах. Я с ним разговаривал, потому что хотелось взаимодействовать с ним посредством языка. Не то чтобы ради информативности, а какая-то душевная, что ли, хрень. Хотелось с ним говорить, хотелось, чтобы он улыбался. Он

особенно улыбался. У него верхняя губа была — и всё ещё есть, пока не сгниёт — физически как бы уголком посередине. Короче, когда он улыбался, посередине губы были сомкнуты, а у углов — открыты. Блять, только не надо представлять какую-то психоделическую хуету.

И глаза постоянно как будто сверкали.

Он часто улыбался.

У него была «копейка», на которой он ездил не по правилам. Однажды, помню, въехал на встречке и вызвал мусоров, потому что был уверен, что другой водила тупо быкует. Хотел доказать ему. На встречке. То есть Цурика батёк ебашил по односторонней дороге против движения, въехал, не сумел убедить того, в кого въехал, что тот неправ, и вызвал мусоров. Чтобы мусора убедили. То есть сам вызвал тех, кто за это потом забрал у него права, потому что считал, что прав. При том что даже дебил понимает, что нельзя ездить по односторонней дороге против движения. Это не то чтобы правило, это даже по логике понятно.

У него была работа. Какая-то совершенно говённая, копеечная, типа сторожа.

У него были тощие ноги, на которых он ходил, как на рессорах, и иногда казалось, что его ноги сейчас выгнутся в обратную сторону.

У него не было ни бабок, ни тачки, ни тела, ни талантов, ни почтения-уважения.

И он улыбался чаще, чем все, кого я знаю.

Не как дурачок, а он в натуре радовался жизни. Он по-настоящему любил каждый свой день. Не за имущество, моральное или физическое, а просто за то, что у него есть этот день. Он любил день за то, что он просто есть. У меня никогда не укладывалось в голове, как это возможно, но его позитив менял мою картину мира.

Если поставить в ряд десять мужиков его возраста, то получится мир, который ты прекрасно знаешь. Ты смотришь на них — и нет

ничего необычного: ебашить ежедневно в «Рогах и копытах», кредит за тачку, футбол по телику, жена решает, что тебе делать, а сам ты тупень, в котором информации ровно столько, чтобы класть в голову еду через открытый рот, не промахиваясь. Короче, всё понятно, так? Но ставишь одного батька Цурика, смотришь на него — и всё, ты уже ничего не знаешь о мире. Раз этот простецкий мужик видит мир иначе — значит, мир возможно видеть иначе. Кардинально иначе. Настолько иначе, что выходя из подъезда утром, можно видеть не «Мне 50, я сторож, „копейку“ забрали за дурость, ноги-рессоры», а «О, Илья в окне! Привет!».

Он всегда, когда видел меня в окне, кричал: «Илья, привет!» В натуре, он не дебилóк был какой-то, он радовался простым вещам.

Значит, мир иной. А раз ты не видишь его иным — значит, о мире ты знаешь не всё.

Он был очень проницательный дядя. Когда он впервые увидел Олегодруга, то сразу сказал:

— Не дружите с Олегом, он вас предаст.

С ходу сказал именно эту фразу. Хватило всего секунды знакомства. Не то чтобы он скорчил глубокомысленное ебало вроде Познера, а простой, обычной своей речью сказал фразу, смысл которой дошёл до Цурика только через пять лет. Когда Олег кинул его на телефоны. Это была совершенно обычная фраза, совершенно обычная для него реакция на Олега. Он не знал, когда конкретно, при каких обстоятельствах. Сформированный его жизненным опытом ум с первого знакомства, безошибочно определил в Олеге предателя. Так что кидок Олега был закономерен. Сколько ещё простых мужиков может вот так обыденно видеть людей насквозь?

Цурика мать пиздила Цурика батька. И сестра пиздила.

Цурик не пиздил. Но и сестре с матерью не мешал. Хотя достаточно было одного его подзатыльника одной и другой.

Они буквально били его. За то, что лишили прав, не возит на дачу. Пока не лишили — за то, что «копейка», а не «бумер». За то, что сторож и зарплата, как у волонтера благотворительного мероприятия. За то, что сам не может дать пизды. За то, что когда его пиздят, он просто лежит. За то, что нихуя себе — мужик, которого можно пиздить.

Они пиздили его не так, как у люмпенов модно говорить: «Дам пизды», а вместо давания пизды накричать, типа: «Я для тебя ничего не значу!» Они реально пиздили его настолько, насколько позволяли их физические возможности. То есть ударяли его ногами и руками по телу. Понятно, что бабские пиздюли — это как нападение бабочек: вроде как нападение происходит, но ничего не меняется. Факт не в том, насколько сильно они его мяли, а в том, что все свои силы и умения они прикладывали к тому, чтобы нанести телесные повреждения.

А он даже не бил в ответ. Даже при том, что физически он был слаб, всё равно один его пинок под сраку как минимум заставил бы их задуматься: «Может, ну нахуй, а то в натуре вломит». Он своей физической возможностью не пользовался. Он тупо лежал и закрывался от них. Я сам не видел, Цурик рассказывал.

Когда мама Цурика и сестра пиздили батька Цурика при нём, он тупо стоял и ржал. Ну понятно, что это корочно: видеть, как твоя мама с сестрёнкой неумело пиздят твоего батька. Нет, я не осуждаю этот процесс тут, Цурика, его мать или сестру. Поскольку каждый имеет право на любое действие. И на пизды батьку-мужу и на поржать. Каждый сам определяет границы дозволенного. А дозволение себе доминировать над отцом семейства в мои лично границы дозволенного вполне себе заходит.

Когда мне было 15, я тоже как-то раз кинул своего батька через себя. Я тогда шёл на рок-концерт, где меня ждало экзистенциальное

сосредоточение счастья для моих 15: прикольная пилотка, панк-рок и бухло. Батёк что-то там пиздел, пока я одевался, в духе: «Вот, нехуй ходить на концерты, твои друзья — дерьмо, ты сам уёбок». Потом залез ко мне в рюкзак, нашёл там баллон пива и говорит: «Я тебе сейчас об голову его разобью». Ума палата. Как можно разбить пластиковый баллон об голову? Ну и встал в дверях с моим пивасом. Я тогда ходил на борьбу, так что довольно технично кинул его через себя, положил баллон обратно в рюкзак и ушёл. Батёк, конечно, был в шоке, и когда я потом вернулся с концерта, то застал его на кухне плачущим над моим фотоальбомом. То есть в его картине мира насилие сына над отцом было невозможно. В моей — не только возможно, но и совершенно нормально. В определённых ситуациях, в качестве определённого метода. В частности, метода противодействия его надо мной доминированию. Проще говоря — чтобы батёк не выёбывался, я считаю, можно наддать ему по орехам.

Цурика же мать с сестрой пиздили Цурика батька ради самого процесса. Ради своего удовольствия. Реальных причин для этого никогда не было. Да, он был физически слаб, мало зарабатывал, даже дерьмо-тачку умудрился проебать насколько тупо, насколько даже представить сложно. Но это не причины. Это образ жизни, характера. Те самые образ жизни и характера, с которыми однажды эта женщина сознательно связала судьбу, выйдя замуж, а другая полуженщина выросла, воспитываемая человеком с этими образом жизни и характера. Они обе, можно сказать, сами выбрали для себя жить с этим человеком. Пиздить кого-то за твой собственный выбор — это как минимум глупо. Это всё равно что ломать себе руки за то, что они не достают жемчужины из ванны, пока ты моешься.

Иными словами, они пиздили его ради удовольствия. Ну а Цурик ржал, глядя на это.

В какой-то момент у Цурика батька отказали ноги. Вообще перестал ходить. Тогда Цурика мать и сестрёнка вообще его чуть ли не возненавидели. Когда он хотел в сортир, они говорили ему:

— Старый дурак! Чего тебе в туалет надо, сри под себя! У нас нет времени водить тебя на толчок.

А когда он полз в сортир на руках, они смеялись над ним:

— Давай не дави на жалость! Ты мужик или тряпка?!

Для меня было удивительно тогда, что его жена и дочь осуждают тот факт, что мы с Цуриком несём его посрать.

Они говорили:

— Бросьте его! Ему надо учиться обслуживать себя самому.

Его ругали за то, что он стал немощным. Его толком не кормили. Каждую последнюю минуту его жизни ему давали понять, что он лишний. Он целыми днями сидел в кресле, постепенно умирая и слушая, какая он обуза.

Тому, что для них важно, они уделяли максимум внимания. Новый ковёр, соленья на зиму, ремонт дома. Они с радостью занимались важными для них вещами. В частности, несколько вечеров подряд Цурика мать посвятила всё своё время соленьям. Она не ругала огурцы-помидоры-грибы. Не била банки, совершенно спокойно стояла у плиты и варила варенья. Она понимала, что придёт зима и им приятно будет есть соленья-варенья. Она готовила еду на зиму и получала удовольствие от процесса.

У неё была возможность посадить, например, Цурика батька рядом с собой на кухне и получать удовольствие от общения с ним. Она понимала, что вот, он уже тлеет и скоро умрёт. Так что если бы Цурика батёк был для неё ценен, она бы посвятила часть времени ему. Раз она этого не сделала — значит, ей было на него насрать.

Хуёвое питание, отсутствие поддержки близких, издевательства с их стороны. Всё это явно сократило срок его жизни. Это как

отключение от аппарата искусственного дыхания, только душевно.

И вот, теперь Цурика батёк лежит твёрдый, холодный и мёртвый под белой простынёй. Мы стоим вокруг его кровати. Я, Цурик, его мать и сестрёнка. Мать и сестрёнка плачут.

Его дочь я увидел плачущей ещё в подъезде, на их этаже. Я поднялся на этаж — их дверь открыта, и его дочь стоит на площадке и рыдает на весь подъезд. Очень громко, нудно, противно. Вся в соплях и прочих биологических жидкостях. И орёт. На весь, блять, подъезд. Я ещё подумал: может, съебнуть? А то пиздец же цирк.

Захожу в квартиру — там Цурика мать. Тоже заливается. Захожу в комнату, где он лежит, говорю ему: «Пока, дяхан». Эти две заходят и давай ныть под ухо.

Блять.

Почему они плачут?

Почему эти две планомерно забивавшие гвозди в его гроб при жизни плачут, когда он умер?

Почему его смерть является единственной причиной демонстрации их «любви» к нему?

Демонстрации любви, не самой любви.

Потому что теперь не попиздишь особь с хуем в месте, где для них логична пизда? Потому что так принято? Потому что они расстроены? Расстроены они могут быть, только если любили его. Отпадает вариант. Нельзя попиздить? Ну это бред, так что тоже отпадает.

Так принято. Единственное, что подходит.

Поэтому и дверь в квартиру открыта, чтобы соседи не считали чёрствыми. И надрываются, чтобы все слышали.

Мне лично было бы неплохо снова видеть, как он радуется простым вещам. То есть отсутствие его жизнелюбия никак не влияет на моё настроение. Но его присутствие влияло бы позитивно. Всё.

Это всё, что я испытываю. А что ещё? Я достаточно времени провёл с ним при жизни. Что хотел — спросил, что хотел — сказал. Ровно настолько, насколько он был для меня ценен.

Скорби я не испытываю, глядя на его мёртвое тело, хотя он был для меня сколько-то важен как личность.

Люди вообще умирают, это обычное дело. Он умер в 50, моя бабушка — в 70 с чем-то. Курт Кобейн — в 27. Рано или поздно умрут все. Я вон вообще скоро, да ещё и по своей воле.

Моё отношение к смерти совершенно естественно. И совершенно неестественна для меня парадигма «смерть — это плохо». Это не плохо, не хорошо. Это состояние, в которое обязательно приходит всё живое.

Общепринятое отношение к смерти очень похоже на отношение российских дорожников к весне. Для них весна всегда неожиданна. Могли бы каждый год воспринимать её как норму, а по факту каждый год весна для них — головная боль.

Как-то слышал по радио интервью какого-то чела, который заведует дорогами в России. Его спросили:

— Почему у нас так много ям на дорогах?

Дело было в марте, снег растаял, и вместе с ним «растаяли» фрагменты дороги, стало много ям.

Этот чел говорит:

— Дело в том, что очень неожиданной была зима.

Его спрашивают:

— Неожиданно, что была зима?

Прям так и спрашивают. Не скрывая сарказма. Потому что давно уже всем всё понятно.

Он говорит:

— Нет, мы знали, что будет зима. Но сама зима была неожиданной. Потому что был снег, потом он растаял, потом снова

выпал, снова растаял. И так несколько раз за февраль. Поэтому образовались ямы. Никто не мог предусмотреть, что так будет, так никогда ещё не было.

Наверное, такие интервью этот чел даёт в марте каждого года.

Для наших дорожников таяние-выпадение зимой снега и разрушенные этим процессом дороги — неожиданность. А горящая голова и замазывание дыр весной — закономерность. В то время как вполне нормально можно делать дороги весной, летом и осенью, делать технологично, понимая, что зимой холодно, что будет снег, что потом он растает. А после зимы можно продолжать ездить по нормальным дорогам. В Норвегии же как-то научились это делать. А там тоже есть зима. И снег там тоже тает.

Всю жизнь можно совершенно спокойно, планомерно делать нормальные дороги, ездить по ним комфортно и вообще никогда не ругаться, не сокрушаться, не оправдываться и не носиться с горячей жопой, замазывая дыры, которые через пару месяцев вернутся, потому что замазывание дыр не решает проблему.

Вполне себе нормально можно ценить человека при жизни, если он тебе интересен, понимать, что однажды он умрёт, а когда умер — закопать в землю. Или кремировать. А не ныть, блять, о том, что вот, не успел с ним побыть, не ценил, не хватает. Если проводить с человеком при жизни время, то не хватать не будет. Ну а если он не был интересен при жизни, то что плакать? Зачем плакать о потере того, на что тебе насрать?

Если кого-то любишь, нужно любить прямо сейчас, потому что однажды этот человек умрёт, и с тобой останутся только воспоминания совместных событий. Плохие сотрёшь, хорошие оставишь.

24 января

Я качаю много порно. Больше, чем мне требуется, чтобы подрочить. А потом проматываю за секунды и удаляю. Даже не дроча.

Я открываю несколько закладок с фильмами, смотрю один минут пять и смотрю следующий, потому что не цепляет текущий. Я не ищу смыслов, я смотрю, чтобы смотреть.

Я слушаю музыку подряд с плейлиста «Вконтакте». Не какую-то именно, а подряд, что у меня накидано.

Я кладу в тарелку много разной еды. Больше, чем мне нужно. И никогда не доедаю.

В магазине я покупаю подряд, что приглянулось. Оно мне не нужно, оно стухнет и будет выброшено.

Иногда я открываю вторую банку пива, когда первая уже открыта. А когда после вырубания я просыпаюсь, то выливаю его в раковину, радуясь тому, что пиво выдохлось.

Я накуриваюсь до состояния «плохо» и делаю всё, чтобы оно прошло. А когда оно проходит, я радуюсь, что избавился от перегрузки.

Я вбрасываю в себя больше стимуляторов, чем мне требуется. Потому что ничто не цепляет.

Потреблением физических объектов я пытаюсь заполнять бездну внутри себя.

Тщетно.

Там пустота, она никогда не наполнится.

1 февраля

Я просто тень, идущая к выключателю, чтобы нажать его и навсегда исчезнуть.

23 февраля

О, эти сраные обязательные праздники!

Те самые дни, когда, даже если ты полное ничтожество, мир как бы говорит тебе: «На самом деле мне на тебя не насрать». Когда даже бомжу, находящемуся на абсолютном дне, достаточно вылезти на улицу и испытать радость. Ничто не меняется в его жизни, бомжу всё так же нечего есть весь год, он всё такой же грязный и вряд ли когда-нибудь элементарно помоется. Тем не менее вот он вылезает из своей зассанной, заблёванной ночлежки и получает фантик, который как бы говорит: «Да, нам не похуй».

Все эти открытки, шаблонные поздравления в личку, шарики. Все эти заготовленные годами практики артефакты идеи «нам не похуй». Пластиковые, пустые, не наполненные даже каплей личного внимания.

Сегодня тот самый день, когда каждый бухой быдлан стремится рассказать о своей мужественности максимальному количеству незнакомых людей, которым, вообще-то, на него насрать. Всегда было насрать, всегда будет, и более того — с чего он взял, что сегодня на него не насрать тем, кому всегда было на него насрать?

Сегодня тот самый день, когда подруги, жёны, родственницы и, конечно же, мамы этих бухих быдланов говорят: «Серёжа, ты такой у нас мужчина!» Коля, Витя, Андрюша, Виталя. Тысячи имён, миллионы бухих ебальников из каждого подъезда, с каждой лавки изо всех сил выдыхают свои перегарные:

— Служил?

И не важно, служил ли он сам. Важна идея: в этот день нужно поддерживать всё мужское. Весь год можно быть тряпкой у жены

и её матери, а на 23-е нужно обязательно демонстрировать признаки маскулинности, если ты тот, кто родился с хуем.

Потому что тебе, ебаная быдлота, придумали этот день, чтобы хоть раз в год ты мог гордо сказать: «Я мужик!» И твоя жена, подруга, родственница, мама сказала: «Серёжа — такой у нас мужик!»

Ровно то же самое происходит 8 марта: бабы демонстрируют феминность.

На 14 февраля — демонстрация ценности привязанности к одной из особей противоположного пола.

Тысячи этих праздников. Если отмечать все праздники, что есть в мире — это станет работой, на которую не захочется ходить. В частности, у моих родителей принято отмечать Новый год трижды: по казахстанскому времени, по московскому и Старый Новый год. Недавно появилось ещё и Рождество...

Больше вопроса «Вы не заебались ещё отмечать?» меня интересует «Ну неужели люди настолько безвольные, что даже наивысшее выражение радости — праздник — им подходит по придуманному для них распорядку?». Да, разумеется, я давно ответил себе на этот вопрос, а волнует меня, как и прежде «Что я среди них делаю?» — то есть вопрос, ответа на который не существует. По крайней мере, в моей системе мировосприятия. Да и не важно это уже. Совсем не важно.

Есть такое выражение:

— Сегодня же Восьмое.

А ещё есть:

— Сегодня же 9е, 1е, 23е,...

Их много. И все они «важны». И всем «не похуй».

И все ведутся.

Вот они — гордые олени, бухающие с самого утра, только потому что сегодня «их день». Обвешанные доказательствами службы в армии «мужчины». Чей день сегодня.

На ветеранов всем так же «не похуй» 9 мая. Вы же видите георгиевские ленточки на рюкзаках бухих подростков-веганов. А это очень сильный артефакт, самый, сука, сильный. Купаться в проруби зимой, жечь фейерверки на Новый год, печь куличи на Пасху и блины на Масленицу.

Внимание, вопрос: что мешает делать всё это в любой день в году, если вы так это любите?

Отсутствие толпы.

Всё, блять, вся разница. Блины в одного — не такие вкусные, как толпой, вода в проруби для одного — в разы холоднее, чем стадом, никто не поверит, что ты мужик, если ты не в ораве таких же «мужиков», ты не женственна в одиночестве.

Они стоят своих праздников. Их обязательно нужно было им придумать. Им нужна эта морковка, как ослам, и глицериновая ванна, как в «Матрице».

Главное — оставаться в толпе, чтобы ни в коем случае не остаться наедине с собой, не увидеть свою уникальность и не понять, что на самом деле ты единственный в своём роде, таких, как ты, больше нет. Главное — не становиться кем-то, а продолжать быть никем, продолжать «жить», ощущая себя «нужным».

24 февраля

Закон всегда один: сильный жрёт слабого.

Это единственный закон, по которому строится всё в нашем мире.

Отсюда все эти правила.

Более молодой не уступит место более старому, если не будет правила, что более молодой должен уступать место более старому.

Человек будет бросать мусор, где попало, если не будет штрафа. Зайди туда, где обитают люди низкого социального статуса, и охуеешь от грязи. Потому что им насрать на законы. Но зайди в прайд к уголовникам, живущим по понятиям, и вуаля — чистенько. Ведь у них есть «понятия».

Закон всегда один.

Ты надеваешь кроссы, в которых Джордан уделывает других баскетболистов. Ты хочешь так же доминировать на баскетбольном поле, но по каким-то своим причинам не занимаешься баскетболом. Ты надеваешь олимпийку модного рэпера, потому что хочешь, как он, жрать кошельки фанатов и владеть титьками фанаток. Ты видишь на модном рэпере все доказательства того, насколько эффективно он господствует. Вот он — весь обвешан золотыми цепями, артефактами, без слов доказывающими, что он доминант. Как какой-нибудь пещерный вождь — зубами и шкурами убитых им хищников, которые без слов объясняют, что он способен сожрать даже того, кто в своём мире жрёт всех. И ты хочешь хоть что-то такое же, как у этого рэпера, чтобы тебе самому было легче жрать кого-то послабее. А «Адидас» хочет сожрать тебя и твой кошелёк, поэтому

платит рэперу, чтобы тот надел олимпийку. И ты ведёшься. Надеваешь её и пиздуешь в школу — жрать хоть кого-нибудь.

Мода на спорт может возникнуть только в мире, где пожирание друг друга возведено в культ. Бои без правил — абсолютный триумф доктрины пожирания друг друга. Майк Тайсон откусил противнику ухо, только потому что есть закон, ограничивающий доминирование, иначе он сожрал бы столько, сколько смог, как это делают в менее прогрессивных племенах, которые ещё не настолько развиты, чтобы уметь подавлять хищнические инстинкты в своём народе централизованно.

Законы придуманы только с одной целью: ограничить возможность пожирания других теми, кого те, кто пишет законы, хотят сожрать сами. Закон всегда один.

Казалось бы — два человека поливают друг друга грязью в псевдостихотворной форме, и толпа улюлюкает: «Что хорошего?» «Что они в этом нашли?» — спрашивает одна мамашка другую. Да то же самое, что нашла ты, поливая грязью какую-то свою коллегу на работе, чтобы получить её должность. Только они делают это на всю страну и получают значительно больше денег — эквивалентов плоти, чем ты. И подсознательно ты не удивляешься, что они в этом нашли, а завидуешь, что не можешь так же массово.

Индейцы пытались откупиться от конкистадоров побрякушками, только потому что считали себя умнее. Нихуя себе, они так умело мочат друг друга, на шее их вождя ожерелье из скальпов, а тут парни без артефактов доминирования. Мы просто их купим. Они не учли, что к ним приехали куда более опытные хищники. И им не нужна часть, им нужно всё. А главное — они способны это забрать.

Праздники... Праздники! Да это просто способ не дать людям сожрать друг друга! Потому что тогда тем, кто придумал праздники,

некого будет жрать. Холодильник — способ продлить срок годности продукта, праздник — способ продлить срок годности человека. Фермер доит бычью сперму и заливает в коровью пизду, правитель пропагандирует семейные ценности. Потому что это проще, чем доить мужика и заливать его сперму бабе. Идею ценности родительства большинство и так инстинктивно поддержит. И они нарожают сами.

Заговор? Ну нахуй. Правители — такие же рабы главного закона, только жрать умеют круче всех остальных, как и древние вожди племени. Только на них шкуры Armani и зубы Patek Philippe. А вся эта ёбаная оппозиция — всего лишь шакалы, которые точно так же, как и все остальные, хотят сожрать. Вождя — ведь это открывает доступ к холодильнику всего племени разом.

В этом мире каждый раз, выходя на улицу, приходится прокручивать в голове: «Не верь их уловкам, бей первым, не давай спуска, лови каждого пидараса, который позарился на твоё, и ебашь его». Потому что выходя на улицу любя мир легко остаться раздетым и униженным.

Они считают своей победой пройти вперёд тебя в очереди, проехать вперёд тебя в пробке, продать тебе дороже, занять денег и не отдать, прописать гору раздевающих тебя соглашений в договоре по кредиту и получить подпись.

Только они могли распять Иисуса. Забрать последнее у единственного, кто их по-настоящему любил. И только они могут тысячелетиями торговать артефактом этого события, нося его на шее, как зуб дракона, и выставляя в своих владениях, как голову врага, насаженную на кол. Да, смысл изменился. Ровно под мораль паствы, несущей пожертвования. Их даже слово «жертва» не парит, настолько всё очевидно.

Праздник, как и любой сценарий поведения, попавший в голову извне, имеет единственную цель — приручить, обязать действовать определённым образом, думать определённым образом, быть определённым существом — пищей. Закон один, он не меняется.

В кино люди больше всего боятся смерти и насилия. Пришельцы всегда завоёвывают, постоянно какой-то конец света. Если какое-то существо вдруг вылезло из клетки, оно неминуемо начинает всех убивать. Смерть, потери — это единственный людской страх.

Никто не боится потерять себя или совершить что-то, с чем не сможет потом жить, потому что загрызёт совесть. Никто не боится кого-то чего-то лишить, все боятся потерять.

Фильмов, исходящих из желания познания, практически нет. А те жалкие единицы, что есть, никто не смотрит. Никто не хочет знать.

Герои в фильмах постоянно кого-то убивают. Любая завязка — либо злодей, либо нехороший, которого в конце либо убивают, либо подчиняют. Закон. Всегда. Один.

Думать? Не, ну нахуй! У нас тут Масленица! А давайте выпьем за женщин! А давайте — за победу сборной! О, Победа — за Победу! У меня же праздник, могу себе позволить!

Дорогой, вот тебе бритва и пена для бритья. Да мне насрать, чем ты увлекаешься.

Спасибо, дорогая. Вот тебе цепочка. Мне тоже похуй, чем ты там живёшь.

Сынок, ёпта, вот тебе боксёрские перчатки. Да мы с мамой не только не знаем, что ты любишь танцы, но и вообще хуй забили на весь твой богатый внутренний мир.

Изменил? Скотина!

Дала? Шлюха!

Убить себя? Подумай о матери!

Умер? Гооооореееее!

25 февраля

«Ты не знаешь, кем ты хочешь быть. Ты не знаешь, чего ты хочешь».

Так мне часто говорят.

Они считают, что по умолчанию я должен чего-то хотеть в этом мире, хотеть кем-то стать в нём. Это так важно, так обязательно — хотеть продолжать жить. Так важно, что никто даже не допускает иного. Не обязательно обратного, а просто иного. Так всё, блять, предсказуемо.

Просто смешно, насколько сильно окружающие погружены в трясину выживания. Устроился на работу — работаешь, пошёл в школу — заканчиваешь дипломом, создал рок-группу — играешь, родился — живёшь.

Они даже представить себе не могут, что кто-то может на полном серьёзе не хотеть быть кем-то, не хотеть вообще быть. И не просто для красного слова, а истинно, изнутри, глубоко.

С самого детства я пробовал всё подряд. В четыре я впервые отправился в путешествие. Где-то за четыре или пять кварталов от дома, потом вернулся и получил папиного ремня. В четыре... Пиздец. Потом я увлекался кладами и, чтобы реально найти хоть что-то, в первом классе закопал сам. Найти потом не получилось — там начались строительные работы, и мой клад был уничтожен экскаватором.

Потом были марки, переросшие в монеты, которые были так же благополучно заброшены, когда я решил заработать на них, продав. Я принёс свою коллекцию монет в клуб нумизматов и узнал, что

ценности в моём собрании ноль, а что-то более-менее ценное я могу купить у них за сумму, видевшуюся мне тогда огромной.

Плавание, карате, бокс, баскетбол, греко-римская борьба, два дня айкидо, пианино, попытка играть на скрипке, рисование, графический дизайн. В 13 я продал свой Macintosh — тот самый, культовый. Он достался мне от батька, когда тот взял себе Power Mac, поскольку профессионально занимался рекламой. Я продал его в канун Нового года, чтобы пополнить пустой семейный бюджет, иначе всё семейство дружно сосало бы палец под бой курантов.

В восьмом классе я открыл для себя воровство. Никто из моих сверстников в школе даже не подозревал, что за одной из моих картин у кровати лежала сумма, которую никто из них даже не держал в руках. Не сказать сейчас чтобы много, но для восьмиклассника деньги были приличные. Я даже залез к своим соседям через балкон со своего балкона и вынес всё ценное. Почему-то за это мне до сих пор стыдно, хорошие были люди. В десятом я стал неформом. Стал ходить на рок-концерты, носить рваные джинсы и цепи. Потом рэпером, потом альтернативщиком, потом скинхедом. Я прям тусовался с бритоголовыми в Перми, будучи бритоголовым сам, и пару раз посещал зачистные мероприятия. Да ладно тусовался. Я же верил в идею белого господства. Потом немного экспериментов с наркотиками, торговля ими.

В 17, в день, когда мои одноклассники собирались всей школой где-то и отмечали выпуск, я уже третьи сутки сидел в камере, понимая, что скоро в тюрьму. В тот день я уже был настолько измотан спонтанными допросами в любое время суток, деревянными нарами, грязными полами, стенами, несвободой, пропитавшей воздух, и пониманием, что дальше только хуже, что мне было совершенно насрать на выпускной. На несколько лет я

должен был отправиться за решётку. Потому что тогда меня взяли с обрезом во время вооружённого ограбления. Тогда мне очень сильно повезло, что у меня есть батёк, который в критический момент всё-таки меня любит.

Я трахал мужиков за деньги. В июне меня выпустили, в июле я порол в дымоход какого-то парня с Пермского вокзала. Он подошёл ко мне и предложил оттрахать его в задницу за оплату. Я и не знал, что такое бывает. Пару месяцев я трахал парней и получал за это деньги. Однажды мы сидели с пацанами в общежитии, смотрели телик, по телику начались новости, и их вёл парень, которого я частенько порол.

— О, я его трахал! — сказал я. Прикольно же, когда ты трахал кого-то из телика. Мне тогда было всё равно — ведущую или ведущего. Пацаны странно так на меня посмотрели. Я и перестал.

В институте я устроился дворником в модельное агентство, чтобы знакомиться с моделями. Я ловил бродячих собак и продавал на кафедру анатомии. Те ставили над ними опыты. И около недели я, Серийный и Сакральный искали бомжа. За него давали в десять раз больше, чем за собаку.

Принимал участие в операции, которую проводил ректор моего института, уже на втором курсе. Через полчаса после начала понял, что не моё, всё бросил и ушёл. Собрал рок-группу случайно во время собрания в общежитии, устроенного начальником чего-то там по работе с молодёжью. Через неделю мы играли в халовном помещении на кафедре иностранных языков, халовными инструментами. И потом пару лет занимался панк-роком. Печатал по ночам пиратские кассеты, днём продавал их из ларька.

Есть одна короткая история, отлично иллюстрирующая мой образ жизни в период проб и ошибок:

Я приехал в Пермь из Челнов после летних каникул. На вокзале меня встретили взволнованные Рузель и Бич-Пакет:

— Быстрее, Панк, быстрее!

С самой подножки поезда мы побежали на остановку, сели в трамвай, доехали до общаги, из трамвая бегом побежали в комнату, где Лысый как раз заканчивал процеживать малагу. Открываю дверь, Лысый не здороваясь даёт мне кружку малаги, пью. Ну а потом мы все дружно упарываемся, вписываемся в приключения и так каждый день. С самой подножки поезда, после трёх месяцев каникул. Никаких тебе обнимашек, «как-провёл-лето», сразу в экшен, сразу с головой.

Кем я только не был, чего только не пробовал. Профессии, увлечения, девушек, друзей, идеалы, цели, занятия, даже веры я менял как перчатки. Нет, я ничего не искал. Я просто пробовал всё подряд.

Я — художник, я — бандит, я — рэпер, я — ариец, я — панк, я — фельдшер. Это очень длинный список. Я же даже в Москву ехал, чтобы работать у Сергея Ключанского, развиваться в направлении итальянской кухни и стать лучшим поваром итальянской кухни в России, а через две недели работал барменом, возможно, в самом блядском клубе столицы. Сейчас я писатель. Хотя какой писатель?

Нет, никогда мне не было важно прибиться к какому-то званию. Стать кем-то, обрести место. Никогда я не считал, что мне нужно место, что я должен найти его, занять и защищать. Мне просто было интересно пробовать новое. Без смысла.

Мне 27, я проверил везде и знаю наверняка — здесь нет ничего интересного.

Когда я бал маленьким, весь мир казался огромным зámком переливающихся красками впечатлений. И в этом мире, чем бы ты

ни занялся, ты можешь идти до конца, развиваясь бесконечно. И чем глубже ты погружаешься во что-то, тем ярче краски и безграничнее возможности.

С каждым новым попробованным делом вера в такой мир таяла. Как снежинка, которую лучше не брать в руки, пусть летит красивая, вместо того чтобы быть крошечной лужицей на ладони.

Однажды я стоял с Паштетом и какими-то нефорами в подъезде и курил. Паштет сказал:

— Ты как Prodigy на гастролях.

У меня были широкие штаны с нашитым на них чем-то, цепи, серьги. На мне был концертный образ Кейта Флинта, и Паштет был прав — в нашем городе никто так не ходил. Где-то в то время я писал письмо Лайаму Хоулетту, сам не знаю зачем. Хотел коснуться рукой мечты.

А год назад мы шли с батьком по Тверской, просто гуляли после бара, а нам навстречу шёл Лайам Хоулетт. И остальные Prodigy. Они шли с концерта. Вышли из машины и шли в гостиницу. Лайам шёл с бутылкой вина, из которой отпивал, рядом с ним пара огромных хохлов-охранников, за ним остальные. И только Кейт Флинт шёл, прячась, вдоль здания. Они были на вершине успеха тогда, но никто в центре Москвы не замечал их. Лайам шёл прямо навстречу мне.

Ничего особенного, просто парни идут в гостиницу. В обычной одежде, идут по улице. Я подошёл к Лайаму и сказал, насколько важно для меня его творчество, что он всю мою жизнь перевернул своим Firestarter. Он посмотрел на меня с искренней благодарностью, как на что-то очень для него ценное:

— I am really appreciate that.

И я верю ему. Потому что когда он вернётся в Эссекс, он буднично сядет писать песни, потом они вместе будут их

репетировать. Потом они поедут на концерт и будут продолжать работать. Потому что они звёзды электронной музыки.

Набоков садится и буднично пишет «Лолиту». И сколько он ни будет писать дальше — лучше он не напишет. Кастанеда написал всё, что нужно знать о познании мира. И сколько бы ни надрывался Моррисон...

Мир остаётся тем же.

Каждый жрёт каждого, либо осуждая, либо восхваляя того, кто может сожрать его. Дороги всё такие же дырявые, «Как дела?» — всё та же пустая фраза, которую обязательно нужно сказать при встрече, инфобизнесмены продолжают мотивировать, зарабатывая деньги на страсти к халяве. А солдаты продолжают убивать невинных жителей, завоёвывая ресурсы для своих президентов. Этот список очень длинный, все его прекрасно знают. Хоть и не отдают себе в этом отчёта.

Это не со мной, это не про меня, это есть, но у меня всё хорошо. У меня дети идут в школу, муж дарит подарки, у меня друзья, коллеги, грамоты. Пока всё хорошо. Главное — не падение, главное — приземление.

С самого детства я отверг идею совать голову в песок в качестве единственного способа выжить.

Я неправильный.

В детстве я был восторженным, в юности — протестующим против взрослых, которые убивают всё, что меня восторгало в детстве, последние пару лет я наблюдаю, как во мне угасает всякое желание хоть что-то чувствовать по отношению к этому миру.

Взрослые — это просто дети, которые прячутся от Яшки, надеясь, что кто-то поймает его и посадит в тюрьму. А Яшка — это просто пацан, которого папа пиздит с особой жестокостью. А папа Яшки...

Этот список очень длинный. Я не хочу его продолжать, я не хочу жить в мире, где список ограничений очень длинный, а список возможностей очень короткий.

Так что нет, в мире, который вы уничтожили, я не хочу ничего.

Когда-то в каком-то из баров, будучи барменом, я предложить ввести пару коктейлей, которые часто смешивал, но их не было в барной карте. «Сингапур слинг». Да, я люблю этот коктейль. Его любят многие. А у нас в баре его не было не в мою смену. «Негрони» тоже не было.

Мне сказали тогда: «Не высовывайся». Смешно. Как это смешно. Просто бар, просто бармен, ничего особенного. «Не высовывайся».

Это был странный период моей жизни после клинической смерти, когда я внезапно захотел улучшать всё вокруг себя. Бесплатно. Я не просил денег. Я просто хотел делать лучше всё, что меня окружает.

Одни говорили: «Не высовывайся», другие садились на шею, и всего пара человек принимала как есть. Всего парочка. Таких же психов, как я.

А ведь ещё около года назад я реально любил свою профессию. Около года назад во мне всё ещё жил Илья, который любит бар и хочет, чтобы в его смену за стойку садился человек и чувствовал себя отлично, не прилипая дорогим пиджаком к стойке, покрытой слоем сиропов и ликёров от барменов, работавших до меня. Я реально парился из-за молочной накипи на носике. Это же было, блять, во всём.

Видимо, я всегда был ненормальным. Больным придурком.

А что, если...

А что, если смириться?

Принять их противоречащие моим ценности. Не принять их внутрь, а принять как данность. Как гору или реку, течение которой ты не можешь изменить.

В принципе, это возможно, но я опять возвращаюсь к вопросу: зачем мне жить дальше?

Ради чего мне жить с ними?!

Да и на самом деле — как? Как при всём моём понимании мира, общества, природы вещей научиться смиряться со всей этой грязью? Где мне взять терпение, и главное — каким образом научиться не видеть вокруг зло, а видеть добро? Да и как вообще заставить себя закрывать глаза на ублюдочность? Да, я знаю, что есть среди рабов люди, светлые и чистые, не всё абсолютно плохо. Но как мне снести всю мерзость рабского, научиться жить рядом с ними нормальной, полноценной жизнью?

И как мне научиться не кормить своего зверя ненавистью к ним?

Как свыкнуться с ложью как с нормой? Я пробовал насмотреться Тони Роббинса — не помогло. А ведь в этом социуме навык лгать — одна из основ мирного сосуществования. Обманывать. Как научиться обманывать поточно? И не жалеть об этом? Как заставить себя на постоянной основе носить маску, скрывать свои истинные намерения, не испытывая при этом душевного дискомфорта и ощущения себя грязным? Лицемерить, склочничать, плести интриги, быть как все, обезличиться, обезвкуситься, забыть своё мнение, программироваться, вестись, каждый день тупеть, мочь тупить в принципе, атрофировать чувства, перестать доверять,

подозревать и проверять, бояться? Или хотя бы делать вид, что я такой, и принимать это в других?

Как научиться быть цепным псом? Домашним растением? Бутилированной водой?

Как ужиться с ментальностью быстрого приготовления без желания уничтожать её? А когда это невозможно, то есть почти всегда — как удержать свою злость от пожирания себя? Оно же должно куда-то деваться. Куда девать реактивную ненависть так, чтобы продолжать при этом жить на свободе?

Свобода. Как заставить себя видеть во всём этом свободу?

Как не замечать, что лучшие умы спиваются, скалываются, сходят с ума и умирают молодыми, так и не сумев перебороть в себе жалость к безумной цивилизации, которая превращает свою жизнь в кошмар на потрясающе красивой планете?

Как перестать замечать буллинг, АУЕ, гей-парады, теракты, войны, трансляцию пыток по телику, ложные обвинения в изнасилованиях, фейковых миллионеров, эксперименты на живых животных, на живых людях, насильников, садистов, мазохистов, срущие в уши новости, сектантство, бродяжничество, наигранное сочувствие и закрытие проблемы фразой: «Ой, и откуда берутся такие уроды»? И весь остальной список, как клубок ядовитых змей заполняющий реальность?

Откуда, блять, берутся... Отсюда! Отсюда берутся! Не из космоса, не самозарождаются, не выращиваются нацистами в Антарктиде в лабораториях. А тут и воспитываются. Вот прям рядом. Посмотри на ребёнка — он чист. Он не рождён уродом.

Как же в действительности сложно.

Нет. Не получится. Я здесь не нужен. Я здесь лишний.

Может, если бы с детства я мог свободно заниматься, чем нравится, то накопил бы в себе любовь к миру как к месту, в котором есть то, что меня вдохновляет? И положительного во мне к сегодняшнему дню собралось бы больше, чем отрицательного? И вопрос «быть или не быть» не вставал бы, потому что любви к миру во мне было бы больше, чем ненависти? Но если бы у бабушки был хуй, она была бы дедушкой.

26 февраля

Нахуй их всех. Нахуй их всё.

Они все живут по одинаковым правилам, и им это нравится. Может, и не нравится, но они об этом не знают. Не думают о том, что можно иначе. Да даже если думают, что можно, то считают, что не стоит.

Головы этих страусов вживлены в песок, им их не вытащить. Так же, как не вытащить члены, ебущие их задранные задницы.

Я бы с радостью рассказал о мире, который можно создать, будучи индивидуальностями. Но мне никто не поверит. Меня никто не станет слушать. А если и станет, то сразу найдётся штук миллион ораторов, которые сапеллируют к своим текущим ценностям, и я буду довольно быстро послан нахуй.

Да ладно сапеллируют! Скажут: «Матерщинник, деградант, преступник, извращенец». Всем будет абсолютно насрать, что я говорю, пока я говорю не в их формате. Я же пишу о хорошей ебле с придыханием и о плохой — с отвращением. А еблю даже еблей называть не принято.

«Он пишет о сексе, да ещё и так вульгарно. А мы то — ни-ни, и никому-то не рассказываем, как забавляемся со straponами под Cradle of Filth, нанюхавшись кокаина».

«Его рука коснулась её бедра, и её кожа завибрировала. Она издала протяжный стон, и сладостный огонёк зажёгся в низу её живота». Фу, бя, ну и гадость.

Честно говоря, всему своё время. Циолковского называли психом ровно до того момента, пока не полетели в космос. Тесла не застал

интернет при жизни, хотя и много сделал ради его появления. Бруно сожгли на костре за то, что теперь написано в учебниках.

Я не застаю общество гармоничным, даже если положу на это жизнь. Зато лет через двести после моей смерти это прекрасное общество люди будут получать с рождения.

В один прекрасный день любая идея, любой взгляд будет приниматься как норма. Люди будут раскрываться, как угодно, и расширять сознание ежесекундно. Это просто будет.

А прямо сейчас я как в тюрьме со своими взглядами. И через пятьдесят лет будет то же самое. Нахуй продолжать?

Ради кого-то...

Меня ни в какую не отпускает ощущение, что именно ради кого-то я и живу. Ради мамы. Только против своей воли.

Когда меня замочили, я должен был умереть. Тогда было моё время для смерти. Никто не выживает после того, что со мной сделали. Это физически невозможно. Мама называет это чудом. А я — ошибкой. Я должен был умереть. Но видимо, я настолько нужен маме, что Господь услышал её молитвы и оставил меня ей. Всё сходится — тогда я достиг пика земной жизни, ментально перерос мир, в котором родился. Меня смертельно порезали. Мама сильно молилась. А сейчас мне опять нечего здесь делать.

С того самого момента моя жизнь бесцельна. Я просто слоняюсь по ней, убивая время. Я ни с кем не завязываю отношений, ни дружеских, ни любовных. Не занимаю себя долгими делами. Все движухи в моей жизни короткие, которые в любой момент можно бросить без сожаления. Я не обрастаю имуществом и не вижу в нём

смысла. Я не стремлюсь обременить себя чем-либо, кем-либо. Я как ветер, который может исчезнуть в любой момент.

И только мама испытывает радость от того, что я есть. Остальным похуй.

Я должен был тогда умереть, тогда было моё время.

27 февраля

Живи ради родителей.

Найди дело и живи ради него.

Создай семью и живи ради неё.

Если спросить у кого-то, в чём смысл жизни, то семьи и дети будут в топе ответов.

Или родители — жить, чтобы не расстраивать их своей смертью.

И ведь вокруг дохуища людей, и все они говорят одно и то же. У них есть эти ответы. Не знаешь ответ? Спроси. И получишь один из таких. Они все в один голос дают тебе смыслы жить дальше.

Сама эта парадигма — «жить ради кого-то» — неподходящая для меня вещь. Это такой короткий вариант ответа, который совсем мне не подходит. Как если бы я проходил опрос на тему «Ради чего жить» и среди вариантов ответов был бы: «Ради кого-то или чего-то» — я бы просто обошёл его вниманием. Настолько это бессмысленный вариант.

Смысл моей жизни должен быть во мне. Я изнутри должен хотеть этого. Не ради кого-то или чего-то, а в принципе. Тогда уже на это «в принципе» можно наложить что угодно — создание семьи, отношения с родственниками, дело. Любые события, люди, вещи — это сопровождение.

Ну как еда, например — ты не станешь есть суп ради супа. Ради того, чтобы он не остыл, или ради ложки. Ты ешь, когда хочешь есть в принципе, когда есть потребность в еде. А если ты не голоден, то вообще похуй, остынет суп или нет.

«Живи ради родителей» — это как «Съешь ложку за маму».

И вот что самое интересное — те, кто советует такие вещи, никогда не находили смысла жизни. Они не теряли его, у них он всегда был. У них всегда было желание жить. Неосознанное. Никто из них не знает, что у них есть желание жить, оно просто есть. И они называют это: «Ради дела, ради детей, ради родителей», а на самом деле в них просто есть желание жить, которое есть у всех с рождения.

А если ты сознательно задаёшься вдруг вопросом: «А ради чего? Зачем?» — то ты остаёшься совсем один. Тебе не у кого спросить. Никто не знает. Видимо, потому что нет смысла.

Сам вопрос неправильный — «ради чего». Не «ради чего». А «как» или «почему». Как хотеть жить? Вот так звучит вопрос.

Мне не с кем поговорить. И это очень важно. Поговорить, услышать мнение извне. В котором, возможно, будет что-то здоровое, какой-то свежий взгляд на то, что со мной происходит. Возможно, этот свежий взгляд вернёт мне желание жить, откроет новый смысл.

Потому что то, что в моей голове сейчас, ведёт меня к смерти. А она необратима. Когда ты прыгаешь с 16-этажного здания, ты не можешь собраться обратно. В жизни нет кнопки save-load.

Позитивно настроенные люди? От них один шаблонный позитив, живи-ради-жизни, жизнь-прекрасна.

Обычные адекватные люди? Больной-что-ли, с-жиру-бесишься, заводы-стоят.

Близкие? Подумай-о-матери, не-бросай-нас.

Суицидники? Я-резал-вены, жизнь-дерьмо, всё-тлен. Они никогда не убьют себя. Они никогда всерьёз даже не думали об этом.

Это всё клише. У них нет осознанных ответов.

Больной? Да, больной. Я болен мыслями о смерти. И это, чёрт возьми, всерьёз.

Я не знаю, что с этим делать. Я заперт внутри своей головы, которая ведёт меня к смерти.

А если там чёрт знает что? Если там серо-фиолетовые существа, разрывающие меня, как при клинической смерти?

Если там меня сделают чучелом в музее, которое ежедневно сносит выковыривающих глаза детей и всё чувствует? А потом его сжигают, оно чувствует, но это меньшая боль?

Если там, после смерти, меня накажут за самоубийство? Если момент приземления будет длиться вечность? И я буду чувствовать каждую умирающую в моём теле клетку по часу?

Если в момент прыжка у меня разорвётся сердце и я навечно буду закован в этот момент, испытывая эту боль каждую секунду этой вечности?

Если я не разобьюсь и очнусь в гробу?

Столько учебников написано, а про суицид ни слова достоверно.

28 февраля

Я сижу на крыше 16-этажки. Это самое высокое здание на районе. Школьником я ходил сюда с друзьями. Сам не знаю почему. Хотя высоты боюсь довольно сильно.

Курю, смотрю в ночь.

Страх смерти? Хуйня. Простая физика — за долю секунды моё тело разобьётся и умрёт от повреждений. Душа вылетит, не испытывая боли, как и любых других телесных чувств. Не будет никакого разрывающегося вечно́сть сердца и сознания, закованного в момент ужаса.

Совсем скоро я избавлю себя от нестерпимости пребывания в абсурде бытия.

Утро больше не встретит меня грязной стойкой или любым другим рабочим местом, засранным моими сменщиками. Никакой Гриша, Петя, Вася или Серёжа не потратит ни секунды моего внимания на доказательства собственной важности. Мне не нужно больше держаться в рамках моей социальной роли, запоминая и заучивая кучу бессмысленных, нелогичных правил поведения. Я вообще скоро покину парадигму иерархической лестницы, и прямо сейчас мой волосатый хуй плотно лежит на самом понятии «статусность». Мне не нужно больше работать на работе за зарплату. Ни один Вартан, Андрей и тем более бестолочь Света не будет больше распоряжаться моим временем. Мне не придётся больше общаться с придурками, которые сами лезут общаться, а уйти некуда, потому что вы работаете вместе и до конца смены ещё пять часов. Мне вообще больше не нужно общаться с кем угодно. Праздники, «я думал о тебе лучше», мода на образ мышления,

«квартира-машина-дача»... Больше ни одна идиотская идея не будет прививаться моему уму через все доступные инструменты пропаганды.

Абсурд этого мира вообще больше меня не касается. И я испытываю огромное облегчение от того, что я свободен от повинности терпеть его проявления каждый день, каждую минуту жизни.

Я стою на краю и смотрю в бездну. Туда, где всё закончится. Я расстаюсь с этим психопатичным миром навсегда. Там, внизу, нет классных девчонок, придурковатых друзей, с которыми так весело бороться в парке пьяными рядом с выгуливающимися семейными. Нет алкоголя и артхаусного кино. Нет сообщений в личку «Это было охуенно!» от читателей. Нет возможности выплеснуть на бумагу переполняющие мысли. Возможно, что там нет вообще ничего. Даже самих мыслей.

Я так и не успел снять кино. А ведь я очень хотел. Не успел побывать в Тибете, Калифорнии, Дании. Не посидел на берегу океана с норвежскими рыбаками и не посмотрел с ними с тоской в даль. Не слетал в космос, не погрузился на дно моря. Я не был в Антарктиде и не знаю, реально ли там холодно. Не ездил на гоночном болиде. Я даже на гонках ни разу не был вживую. Не прыгал с парашютом, даже с тарзанки не прыгал. Не нырял с аквалангом, не бывал в невесомости, не прожил ни дня на необитаемом острове.

Я проигрываю в мою любимую игру.

Я стою на краю крыши и смотрю вниз с высоты шестнадцати этажей. Там, внизу — никого. Даже дворники не проснулись. Мир абсолютно пуст. Я один в абсолютной пустоте. И там, дальше — только пустота.

А ведь я могу всё это сделать. Всегда мог. Прямо сейчас могу спуститься на лифте да начать делать. Положить пару шмоток в рюкзак, тетрадку с ручкой, да поехать в Норвегию. Куда угодно. Терять-то мне нечего. Я же ничем не владею. Даже желанием жить. И вот это всё меняет.

«Только потеряв всё, ты обретаешь себя». Тайлер Дёрден не учёл, что обрета себя, ты можешь с ужасом обнаружить, что тебе некуда себя применить. А все эти парашюты и погружения с аквалангом — всего лишь недопробованные проявления реальности. Когда нет смысла жить, проявления жизни так же бесполезны, как новенькие автомобильные колёса, когда у тебя нет машины. Какой толк от лямбда-зонда, лежащего в кладовке, если тебе даже ехать некуда?

Однажды, когда я учился в последнем классе школы и был нефором, я пошёл ночью гулять с друзьями-нефорами. С Петрушиным, Паштетом, Ричи, Кейтом, Имамовой, моей сестрёнкой и Соломой. Мои родители уехали на дачу, мы угорали на квартире, а когда закончился пивас — пошли прогуляться за ним. Тогда алкоголь продавался круглосуточно.

Прошли буквально до ближайшего угла, как нас остановили местные старшие. Их было человек пятнадцать. Без баб, голодные до экшена, сильные, уверенные, взрослые и ненавидящие нефоров. Ричи отвели в одну сторону, Петрушина — в другую, Паштета стали отводить, да он сразу убежал. Стою я с девчонками, смотрю, как старшие, пользуясь своей силой, угнетают нас. Нас, радующихся жизни, никого не трогающих, счастливых просто быть друг с другом. Они, ни к чему не стремящиеся, ненавидящие всё вокруг, полные одного желания — подавлять. И я понимаю, что ничего не могу сделать. Мир запрещает мне быть собой.

Тут Стас зовёт подойти к нему. Стас — это пацан за двадцать, который почему-то исключительно ненавидит меня. Ни к кому он не испытывает столько агрессии и желания унижить, как ко мне. Мы не сталкиваемся, не пересекаемся, мы никогда не были знакомы. Но именно меня он ненавидит люто, без видных мне причин.

— Иди сюда, — говорит мне Стас.

В этот момент я очень хочу оказаться с ним наедине с ножом сантиметров двадцать из толстой стали с острым концом. Оказаться с ним в абсолютной пустоте, вне мира. Только он, я и мой нож. Я испытал бы тогда тотальное освобождение от всех негативных эмоций, возвращённых им во мне. Я вернул бы ему всю его бессмысленную, беспричинную ненависть, отданную мне на грязных улицах моего ёбаного района. Не испытывая никакой радости, никакого горя, не испытывая ничего, я отдавал бы ему то, чем он является, глядя ему прямо в глаза. Я бы погружал в него эту сталь и наблюдал в его взгляде удивление тому, сколько желания уничтожить его он создал во мне своим поведением, отношением ко мне.

— Тебе надо, ты и подходи. — Так я сказал ему. Я понимал, что он подойдёт и урочет сразу же. И он, подходя, понимал, что я это понимаю. Вместе с этим я ясно чувствовал, что он идёт вот сейчас ко мне и знает, что если я убегу, то сдам его мусорам. И старшие отпустят остальных, потому что им придётся разбегаться самим.

Я отчётливо осознавал, что его мысли именно такие. Не знаю как, интуитивно, что ли.

Да, я не мог его побить. Не мог побить их всех, освобождая моих друзей от них. Я не хотел становиться таким же, находить себе место в их иерархии, чтобы выжить. Но и оставлять это дерьмо как есть я тоже не мог. Да, мне ничего не стоило сдать этих парней мусорам, чтобы они просто не мешали жить. Вопреки районным понятиям. Я

даже не испытывал ощущения, что я предатель. Я хотел радоваться жизни, быть собой, использовать молодость по назначению.

Как только он подошёл и ударил меня, я побежал. Бежал и понимал, что всё, действие совершено, конфликт исчерпан и прямо за моей спиной они рассасываются. Как будто они специально собрались, чтобы доказать себе, что я могу убежать. Знаете, если это работает — легко.

Догнал Паштета, вернулись во двор, все там. Говорят:

— Как только ты убежал, они сами разошлись. Сказали, ты сейчас мусоров вызовешь.

Я знал это. Знал, что так будет.

Но где-то до этого вот момента уничижал себя за бегство. Я называл это трусостью. Сейчас я понимаю, что не важно, трусость это или нет, что есть ли вообще трусость и стоит ли её избегать. Важно, что бывают моменты, когда оголтелое абсурдное ломает мои планы. В виде старших, которые останавливают и подчиняют, в виде боссов на работах, в виде общества с праздниками и прочими другими правилами, по которым ты должен двигаться.

Нет ничего плохого в бегстве. Вообще нет плохого и хорошего. Есть то, чего я хочу, и толпа пидарасов, которые хотят меня этого лишить. Когда я хочу гулять с друзьями, я хочу гулять с друзьями, а не бежать. Когда я хочу сказать что-то, я хочу говорить, а не держать в себе. Когда я пишу сценарий, я хочу создавать свой мир, а не заботиться о правдоподобности героев. Я хочу, чтобы происходило то, чего я хочу. И не хочу того, чего не хочу.

Хочу.

Я.

Мне.

Моё.

Личность — вот единственное, что имеет значение. Я родился один, я отвечаю за свою жизнь один, я умру один. А значит, мои желания — превыше всего.

И когда кто-то рядом считает иначе — какого хрена я должен уходить?

Стоп. Именно.

Почему это я должен уходить? Убегать? Избегать? С чего вдруг я должен покинуть сцену?

Пусть уйдёт он. Она. Они. Даже если весь мир считает, что я неправ — это не причина мне уходить.

Пиздуйте нахуй сами.

Этот мир — ровно такой же мой, как и их. Он на те же 100% принадлежит мне. Так с какого хрена я должен уйти? Уходите вы.

Я много чего люблю здесь: красивых девчонок, весёлых друзей, интересных собеседников, будоражащие события, фильмы Дэвида Финчера, Firestarter Prodigy, весну, чистый воздух, купаться там, где видно дно за прозрачной водой, новые города, мясо с кровью, водку с грейпфрутовым соком. Я слишком много чего люблю в этом мире, чтобы просто так отдать его тем, кому я не нравлюсь. Ребзя, вы мне тоже не нравитесь. И это более веская причина.

Бегство — не выход.

Нет.

Выход — научиться подчинять своей воле их правила. Научиться управлять правилами — вот выход. Программировать реальность под реализацию своих целей.

С какого хрена я должен убивать себя? То есть почему, если мир меня не устраивает, именно я должен из него уходить? Почему бы не уйти всем остальным? Почему бы всем остальным не пойти нахуй, когда они мне мешают? Я же могу послать нахуй кого угодно.

Да, я не могу заставить окружающих делать то, что я хочу. И не могу силой удерживать границы моего пространства. Но я могу найти способы добиваться от людей того, что мне нужно. Могу научиться удерживать своё у себя так, как это принято, изучив их способ мышления.

Ради чего? Вот главный вопрос. И это вообще единственный вопрос любого человека, который стоит на краю пропасти, готовый прыгнуть.

В одном сериале конца 90-х, *Freaks and Geeks*, один персонаж сказал одну великую фразу:

«Нужно найти причину жить».

Такая короткая, такая ёмкая. Притом что с детства считаешь, что есть глобальный смысл жизни и частное личное предназначение. Вектор, миссия. А этого всего нет. Жизнь просто есть. В ней нет смыслов и миссий. Поэтому единственный вопрос, от которого зависит то, как сложится жизнь — это:

Какая причина жить?

У меня ведь много их. Как бы я ни пытался все последние полгода зарыть свои желания, рассматривая мир только со стороны «желаемое невозможно», оно возможно. Есть то, что я люблю. Есть то, что хочу сделать. У меня несколько причин жить. Сотен. Может, тысяч.

То, что в жизни нет смысла, не значит, что нет смысла жить.

В жизни нет готового, предустановленного смысла, предназначения, миссии. Мы все предоставлены сами себе с самого рождения. При этом на нас постоянно что-то влияет. Мы расцениваем влияние как негативное, если оно не поддерживает наши ценности, и наоборот. Причём свои ценности мы выбираем сами. Либо берём готовые, либо создаём свои. В любом случае смысл нужно создавать самостоятельно. С нуля. Валить что-то

на родителей, на школу, на начальство — бесполезно, непродуктивно. Меня в четыре года впервые высек отец, и это останется со мной навсегда. Этот эпизод уже повлиял на меня, сформировал какую-то миллионную часть моего мировоззрения. И если я скажу: «Батёк — пидарас» — это ничего не изменит. Я всё так же останусь парнем, которого в четыре впервые высек отец.

Это. Уже. Произошло.

Что делать с этим дальше — вот в чём вопрос. Тем временем моя жизнь продолжается, независимо от реакции на прошлое. Только от меня зависит, что будет, потому что никто не метнётся построить мне карьеру или написать за меня книгу. Только я сам могу создать что-то, что станет частью моей жизни.

Да, среда часто агрессивна. Она в корне неправильная, и порой это так угнетает, что неохота выходить на улицу. Но другой нет. Я не могу выбрать, как в Steam, порезаться в эту жизнь или в другую. Зато в этой есть потрясающая вещь: самореализация.

Да, здесь, в этом местами ублюдочном, но в целом прекрасном, мире есть возможность реализовать свой потенциал через творчество. Сделать всё что угодно. Создать то, чего не хватает. Я не могу оторваться с подругой по дороге в Амстердам, но я могу снять это в кино, и это станет реальностью. А я испытаю удовольствие от реализации собственного видения, преобразования его из витающих в голове мыслей в физическую форму.

Я остаюсь. Решено. Остаюсь.

Весь этот последний год я шёл к этому. Мне нужно было прочувствовать и осмыслить то, что произошло со мной. Благодаря всей этой разъедающей рефлексии, я окончательно выкинул из головы всё, что мешает быть полноценным: навязанные способы быть. Благодаря всему этому трэшу в моём сознании, я освободил себя для полноценной жизни.

Да, я всё ещё стою на краю крыши. Но прыгать я не буду. Хотя ещё вчера это казалось единственным способом. Да это вообще не способ. Это последний инструмент манипуляции мной: если в мире ты чувствуешь себя лишним — уходи. Нет, ребзя, сосите хуй. Я не уйду. Не вы решаете, что мне делать. Прикинь! Школа, институт, взрослые, бабушки и дедушки, телик, газеты, журналы, компетентные товарищи. Всё. Вы больше не властны над моим сознанием. Вот она — бездна, вот он — я, не принимающий правила. И вот, я разворачиваюсь, чтобы устанавливать свои. Быть по-своему.

Прикинь, пропаганда, ты проигрываешь свою любимую игру!

Я выиграл себя у тебя.

Как это здорово, когда тебя ничего не ограничивает. Я могу собрать всё лучшее, что есть, попробовать всё самое интересное. Все возможные события, которые будут радовать лично меня.

Что, если я прямо сейчас раз и навсегда решу не обращать внимания на негатив и каждый день стремиться испытывать новые позитивные эмоции?

Дерьмовое событие? Бросил, пошёл делать позитив.

Не нравится крыша — поехал в Антарктиду. Не понравилась Антарктида — поехал в Норвегию. Рыбаки оказались плоскими — пошёл зависать с эквилибристами, с ловцами жемчуга, с театральными актёрами.

Я ведь даже не знаю — классно ли зависать со всеми этими людьми, испытаю ли я что-то от созерцания тоски с норвежскими рыбаками на берегу океана.

И ничего не мешает мне узнать.

Вокруг меня не кружит ни один автоматчик на мотоциклете, и мои руки не прикованы цепями к стенам. Моё тело вольно перемещаться в пространстве и контактировать со всеми

возможными оттенками реальности. А я заиклился на том, что кто-то не такой, как я хотел бы.

Всего этого можно просто не замечать.

Ну и бред. Абсурд — пускать в себя абсурд и негодовать по поводу его существования.

Если так посмотреть — я сам решаю, из чего состоит моя жизнь. Я не выбираю то, как развернутся события, но я выбираю, продолжать в них участвовать или нет. Я не могу знать заранее, хорошо ли будет в этих кроссах, но я сам решаю, носить ли их дальше. Я не знаю, будет ли классно жить в новом городе, но я решаю, оставаться в нём или нет.

Я не могу избежать столкновений с негативом, но я могу полностью от него отказаться. Я могу пробовать всё подряд и оставлять в своей жизни только то, что радует. А то, что расстраивает — выкидывать. Эта девушка ебёт мозги? Прогнал. С этой девушкой кайфово? Оставил.

Этот человек говорит тебе, что ты не можешь отказаться, потому что теперь должен-обязан? Послал нахуй, удалил его телефон и добавил в чёрный список, а всё это событие выкинул из головы. Память — классная штука: она отлично редактирует что было, и в финальной версии всё здорово. Всегда.

Не должен, не обязан, не хочу — не буду.

Как просто быть собой, когда нечего терять.

Я то, что я делаю. Я делаю то, что я хочу. И точка. Вот это охуенная жизненная мантра. Просто пиздец — я могу жить как угодно, могу быть кем угодно!

Всё зависит от меня, не от обстоятельств.

Никто же не заставляет меня смотреть на бастующих шахтёров. Несправедливость — это их реальность. Моя может быть до краёв наполнена вдохновением и позитивными эмоциями. И мне совсем

не обязательно находиться там, где нет ничего для меня интересного.

Нет правых и неправых. Нет никакой истины. Каждый, кто верит в то, что говорит — прав. Каждый, кто не верит в то, что говорит — неправ. И это не истина. Это лишь то, во что я сейчас верю.

Завтра могу верить во что-то другое, и плевать, что обо мне подумают. Я теперь о них вообще не думаю.

Хочу снять фильм.

Я много чего хочу. Вообще-то, оказывается, я очень много чего хочу. Но прямо сейчас я хочу одного — снять один фильм. А дальше — по обстоятельствам.

Прямо сейчас слезу отсюда и пойду снимать кино.

Охуеть! Мне 27, я всю жизнь хотел снимать кино и до сих пор не снял ни одного. Мне нужен ВГИК? Нет. Другое кинообразование? Нет. Уметь снимать? Нет. Я должен разбираться в объективах? Нет. Я могу делать как угодно, что угодно и когда угодно. Захочу снять на пепельницу? Сниму на пепельницу. Да и не придётся. Наверняка в мире есть оператор, который снимет, актёры, которые сыграют, кто-то, кто склеит кадры, наложит звук, и так далее. Наверняка есть те, кто скажет — так не делается, нельзя, плохо. По-Хуй!

Я сделаю это. Только потому что хочу. Пойду и сделаю. А потом я сделаю всё остальное:

Посижу с норвежскими рыбаками на берегу океана и посмотрю с тоской в даль. Прыгну с парашютом и потом, на закуску — с тарзанки. Съезжу в Антарктиду, нырну с аквалангом, и всё, что только взбредёт в голову.

Нет, я не умру в 27. Я ещё не всё сделал. Я ещё не всё узнал, у меня ещё достаточно здоровья и энергии. Моё тело ещё не разрушилось. Мне не нужна справедливость, правда, истина. У меня всё есть — я и то, что я думаю. Это и правда, и истина,

и справедливость. У меня есть прекрасная непознанная и, возможно, очень интересная площадка — мир. Здесь я могу реализовать все свои хотелки. И мне никто для этого не нужен. Только я сам.

Социальные обязательства? Посадить дерево, вырастить сына, построить дом? Это просто смешно. У меня есть целый мир для проб и ошибок, не вижу не единого смысла оправдывать чьи-то ожидания. Мы просто очень разные. Уходите.

1 марта

Привет, мой первый день новой жизни. Нет, я не восторженный фанат тебя, мне плевать на улыбки, детский смех и всю эту психоделическую поебень, которой пичкают суицидников.

По законам жанра, я должен был найти что-то вроде «жить и радоваться жизни» или что-то героическое вроде «найти лекарство от рака». Нет, жизнь — не сахар, чтобы постоянно или бóльшую часть времени ей радоваться. Нет, я не настолько люблю людей, чтобы жить ради них. А что до клишированных смыслов, то мне плевать на них.

Всё иначе — у меня слишком много нереализованных желаний, и слишком дофига вещей в этом мире не хватает, которые способен создать только я.

В частности, этот дневник в виде книги. Через пару месяцев, когда он будет издан, мир станет полноценнее. На мой взгляд. А он для меня самый главный. И поскольку эта конкретно жизнь — моя, то главный в принципе.

Рокки был прав: жизнь — это жёсткое место, в ней нужно работать над тем, чтобы было хоть что-то. Мир — не сказка, в нём нет вообще никакой сказки. В нём есть то, что есть. А ещё в нём есть то, что я хочу. И чтобы получить это, мне нужно искусно и планомерно добывать это из мира. Он не даст мне всё сам. Даже если я буду исключительно надрывно просить. Всё в мире могу взять только я сам.

Да, этот метод намного сложнее того мировоззрения, которое было вживлено в меня с детства. Моими родителями, учителями, родственниками, целой толпой окружающих старших. Медведи —

это не добряки с горшочками мёда, а суровые хищники, которых можно застрелить из ружья, когда они на тебя нападают. Или просто ради удовольствия. Ежи — это не рефлекслирующие в тумане создания, а маленькие колючие животные, которых легко расплющить молотком, но в целом незачем это делать — удовольствия никакого, только жалко животинку. И так во всём. Рок-звёзды, киноактёры, директора банков, карточные фокусники. Всё в мире — не то, чем кажется.

А ещё здесь есть масса людей, создающих все эти истории про Золушек, чтобы поиметь меня. Чтобы, манипулируя моим чувством прекрасного, срезать с меня ресурсы, поддерживая в теле жизнь.

К сожалению, единственный способ узнать правду — это проверить всё самому.

Так что нет, мир не сладок. Но это лишь одна сторона медали. На другой же лежит огромное количество классного и захватывающего. На ней есть всё, что я хочу. И только от меня зависит, получу я это или нет. Да, порой придётся обманывать, уничтожать, подчинять, уговаривать, манипулировать. Много чего неэтичного, на мой взгляд, придётся делать, ведь мир играет по своим правилам. Стало быть, и обыгрывать его нужно по его же правилам. А всё, что я считаю неэтичным — просто данность, как столб на дороге. Можно врезаться, как баран, можно пересмотреть отношение и объехать, как человек.

Вопрос всегда один — есть ли причина. У меня есть. Сотни. А может, и тысячи причин.